человек загадка

Алла
БЕГУНОВА

РУССКАЯ
АМАЗОНКА

НАДЕЖДА ДУРОВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Благодаря кинофильму «Гусарская баллада» некоторые факты из биографии первой русской женщины-офицера, знаменитой «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, стали широко известны. Но Дурова прожила долгую, трудную и далеко не однозначную жизнь. Она служила в Российской императорской армии около десяти лет, была знакома со многими выдающимися деятелями эпохи Александра Первого и с самим государем. Ее литературный талант высоко оценивал А. С. Пушкин. Так почему ей мало было удела образованной светской дамы? В чем ее тайна – в простой попытке эмансипации, предвосхищающей дела феминисток? Или это желание подвига во имя спасения Отечества, неподвластное различиям пола и возраста?

- Алла Бегунова
  -
  - Предисловие
  - Дворяне Дуровы
  - Детство и отрочество Надежды Дуровой
  - Василий Чернов – муж Дуровой и Иван Чернов – ее сын
  - Побег из отцовского дома
  - В Польском конном (уланском) полку
  - Боевое крещение
  - Встреча с государем
  - В Мариупольском гусарском полку
  - В Литовском уланском полку
  - Гроза двенадцатого года
  - Отставной штабс-ротмистр Александров
  - Брат Василий
  - Литературный дебют
  - В тихом городе Елабуге

Алла Бегунова
Надежда Дурова. Русская амазонка

© Бегунова А. И., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Автор благодарит за помощь в сборе материалов для этой книги:

Генерального директора Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника РУДЕНКО Гюльзаду Ракиповну, директора музея-усадьбы Н. А. Дуровой в городе Елабуга ВАЛИТОВУ Фариду Хакимовну, заве дующую читальным залом Российского государственного военно-исторического архива БУРМИСТРОВУ Татьяну Юрьевну, зам. заведующего отделом Государственного архива Российской Федерации ТИХОНОВА Игоря Сергеевича.

Предисловие

Надежда Андреевна Дурова – героиня Отечественной войны 1812 года стала первой русской женщиной-офицером, первой женщиной, награжденной за боевые подвиги знаком отличия Военного ордена – солдатским Георгиевским крестом. Её романтическая биография послужила сюжетной основой для многих художественных произведений, в том числе для очень популярного в нашей стране фильма «Гусарская баллада», созданного на киностудии «Мосфильм» в 1962 году.

С точки зрения нашего времени, ничего необычного в многотрудной жизни и смелых деяниях Н. А. Дуровой не было. Её семейная жизнь не сложилась, и тогда, уйдя от мужа и поместив своего единственного сына в закрытое военно-учебное заведение, она все силы отдала освоению профессии и карьерному росту. Тысячи и тысячи молодых женщин ныне проходят подобный путь. Но в начале XIX столетия судьба Дуровой удивляла, восхищала, привлекала внимание русского общества. В ней видели знак времени, символ новой эпохи.

Отвагой дышит девы грудь…
Хребту коня свой стан вверяя,
Свой пол меж воинов скрывая,
В лихом бою воитель новый,
Беллоны вид приняв суровый,
В руке сжав сабли рукоять,
Летит на вражескую рать… —

такие стихи посвятил Надежде Андреевне ее современник, поэт А. Н. Глебов.

Между тем Дурова была в полной мере человеком своей эпохи. Эту эпоху принято называть наполеоновской. Она породила новый дух и новых героев в странах Европы.

Подвиги, блеск военной славы, великие сражения – все это волновало тогда сердца и души необычайно. Женщины не остались равнодушными к бурным событиям этого романтического времени. Они захотели подражать замечательным героям. Поэтому не только дочь городничего Дурова из маленького российского города Сарапула решила примерить на себя мужской костюм, мужские занятия, мужскую роль. В европейских странах у нее были, так сказать, сестры по духовному порыву.

Первой среди них можно назвать итальянку Франческу Сканагатти. Ей удалось поступить в военно-учебное заведение и успешно окончить его.

В 1794 году в семье сенатора из Милана Джузеппе Сканагатти произошло печальное событие. Его восемнадцатилетняя дочь красавица Франческа бежала из пансиона при католическом монастыре св. Софии, где воспитывалась с 12-летнего возраста. С ее решительным характером, с любовью к физическим упражнениям, верховой езде и фехтованию усидеть в обители было невозможно. Но отец не ожидал, что она совершит такой дерзкий поступок. Еще больше он удивился, получив вскоре письмо из Вены от кадета Австрийской военной академии Франческо Сканагатти. Оказалось, что его дочь переоделась в мужской костюм и выдержала экзамены в это учебное заведение.

Через три года Франческа окончила академию. Ей был присвоен чин младшего лейтенанта. Она получила направление на службу – в 6-й пехотный батальон австрийской армии. Затем она была переведена в 4-й батальон под командованием майора Дибира, находившийся в Польше. В 1799 году батальон совершил поход в Северную Италию и принял участие в боевых действиях против французских войск возле Генуи. Франческа отличилась в бою при деревне Барба-Джелата. Смело повела она своих солдат в атаку и, несмотря на убийственный огонь вражеской артиллерии, выбила французов с их позиции. За этот подвиг Франческа Сканагатти была произведена в чин лейтенанта. Но в 1801 г. последовало разоблачение. Командование узнало, что лейтенант Сканагатти – женщина. Тем не менее в уважение ее заслуг Франческу уволили из армии с офицерской пенсией.

Она вернулась в дом отца и через год вышла замуж за подполковника австрийской армии Спини. Этот брак был удачным. Вместе с мужем Франческа побывала во многих военных походах, родила троих детей. Умерла она в возрасте 85 лет.

Карьеру кавалериста избрала для себя Эльзелина-Иоганна Удлан, родившаяся в Тоскане в 1778 году. Её мать была голландкой, отец – неизвестен, хотя впоследствии в своих мемуарах она называла его венгерским графом. Переодевшись в мужской костюм, Эльзелина поступила рядовым в 10-й Конно-егерский полк французской армии и совершила в его рядах несколько походов в 1807–1807 гг. В январе 1807 году она участвовала в знаменитом сражении при Пултуске, где была ранена пулей в ногу и саблей в руку.

Когда войны, бушевавшие в Европе, закончились, Эльзелина вышла замуж за голландского офицера и выпустила в Париже

книгу о своих приключениях «Воспоминания г-жи Эльзелины ван Айльде-Енге, прозванной Идой Сан-Эльм». В этой книге смелая женщина рассказала немало интересного о службе легкой французской кавалерии, о боевом пути своего полка, его солдатах и офицерах, о полковнике Орденере, который командовал тогда конно-егерями.

Литературные способности Эльзелины-Иоганны были несомненными, и она с успехом выпустила потом еще две книги: «Воспоминания современницы о важнейших персонах Республики, Консульства и Империи» (Париж, 1827) и «Современница в Египте, на Мальте и в Алжире» (3 тома, Париж, 1831).

В 1792 году на военную службу во французскую армию была принята с чином лейтенанта Мария-Генриетта Хейникейн, молодая жительница города Берлина, состоявшая в гражданском браке с бригадным генералом Лотье-Ксантрайем. Она стала адъютантом своего мужа, служившего в Рейнской армии. Генриетта носила мундир, но ближайшее окружение генерала знало, что она – женщина.

Мария-Генриетта особенно отличилась в августе 1793 года. Она сумела доставить в штаб армии ценные депеши. При этом всю ночь скакала верхом на коне, переправлялась через реку, отстреливалась от погнавшихся за ней вражеских драгун. В конце 1793 года Мария-Генриетта покинула службу, но в 1801 году была принята на нее вновь с чином капитана. В мундире офицера она участвовала в военном параде в Париже в присутствии Наполеона, затем была направлена с секретной миссией в Египет на французском военном корабле.

При плавании через Средиземное море на них напали англичане. Произошло морское сражение с английским фрегатом. Победили французы, взяв этот фрегат на абордаж. Генриетта участвовала в рукопашной схватке наравне со всеми и, как все бойцы, получила призовые деньги, о чем есть запись в ее офицерском формуляре. Затем она вышла в отставку и с 1805 года получала пенсию от Военного министерства Франции.

Есть ее портрет и описание, сделанное при выдаче ей французского паспорта в 1798 году: «Мария-Генриетта, 25 лет, рост 165 см, волосы – светлые, глаза – голубые, лоб – высокий, подбородок – круглый». Фамилию она носила по мужу – Лотье-Ксантрай. Последний штрих к ее биографии: став отставным капитаном французской армии, Генриетта в виде исключения была принята во франкмасонскую ложу.

В 1812 году 26-летняя Луиза Мануе из Кельна, скрыв свой пол, поступила на прусскую военную службу. О ее тайне знали

принц Вильгельм Прусский и его супруга. Они подарили молодой женщине, покинувшей мужа, верховую лошадь и помогли определиться рядовым уланом в корпус генерала Блюхера. Луиза участвовала в сражениях при Бауцене, Ганау, Метце, вместе с союзными войсками вошла в Париж в марте 1814 года.

В боях она была несколько раз ранена, в сражении при Бель-Альянсе в 1815 году лишилась правой руки. Кончила службу в чине вахмистра и с наградами – Железным крестом и военной медалью.

Как военный инвалид, Луиза получала пенсию от правительства Пруссии. После войны она вновь устроила свою судьбу: вышла замуж за переплетчика Иоганна Кессениха, родила троих детей. Семья перебралась в Россию, в Санкт-Петербург. Здесь Луиза сначала держала танц-класс, а затем – кабачок на петергофской дороге. Умерла она в 1852 году.

В ряду этих амазонок из Европы русской героине Надежде Андреевне Дуровой, бесспорно, принадлежит выдающееся место. Во-первых, она была участницей трех Наполеоновских войн: в 1807 году – в Восточной Пруссии, в 1812-м – в России, в 1813–1814 гг. – в Польше и Германии. Во-вторых, она без перерыва прослужила в армии почти 10 лет: с марта 1807 года по март 1816-го. В-третьих, прошла по всем ступеням служебной лестницы: весной 1807 года – рядовой, осенью 1807-го – унтер-офицер, в декабре того же года произведена в офицерский чин корнета, в июне 1812-го – поручик, в марте 1816 года, при отставке, – штабс-ротмистр.

Первая документальная статья о Дуровой была опубликована еще при ее жизни в «Энциклопедическом лексиконе» (СПб., 1841, т. 17, с. 309). Там были изложены сведения о ее биографии, которые она сама пожелала сообщить публике. Составители справочника их проверять не стали. Так возникла версия, повторявшаяся затем без каких-либо изменений во многих, весьма серьезных изданиях. Это – статьи о ней в «Большой энциклопедии. Словаре общедоступных сведений по всем отраслям знаний» (СПб., 1903, т. 8, с. 788), в «Военной энциклопедии» издательства И. Сытина (СПб., 1912, т. 9, с. 243), в «Большой советской энциклопедии» (М., 1972, т. 8, с. 545), в «Советской военной энциклопедии» (М., 1977, т. 3, с. 272).

В них говорилось, что Н. А. Дурова – дочь гусарского ротмистра, что она – «кавалерист-девица» (то есть замужем никогда не была), что родилась в 1790 году. К этим ее выдумкам, потом добавились и другие. Литераторы и кинематографисты украсили биографию первой женщины-офицера разными удивительными «фактами». Например, огромной популярностью

пользовалась пьеса А. Гладкова «Давным-давно» (1942 г.) и снятый по ней худождественный фильм «Гусарская баллада»(1962 г.). С успехом в 40-х и 50-х гг. на сцене Театра имени Моссовета шла пьеса К. Липскерова и А. Кочеткова «Надежда Дурова». В ней блистала несравненная Вера Марецкая (кстати говоря, внешне очень похожая на «кавалерист-девицу»). За эту роль актриса удостоилась Сталинской премии. В жанре художественной прозы выступили Д. Мордовцев с романом «Двенадцатый год» (1902, СПб), Л. Чарская с повестью «Смелая жизнь» (1913, СПб), Н. Кальма с повестью «Кавалерист-девица» (1969, М.). Целую восторженную поэму посвятил подвигу Дуровой А. Скрипицын (1912, М.).

Какими бы увлекательными ни были эти сюжеты, надо сказать, что легендарная героиня Отечественной войны 1812 года вполне достойна правдивого рассказа. Документы, найденные в нескольких архивах, помогут разрешить те загадки, которые Надежда Андреевна решила загадать своим современникам.

Дворяне Дуровы

> Мать моя, урожденная АЛЕКСАНДРОВИЧЕВА, была одна из прекраснейших девиц в Малороссии. В конце пятнадцатого года ее от рождения женихи толпою предстали искать руки ее. Из всего их множества сердце матери моей отдавало преимущество гусарскому ротмистру Дурову; но, к несчастию, выбор этот не был выбором отца ее, гордого властолюбивого пана малороссийского. Он сказал матери моей, чтоб она выбросила из головы химерическую мысль выйти замуж за МОСКАЛЯ, а особливо военного. Дед мой был величайший деспот в своем семействе; если он что приказывал, надобно было слепо повиноваться, и не было никакой возможности ни умилостивить его, ни переменить однажды принятого им намерения. Следствием этой неумеренной строгости было то, что одну бурную ночь мать моя, спавшая в одной комнате со старшею сестрою своей, встала тихонько с постели, оделась и, взяв салоп и капор, в одних чулках, утаивая дыхание, прокралась мимо сестриной кровати, отворила тихо двери в залу, тихо затворила, проворно пробежала ее и, отворяя дверь в сад, как стрела полетела по длинной каштановой аллее, оканчивающейся у самой калитки. Мать моя поспешно отпирает эту маленькую дверь и бросается в объятия ротмистра, ожидавшего ее с коляскою, запряженною четырьмя сильными лошадьми… В первом селе они обвенчались и поехали прямо в Киев, где квартировал полк Дурова…
>
> *Н. Дурова. «Кавалерист-девица. Происшествие в России»*

Таким романтическим рассказом начала Надежда Андреевна Дурова повествование о своей необычной, многотрудной и долгой жизни. Все персонажи этого рассказа, их отношения друг с другом описаны здесь коротко, четко и ясно. Сюжет выстраивается сразу, буквально с первых предложений. В нем есть все, что может увлечь читателя, обещая ему бурные перипетии, сильные страсти и неожиданную развязку истории. На первом плане находится юная, прелестная и своенравная героиня: «Мать моя, урожденная АЛЕКСАНДРОВИЧЕВА, была одна из прекраснейших девиц в Малороссии». Герой, которого она обожает, одет в роскошный

мундир гусарского офицера и наделен всевозможными достоинствами: «…отца моего, бывшего прекраснейшим мужчиною, имевшего кроткий нрав и пленительное обращение…». Как водится, соединению двух любящих сердец мешают действия третьего, весьма зловредного персонажа: «…но, к несчастию, выбор этот не был выбором отца ее, гордого властолюбивого пана малороссийского».

Однако, надо заметить, все это очень напоминает пушкинскую «Метель», которая вышла в свет в октябре 1831 года, как раз в то время, когда Надежда Андреевна уже работала над своей книгой «Кавалерист-девица. Происшествие в России». Только у Пушкина героиня постарше: «…дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу»; ее возлюбленный попроще: «бедный армейский прапорщик»; а родители девушки действуют сообща: «заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя».

Дурова не сообщает, кто придумал побег из отцовского дома и тайное венчание: «гусарский ротмистр Дуров» или «прекраснейшая девица в Малороссии». У Пушкина же инициатива исходит от молодого человека, а добродетельная Марья Гавриловна долго колеблется, не решаясь на безумный поступок. Шутка ли: пойти против воли родителей?

Великий русский поэт завершает свое произведение радостным финалом. Героиню ожидает чудо. Она все-таки встречает человека, который венчался с нею в церкви в ту ужасную ночь после метели. Он влюбляется в нее и делает ей предложение руки и сердца. Нечто похожее на чудо происходит и с «прекраснейшей девицей в Малороссии». В 16 лет она рожает «дочь-богатыря», после этого ее отец снимает с молодых супругов свое проклятие, приглашает их к себе и – что очень важно – вручает зятю приданое, приготовленное для дочери.

Вот канва событий, изложенных Н. А. Дуровой в ее произведении. Только архивные документы, дошедшие до наших дней, позволяют внести в этот интересный сюжет некоторые уточнения. Прежде всего, надо сказать, что отец «кавалерист-девицы» Андрей Васильевич Дуров никогда в гусарах не служил.

Конечно, слова о покорившем сердце юной красавицы гусарском ротмистре придают рассказу некий романтический флер, но, увы, они являются всего лишь авторским вымыслом. В 1781–1782 гг., когда, вероятно, и произошло знакомство А. В. Дурова с семейством Александровичей, он был капитаном и командовал ротой в Белевском пехотном полку. Его форменная одежда состояла из скромного пехотного зеленого кафтана с

красными лацканами на груди.

Биографию Андрея Васильевича можно описать совершенно точно по трем его послужным (формулярным) спискам, которые датируются 1786, 1807 и 1825 гг. Последний находится в государственном архиве Кировской области и сообщает следующее:

«…сарапульский Городничий Коллежский советник (чин 6-го класса, равный полковнику армии. – *Прим. авт.)* Андрей Васильев Дуров, из российских дворян, 49 лет… имеет во владении за собою крестьян мужска пола 10 душ… в службу вступил 1767-го Ноября 5-го во Владимирский пехотный полк сержантом; чинами происходил: 1770-го Сентября 10-го – прапорщиком, подпорутчиком – 1772-го Генваря 1-го, порутчиком – 1776-го Декабря 25-го в Белевском пехотном полку; дан чин капитана 1781-го Генваря 1-го; ротмистром 1787-го Марта 8-го в Полтавском легкоконном полку; из оного выбыл в отставку с награждениемс чина секунд-майора 1788-го Июня 31-го; 1789-го Октября 5-го определен правительствующим Сенатом в город Сарапул городничим…»

К этому надо добавить, что тогда гусарских полков в Российской императорской армии вообще не существовало. Их упразднил в ходе своей реформы в 1783–1786 гг. светлейших князь Потемкин-Таврический. В целях экономии государственного бюджета он заменил красивые гусарские мундиры на простые синие куртки и красные шаровары, присвоенные легкоконным полкам. Кроме того, судя по формулярному списку, ротмистр Дуров прослужил в кавалерии лишь год и три месяца.

Так что «прекраснейшую девицу в Малороссии», видимо, прельстило нечто другое. Скорее всего – желание избавиться от тиранической власти отца. Он действительно был богатым и знатным человеком. Ему принадлежало большое поместье «Великая круча», расположенное в Полтавской губернии на берегу реки Удай, в семи верстах от города Пирятина. В восьмой части «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (лист 138-й) описан герб древней фамилии Александровичей: на щите, разделенном диагонально на две части, на пурпурном поле – серебряная стрела, летящая вниз, на голубом поле – золотой крест на красном сердце, на верху креста – птица.

Однако не все просто и ясно с дворянством Андрея Васильевича Дурова.

Столь же полных сведений о нем не имеется. В нескольких публикациях лишь отмечено, что, видимо, этот род ведет свое начало от польских шляхтичей Туровских, служивших в середине

XVII века в гарнизоне города Смоленска. Затем Туровские получили землю в окрестностях города Уфы. По межевым актам XVII столетия здесь значится обширная территория, имевшая название «Турово поле». Это и были владения Дуровых, так как польская фамилия претерпела в России изменения. Сначала ее стали писать как «Туровы», затем, в XVIII веке, – «Дуровы». Родственники А. В. Дурова жили в Уфе и в начале XIX столетия. Согласно «Ведомости о состоящих в Вятской губернии помещичьих крестьянах и дворовых людях» от 1812 года в Яранском уезде проживали: помещица Надежда Дурова в деревне Ахмановой (у нее было 16 крепостных), помещица девица Варвара Дурова (19 крепостных), помещица девица Софья Дурова в починке Терехине (17 крепостных), коллежский асессор Дмитрий Дуров в починке Гаврилове (13 крепостных), полковница Мария Дурова в деревне Шимелово (66 крепостных).

Но Андрей Васильевич Дуров среди владельцев деревень и крепостных крестьян ни в одном из десяти уездов Вятской губернии не значится. Может быть, Дуровы, проживавшие в Яранском уезде, приходились ему не просто однофамильцами, а родственниками. Однако степень их родства не установлена. Точно так же не установлены имена, даты жизни и место жительства его родителей, то есть деда и бабки Надежды Андреевны со стороны отца.

Она вообще ни разу не упомянула о родне и предках Дуровых в своей книге, и это очень странно, потому что воспитание детей в дворянских семьях начиналось с того, они учили свою родословную и должны были знать всех предков, особенно по мужской линии. В произведении «кавалерист-девица» рассказала лишь о младшем брате Андрея Васильевича – Николае Дурове. Он сыграл определенную роль в судьбе героини. Познакомившись с ним лично в декабре 1807 года, Надежда Андреевна впоследствии поддерживала это знакомство и останавливалась в его квартире во время приездов в столицу в 1811, 1816, 1817–1818 гг. Кроме Николая Васильевича, у А. В. Дурова был еще один брат – Иван Васильевич, который в 1803 году служил на военной службе и имел чин подпоручика.

Все три брата поименованы в «Грамоте Екатеринославского дворянского собрания о дворянстве Дуровых», выданной 13 апреля 1803 года. Об этом документе упоминает Надежда Андреевна в своей книге.

Но эта грамота вызывает много сомнений.

Дело в том, что в 1842 году младший брат Дуровой Василий Андреевич, занимавший должность городничего в Сарапуле после отставки отца, обратился в Екатеринославское Дворянское

собрание с ходатайством о внесении его вместе с женой и детьми в родословную книгу, объясняя это тем, что его отец, коллежский советник Андрей Васильевич Дуров, вместе с двумя своими братьями состоял в дворянах Екатеринославской губернии и был внесен в первую часть книги местных дворянских родов под номером 17, что зафиксировано в «Грамоте о дворянстве» от 13 апреля 1803 года. Из Екатеринославля Андрею Васильевичу ответили, что при проверке первой части родословной книги никаких записей о Дуровых там не обнаружено и потому Дворянское собрание Екатеринославской губернии внести его в книгу не может, равно как и выдать ему соответствующий аттестат.

В 1848 году А. В. Дуров послал аналогичное ходатайство уже в правительствующий Сенат, в Департамент Герольдии. Он просил о приписке его с семьей к дворянству на том основании, что его предки Дуровы состояли в дворянском достоинстве свыше ста лет. Но и здесь он получил отказ, так как представленные им документы сочли недостаточными.

В дворянскую родословную книгу Казанской губернии был внесен лишь старший сын Василия Дурова – Андрей Васильевич Дуров (1833—?). Запись о нем сделана в первом томе третьей части, как человека, «приобретшего дворянство на службе гражданской, а равно получившего права потомственного дворянства чрез пожалование одним из присвояющих сие достоинство Российских орденов».

История о дворянстве Андрея Васильевича Дурова и, соответственно, его знаменитой дочери Надежды Андреевны, а также его сына Василия Андреевича, хорошо знакомого с Пушкиным, может быть рассмотрена и в наши дни. Все родословные книги дворян Екатеринославской губернии с записями, сделанными в течение 1798–1813 гг., хранятся в Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Упоминания о братьях Дуровых в них действительно нет. При сверке документов обращает на себя внимание тот факт, что фамилии лиц, подписавших их, не совпадают с фамилиями, поставленными на «Грамоте о дворянстве», выданной Дуровым в то же самое время.

Был ли лично Андрей Васильевич Дуров дворянином?

Да, был. По всем законам Российской империи он дважды достигал членства в заветном сословии: на военной службе, дойдя до чина капитана, и на гражданской службе, дойдя до чина 6-го класса (коллежский советник). Но тогда в большой цене было не личное дворянство, а ПОТОМСТВЕННОЕ. Его можно было установить только с помощью «Грамоты о дворянстве»,

выдаваемой дворянскими собраниями в губерниях.

По какой-то причине братья Дуровы этого документа не имели. А он требовался для лучшего продвижения по службе. Поэтому они, скорее всего, купили его у чиновников, имевших доступ к печати Дворянского собрания Екатеринославской губернии. Но эти люди обманули Дуровых. Они продали им только заполненный бланк с печатью и фальшивыми подписями, но не внесли соответствующую запись в родословную книгу, без которой «Грамота о дворянстве» становилась подделкой. Обман вскрылся лишь в 1842 году, когда Василий Андреевич пожелал воспользоваться правами потомственного дворянина и внести в родословную книгу Екатеринославской губернии своих детей.

Таким образом обстоит дело с Дуровым «уфимским, пермским и сарапульским», общественный интерес к которому вызвали смелые деяния его старшей дочери. Однако, кроме них, в России существовали и другие дворянские роды Дуровых, в действительности имевшие и многовековую историю, и крепостных крестьян, и наследственные поместья в разных губерниях: Московской, Санкт-Петербургской, Владимирской.

К наиболее древнему роду относились Дуровы из Московской губернии, упоминавшиеся в смотровых книгах Разрядного приказа с середины XVI века. У них был и дворянский герб: «Дуровы имеют в своем гербе изображение летящего в золотом поле черного одноглавого орла, который держит клювом за голову, а лапами за середину змея с красными крыльями, обернутого в правую сторону» (А. Лакиер. Русская геральдика. СПб., 1855, т. II, часть 4-я, с. 574). Один из московских Дуровых, Захар Захарович (? —1889 гг.), сначала окончил военно-учебное заведение, а потом – Московскую консерваторию. Он стал преподавателем истории русского церковного пения в Санкт-Петербургской консерватории и издал фундаментальный труд «Общий очерк истории музыки в России».

Поскольку в России признавали потомственное дворянство только по мужской линии, то наследником фамилии выступает один Василий Андреевич Дуров, младший брат героини. Его потомство и следует рассматривать в качестве продолжателей этого рода. В 1833 году, будучи городничим в Елабуге, он посватался к Александре Михайловне Коротковой, которая была дочерью командира инвалидной команды города Сарапула капитана Короткова, выслужившегося в офицеры из нижних чинов. Обвенчались молодые в Казани.

У Василия и Александры Дуровых было четверо детей: два сына и две дочери. Старший сын Андрей родился в ноябре 1833 года, старшая дочь Вера – в сентябре 1836 года, второй сын

Николай – в августе 1839 года и вторая дочь Александра – в марте 1844 года. Все они были племянниками и племянницами Надежды Андреевны, в воспитании которых она принимала участие, поскольку некоторое время жила вместе с семьей брата в Сарапуле.

В настоящее время все потомки Василия Дурова проживают во Франции. Они – граждане Французской республики. Многие из них не владеют русским языком. По приглашению дирекции Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника они неоднократно посещали город Елабугу и передали несколько семейных реликвий музею-усадьбе Н. А. Дуровой, который находится в этом городе.

Детство и отрочество Надежды Дуровой

С этого достопамятного дня жизни моей отец вверил меня промыслу Божию и смотрению флангового гусара АСТАХОВА, находившемуся неотлучно при батюшке, как на квартире, так и в походе. Я только ночью была в комнате матери моей; но как только батюшка вставал и уходил, тотчас уносили меня. Воспитатель мой Астахов по целым дням носил меня на руках, ходил со мною на эскадронную конюшню, сажал на лошадей, давал поиграть пистолетом, махал саблею, и я хлопала руками и хохотала при виде сыплющихся искр и блестящей стали; вечером он приносил меня к музыкантам, игравшим пред зорею разные штучки; я слушала и, наконец, засыпала.

…Взяв меня из рук Астахова, мать моя не могла уже ни одной минуты быть ни покойна, ни весела; всякий день я сердила ее странными выходками и рыцарским духом своим; я знала твердо все командные слова, любила до безумия лошадей. И когда матушка хотела заставить меня вязать шнурок, то я с плачем просила, чтоб она дала мне пистолет, как я говорила, пощелкать; одним словом, я воспользовалась как нельзя лучше воспитанием, данным мне Астаховым! С каждым днем воинственные мои наклонности усиливались, и с каждым днем более мать не любила меня. Я ничего не забыла из того, чему научилась, находясь беспрестанно с гусарами; бегала и скакала по горнице во всех направлениях, кричала во весь голос: «Эскадрон! Направо заезжай! С места марш-марш!» Тетки мои хохотали, а матушка, которую все это приводило в отчаяние, не знала границ своей досаде, брала меня в свою горницу, ставила в угол и бранью и угрозами заставляла горько плакать…

Н. Дурова. «Кавалерист-девица. Происшествие в России».

В 80-е гг. XVIII столетия в Российской императорской армии насчитывалось 13 легкоконных полков. По штатному расписанию они имели шесть эскадронов в каждом: 35 офицеров, 72 унтер-

офицера, 828 рядовых, 12 трубачей и 2 литаврщика, 33 мастеровых, 31 нестроевого и 30 извозщиков. Всего в эскадроне – 159 человек и 151 строевая лошадь, в полку – 1105 человек, 907 строевых лошадей. На вооружении в легкоконных полках состояли сабли, пистолеты (каждому строевому чину – по паре, при седле в ольстрах) и карабины (только у рядовых).

Одеты легкоконники были в короткие куртки из синего сукна с красными отложными воротниками, обшлагами и лацканами на груди и красные шаровары поверх сапог с привинтными шпорами, на головах – каски, сделанные из поярка, с козырьками спереди и гребнями из белой шерсти наверху. Летом нижние чины надевали вместо суконных курток и штанов вещи того же покроя, но из белого фламского полотна. Зимой – белый суконный плащ.

Такую форменную одежду имел «фланговый гусар Астахов», то есть тот солдат Полтавского легкоконного полка, которому и было, вероятно, поручено в 1787–1788 гг. смотреть за малолетней дочерью ротмистра Дурова. Как видно из описания, Надежда Андреевна сохранила к своему «усатому няню» самые теплые чувства на всю жизнь.

В ту эпоху Россия вела войны с поляками, шведами, крымскими татарами, турками. Армия ее совершала тысячеверстные походы и смело вступала в столкновения с неприятелем, добиваясь побед смелостью солдат, выучкой офицеров, талантом генералов. Потому боевой подготовке войск, и легкой кавалерии в частности, уделяли большое внмание. Так, фельдмаршал светлейший князь Потемкин-Таврический в приказе от 27 января 1789 года написал: «Господа полковые командиры должны употребить все старание поставить свои полки соответственно званию легкоконных… Иметь о людях большее попечение, нежели о лошадях, и для того меньше мучить чишением лошадей, ибо не в сем состоит краса полка, но в приведении его в исправность, нужную к бою…»

«Исправность, нужная к бою» достигалась тогда на общих полковых и эскадронных учениях, которые проводились летом, когда конница выходила в лагеря на шесть-восемь недель. Весной, осенью и зимой полки стояли по квартирам в городах и селах. На постое, как правило, занимались только одиночными. учениями. Судя по рассказу «кавалерист-девицы», она наблюдала именно общие полковые и эскадронные учения, что имело место лишь в лагерях. В лагерь она могла попасть только два раза: летом 1787 и 1788 гг., когда ей было сперва четыре года, потом – пять лет.

Офицерам разрешалось брать своих детей в военные лагеря, и об этом свидетельствует гусар, поэт и партизан Денис Васильевич

Давыдов (1784–1839 гг.) в рассказе «Встреча с великим Суворовым. 1793»: «С семилетнего возраста моего я жил под солдатской палаткой, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком, – об этом где-то уже было сказано. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства – в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска. Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря?..»

По случайному совпадению отец Д. В. Давыдова в 1793–1796 гг. командовал тем же Полтавским легкоконным полком, в котором пятью годами раньше служил отец Н. А. Дуровой. Эта воинская часть появилась в 1784 году. До этого времени полк был казачьим, иррегулярным. Для того, чтобы быстрее обучить казаков правилам постоянной военной службы, в полк переводили офицеров регулярной армии. Одним из таких откомандированных и был капитан Белевского пехотного полка А. В. Дуров.

Полтавский легкоконный полк участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. (осада Очакова). При воцарении императора Павла I его расформировали. Ротмистр Дуров покинул эту воинскую часть гораздо раньше, еще до похода к Очакову. Его опыт службы в кавалерии был сугубо мирным. Но жизнь в лагере Полтавского легкоконного полка, пусть даже краткая, оставила глубокий след в душе Надежды Дуровой. Эти впечатления, полученные в раннем детстве, определили сферу ее интересов на всю дальнейшую жизнь.

Денис Давыдов справедливо писал: «Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря?» Надя была таким же резвым ребенком, как и будущий герой жестоких битв с французми, ее погодок.

Похоже, она была запрограммирована на постоянное движение. Необузданная энергия толкала ее на разные шалости. Вот перечень ее детских забав, описанных в книге: в лесу «влезала на тоненькие березки и, схватись за верхушку руками, соскакивала вниз, и молодое деревце легонько ставило меня на землю!», «…Разбегалась с горы и перескакивала кусты вереса, по нескольку, один за другим. Подруги мои не могли и подумать сравниться со мною в этом удальстве. Чтоб позабавиться их страхом, я прибегала на самый край стремнины, становилась на нем одною ногою, держа другую на воздухе…»;

«…случалось мне иногда находить змею, на которую я в ту же секунду наступала ногою, наклонялась, брала ее осторожно рукою за шею, близ самой головы, и держала, но не так крепко,

чтоб она задохлась, и не так слабо, чтоб могла выскочить. С этим завидным приобретением я возвращалась в комнаты бабушки и когда ее не было дома, то бегала за ГАПКОЮ, ХИВРЕЮ, МАРТОЮ и еще несколькими, таких же странных имен, девками, которые все были гораздо старше меня, но с неистовым воплем старались укрыться куда попало от протянутой вперед руки моей, в которой рисовалась черная змея…»

«…Посчастливилось мне найти на улице гусарскую круглую пуговицу (то есть полую внутри. – *А. Б.*), и первая мысль моя была начинить ее порохом и бросить в печь к старой Прасковье, готовившей обед для людей. Я не могла не знать, что порох вспыхивает в секунду, итак, чтоб это свойство его не лишило меня удовольствия видеть испуг и удивление старой поварихи, я растерла порох с каплею воды и, смешав мокрый с сухим, хотя с большим трудом, но успела, однако ж, начинить пуговицу плотно до самого отверстия… но успех превзошел мое ожидание… Через минуту после того, как я бросила пуговицу в печь, она вылетела из нее со свистом, летала по избе, щелкала по стенам и наконец лопнула близ моей головы и взрыла мне кожу на самой ее верхушке; капли крови вмиг разбрызнулись по всем локонам. Я, однако ж, не вскрикнула, но поспешно убежала в свою горницу и заперлась…».

С немалой долей самоиронии рассказывает Надежда Андреевна в книге о своих детских «подвигах». Часто вторым по значению персонажем в этих историях выступает ее мать. Но воспоминания о ней полны горечи и неприязни. Если отец смотрел на выходки Нади сквозь пальцы, то мать не прощала старшей дочери шалости и проказы и пыталась наказаниями исправить ее буйный нрав. Результат при этом оказывался прямо противоположным.

«Хотя я чрезвычайно боялась моей матери, – пишет «кавалерист-девица», – но непомерная резвость одолевала меня и увлекала вопреки страха наказания; мне кажется, я вымышляла разные глупости невольно, par fatalite…» (франц.: «фатально, по воле рока»).

Однако порою трудно осуждать Анастасию Ивановну Дурову, урожденную Александрович, в возрасте 22-х лет ставшую хозяйкой дома градоначальника в Сарапуле. В это время (с 1789 по 1796 г.) она имела пять беременностей и рожала каждый год-полтора. Дети ее умирали во младенчестве. Из пяти дочерей выжила лишь Клеопатра, рожденная в октябре 1791 года, и Евгения, рожденная в мае 1801 года. Частые роды подорвали ее здоровье: «Мать моя постепенно угасала: ее чудная красота от всего, что имела в себе чарующего, сохранила одну только

необычайную белизну лица и томность прекрасных глаз. Теперь она была ничем более, как тенью той красавицы Дуровой, которою некогда все восхищались…»

Чтобы подлечиться, она уехала к отцу на Украину, и тут удар ей нанес Андрей Васильевич. В отсутствие жены он завел себе любовницу: «взял на содержание прекрасную девочку, дочь одного мещанина». Вернувшись в Сарапул, Анастасия Ивановна узнала об этом случайно, и жестокие муки ревности отравили ей жизнь. Правда, Дуров покаялся. Супруги помирились, и результатом примирения стало рождение еще двоих детей: долгожданного наследника – сына Василия в январе и дочери Евгении. Болезнь после этого прогрессировала. Анастасия Ивановна ездила на лечение в Вятку к известному тогда врачевателю и лекарю Аппелю и в Пермь к доктору Гралю. Возможно, теперь болезнь мешала ей исполнять супружеские обязанности.

«Батюшка переходил от одной привязанности к другой, – пишет «кавалерист-девица», – и никогда уже более не возвращался к матери моей!..» Умерла А. И. Дурова в имении своего отца летом 1807 года в возрасте 40 лет.

В завершение истории «гусарского ротмистра Дурова» и «урожденной Александровичевой, одной из прекраснейших девиц в Малороссии» надо сказать, что после ее смерти Андрей Васильевич горевал недолго. В 1808 году он сочетался законным браком с 17-летней девицей Евгенией, дочерью своих крепостных Степана и Марины Васильевых. Через год она родила ему дочь Елизавету, которая от рождения была глухонемой. Само собой разумеется, что в книге Надежды Андреевны нет об этом ни слова. Но метрические записи Вознесенского собора в Сарапуле подтверждают данный факт…

Полагают, что название города Сарапул произошло от слияния двух чувашских слов: «сара» – желтая, и «пуль» – рыба. Сначала на этом месте располагалось большое торговое село Вознесенское, возникшее в начале XVIII века. «Новый полный географический словарь Российского государства», изданный в Москве в 1789 году, сообщает о Сарапуле: «Сей город был построен в 1707 году, в пору тогдашнего башкирского бунта. В городе две церкви деревянные и немного обывательских домов. Большая же часть поселян живет под горой, на берегу Камы, имею они пропитание от земледелия и от приходящих судов по Каме с дровами, солью и железом. Есть также нефтяные и мыльные заводы». Согласно переписи 1780 года в Сарапуле имелось 533 дома и 3 церкви: две каменные и одна деревянная. В городе проживали 128 купцов, 51 мещанин и 1047 дворцовых крестьян

(считали только мужчин).

В 1781 году был утвержден план регулярной застройки города. По этому плану три прямые улицы шли параллельно реке Каме и десять улиц – перпендикулярно к ней. Первым каменным строением в городе стал Вознесенский собор – пятиглавый, с полукруглой апсидой и отдельно стоящей высокой колокольней.

А. В. Дуров был вторым по счету градоначальником Сарапула. Семья Андрея Васильевича жила недалеко от реки Юрманки, впадавшей в Каму, на пересечении улиц Большая Покровская и Владимирская (совр. ул. Труда и ул. Седельникова). После 1812 года центр города подвергся значительной перестройке. Был расширен Вознесенский собор, под ним возведены торговые ряды из камня. Вокруг Соборной площади расположились здания окружного суда и других присутственных мест, а также каменный особняк городничего и дома других уездных чиновников. До нашего времени этот особняк не сохранился. Есть лишь стела с надписью, удостоверяющей, что Дурова жила здесь в конце XVIII – начале XIX века.

Как выглядел дом, в котором прошло детство и отрочество «кавалерист-девицы», теперь установить невозможно. В своей книге Надежда Андреевна не оставила никаких подробных описаний этого здания. Она рассказала лишь о том, что к дому примыкал большой сад, в котором стоял летний домик на два этажа и с верандой. Кроме того, имелись огород и хозяйственные постройки: конюшня, сараи, скотный двор. Усадьба городничего была обнесена забором.

Каким было финансовое положение семьи Дуровых в это время?

Денежное содержание градоначальника, коллежского советника достигало 300 рублей в год. Это была не очень большая сумма. Полковнику армии платили 900 рублей в год. На иждивении же Андрея Васильевича находилось пять человек: жена и четверо детей. В формулярном списке Дурова за 1786 год говорится о 12 крепостных крестьянах «мужска пола», принадлежавших ему в Путивльском уезде. В исповедных росписях Вознесенского собора за 1797 год перечислены по именам и фамилиям 12 дворовых людей (вместе с женами и детьми) городничего. В его формулярном списке за 1825 год указаны «мужска пола 10 душ в городе Сарапуле, написанных при доме». Все это означает, что Дуровы относились к беднейшему слою российского дворянства, представители которого были вынуждены служить, и только служба, военная или гражданская, давала им средства на жизнь.

С финансами семьи связан и вопрос об образовании, которое

в детстве могла получить Надежда Андреевна. В сентябре 1790 года в Сарапуле открыли первое малое народное училище на два класса (25 учеников) с одним учителем. Программа обучения примерно соответствовала нынешней программе начальной школы. Но девочек в училище не брали. Жители Сарапула, желавшие научить своих дочерей грамоте и счету, должны были приглашать учителя на дом для частных уроков.

Дворянское образование было другим. К концу XVIII столетия в него уже входили такие предметы, как алгебра, геометрия и тригонометрия, история, география, два-три иностранных языка, рисование. В частности, в программе Сухопутного шляхетского корпуса в Санкт-Петербурге особое место занимали так называемые шляхетские искусства: верховая езда, фехтование и танцы. Женское дворянское образование имело свою специфику. Очень часто из него исключали точные науки, а упор делали на гуманитарные. Кроме того, девочек обязательно обучали разным видам рукоделия.

«Мой дядя не жалел денег на учителей, – пишет в своих мемуарах княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная графиня Воронцова (1743–1819 гг.), – и мы по своему времени получили превосходное образование: мы говорили на четырех языках, и в особенности владели отлично французским; хорошо танцевали, умели рисовать; некий статский советник преподавал нам итальянский язык, а когда мы изъявили желание брать уроки русского языка, с нами занимался Бехтеев, у нас были изысканные и любезные манеры, и потому не мудрено было, что мы слыли за отлично воспитанных девиц…*

Юность Екатерины Романовны пришлась на середину XVIII века. Семья Воронцовых была приближена к царскому двору, жила в столице, где возможность найти хороших учителей была гораздо выше, чем в провинции, и все это, безусловно, наложило отпечаток на ее воспитание и образование, которым она сама, однако, была недовольна: «Но что же было сделано для развития нашего ума и сердца? Ровным счетом ничего… только благодаря случайности – кори, которою я заболела, – мое воспитание было закончено надлежащим образом и сделало из меня ту женщину, которою я стала впоследствии… Когда глаза мои выздоровели, я отдалась чтению. Любимыми моими авторами были Бейль, Монтескье, Вольтер… Иногда я просиживала за чтением целые ночи напролет…»

О женском образовании в конце XVIII – начале XIX века рассказывает К. Д. Кавелин в очерке «Авдотья Петровна Елагина». А. П. Елагина, урожденная Юшкова (1789–1877 гг.), происходила из дворян Тульской губернии. С 1821 по 1835 год она держала в

Москве литературный салон, в котором бывали Пушкин, Кюхельбекер, Веневитинов, Баратынский, Языков, Погодин, Шевырев и другие.

«Первоначальное воспитание Авдотьи Петровны было ведено очень тщательно, – пишет Кавелин. – Гувернантки при ней были эмигрантки из Франции времен революции, женщины, получившие по-тогдашнему большое образование… С немецким языком и литературой Авдотья Петровна познакомилась чрез учительниц, дававших ей уроки, и В. А. Жуковского, ее побочного дядю, который воспитывался с нею, был ее другом и, будучи старше ее семью годами, был вместе ее наставником и руководителем в занятиях. Русскому языку ее учил Филат Гаврилович Покровский, человек очень знающий и написавший много статей о Белевском уезде, напечатанных в «Политическом журнале…».

Надежда Дурова в возрасте 14 лет. Неизвестный художник. Конец XVIII в.

Читал ли кто-нибудь серьезные книги с юной дочерью сарапульского городничего – неизвестно. Во всяком случае Дурова, подробно описав свои детские шалости, ничего не сообщает ни об учебе, ни об учителях. Зато в двух формулярных списках «товарища» Польского конного полка Соколова за 1807 год и поручика Литовского уланского полка Александрова за 1815 год коротко сказано: «по-российски читать и писать умеет».

Любовь к рукоделию ей пыталась прививать мать. Хотя Дурова писала, что не имеет «ни охоты, ни способностей к этим упражнениям», на самом деле она неплохо вышивала. В полковом музее 5-го уланского Литовского полка, находившегося в Симбирске и уничтоженного после 1917 года, хранились вещи, сделанные ею: скатерть с портретом Наполеона, вышитым гладью, а также кошелек, сплетенный из бисера.

Среди эпистолярного наследия Дуровой есть одно письмо, полностью написанное по-французски. Отдельные французские слова и фразы встречаются в других ее письмах. В книге «Кавалерист-девица. Происшествие в России» приведено четверостишие на языке оригинала из пьесы французского драматурга XVII века Жана Расина «Федра». Кроме французского языка, она еще знала польский, могла читать, писать и говорить по-польски, но выучила его позднее, во время службы в конном Польском полку. В произведениях Надежды Андреевны есть множество ссылок на мифы Древней Греции. Она упоминает разных персонажей из истории Древнего мира и средневековой Европы. Судя по всему, очень хорошо знала она западно-европейскую и русскую литературу как современную ей, так и книги более ранних эпох. В годы молодости ее любимым поэтом был Василий Андреевич Жуковский (1783–1852 гг.), с которым она впоследствии познакомилась лично и часто бывала в его доме в Санкт-Петербурге, когда приезжала туда в 1817–1821 гг. и в 1836–1841 гг. Также была она восторженной поклонницей творчества Александра Сергеевича Пушкина и помнила наизусть множество его стихотворений.

О том, что «кавалерист-девица» отлично танцевала, пишет в своих мемуарах генерал-майор М. М. Ребелинский, встречавшийся с ней в Уфе в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX столетия:

«В то время, когда я… с нею познакомился, ей было уже лет 45, но она была здорова, весела и не отказывалась ни от каких удовольствий и на вечерах, как говорится, плясала до упаду. В манерах ее проглядывало ухарство – принадлежность всех кавалеристов того времени. В отставном гусарском мундире или в черном фраке она страшно стучала каблуками в мазурке, лихо становилась на колено и выделывала всякие другие штучки во вкусе лучших танцоров Александровской эпохи…».

Мазурка действительно была очень модным танцем на балах начала XIX века.

Об этом сообщает и Д. В. Давыдов: «В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк…

Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду».

Но есть одно занятие, которому Дурову научил ее отец и которое оказало самое решительное влияние на ее необычный поступок. Это – верховая езда. Хотел того или нет, однако Андрей Васильевич сам подготовил дочь к армейской карьере, объяснив ей правила строевой езды, позволив пользоваться не женским, а мужским седлом, подарив купленного им жеребца по кличке Алкид. Объезжен он был плохо, по характеру зол и нетерпелив, но Надежда употребила все старания, чтобы приручить это животное. Замысел удался, и Алкид сделался единственным другом русской амазонки:

«Я побежала к Алкиду, обняла его шею, положила голову на гриву, и ручьи слез брызгами скатывались с нее к его копытам. Добрая лошадь круто поворачивала голову свою, чтоб приблизить морду к моему лицу; она нюхала меня с каким-то беспокойством, била копытом в землю, опять приставляла морду свою к моей голове и трогала верхнею губою мои волосы и щеки; ржала тихонько и наконец стала лизать мне все лицо!.. Видимое беспокойство моего коня, моего будущего товарища, утишило печаль мою, я перестала плакать и стала ласкать и гладить Алкида, целовать его морду и говорить с ним, как то я делала с первого дня, как только батюшка купил его».

Надежда Андреевна называет Алкида «черкесским жеребцом». Иногда встречается и другое написание этого слова: «черкасские лошади». По некоторым данным, эта порода была широко распространена на Украине, на юге России (Новороссийская губерния), на Кавказе в XVIII–XIX вв. Она возникла в процессе многовекового скрещивания местных южнорусских пород с восточными лошадьми, которых добывали в военных походах в Турцию украинские и русские казаки. В XIX веке поголовье черкесских лошадей было весьма значительным. Их выращивали на конных заводах в Херсонской и Таврической губерниях, на Кубани для пополнения конского состава русской легкой кавалерии (гусарские, уланские и казачьи полки). В начале XX века эта порода как самостоятельная уже исчезла.

Но представить себе, как выглядел Алкид, верный спутник «кавалерист-девицы», можно по описанию специалистов-коневодов, видевших последних черкесских лошадей в 1920–1925 гг. (Гуревич Д. Я., Рогалев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М., 1991, с. 222). Они были невысокого роста – до 150 см в холке – и имели небольшую, пропорциональную голову, сухую и прямую, выразительные глаза, прямую шею, широкую грудь, длинную холку, круглый

круп, сухие и правильно поставленные ноги, копыта иногда «стаканчиком», небольшую и негустую гриву и хвост. «Эти животные сильны, резвы, энергичны, цепки на горах, осторожны и имеют поразительную способность запоминать и ориентироваться на местности; слух их и обоняние не менее удивительны. Легко ходят некованными, бывают привязаны к хозяину, очень выносливы и могут без корма долго идти под седлом».

Лошади имеют свои характеры, и характер Алкида Надежда Андреевна описала: «злой», «неукротимый», «неприступный». Он плохо подчинялся конюху Дуровых Ефиму, но привязался к юной наезднице, которая «решилась употребить все, чтобы приучить его к себе, и успела; я давала ему хлеб, сахар, соль; брала тихонько овес у кучера и насыпала в ясли; гладила его, ласкала, говорила с ним, как будто он мог понимать меня, и наконец достигла того, что неприступный конь ходил за мною, как кроткая овечка».

Едва ли девочка Надя знала в те годы инструкции по приручению и объездке лошадей. Однако по интуиции она выбрала самый правильный способ воздействия на жеребца. Вот что пишет об этом один из основателей современной высшей школы верховой езды англичанин Джеймс Филлис: «Влияние голоса человека на лошадь. Голос, конечно, только звук его, сильно действует на лошадь, то есть остается у нее в памяти. Говорите лошади нежные вещи строгим голосом, – она испугается; грозите ей мягким тоном, – она останется невозмутимой. Голос служит драгоценным помощником при дрессировке на свободе… Приучается лошадь к голосу легче всего, когда слышит его при награде и ласке. Этим путем к нему ее и следует приучать… Ласками не следует пренебрегать. Ласка и наказание лежат в основе обучения лошади, но применять ее, равно, как и наказание, надо умело. Ласка успокаивает лошадь, поощряет ее и устанавливает, до времени физического воздействия человека на лошадь, их прямое общение…»

Нет сомнения в том, что Дурова обладала врожденными способностями к дрессировке животных и к верховой езде. Эти способности проявились довольно рано.

В одном современном учебнике по конному спорту говорится: «В значительной мере успех обучения в конном спорте зависит от особенностей характера спортсмена. Любовь к лошади – необходимое условие для конника. Она лежит в основе всей целеустремленной работы спортсмена с лошадью наряду со знанием физических и психических возможностей животного. Отношение к лошади должно побуждать в процессе работы с нею делать лошади добро, облегчать ей выполнение нужного маневра,

создавать хорошие условия жизни и защищать ее от неприятностей. Старательность – важнейшая черта для конника. Она является залогом хороших результатов обучения и тренировки. При работе с лошадью от конника требуется терпение, самообладание и трудолюбие… Поддержание равновесия, способность воздействовать на лошадь, элегантность облика зависят от особенностей телосложения каждого всадника. Рост взрослого всадника должен составлять около 160–170 см. В противном случае ему трудно подобрать подходящую лошадь. Для посадки важное значение имеют таз и бедра. Короткий и узкий таз облегчает посадку из-за низкого и устойчивого к сдвигам в сторону положения центра тяжести. Хорошо, если бедра спортсмена длинные, с плоской внутренней поверхностью. Это дает оптимальную возможность для соприкосновения с боками лошади. Длинное, повернутое внутрь бедро, плотно прилегающее при прижатии седалища к седлу, обеспечивает правильное и прочное положение колена…»

Эти рекомендации, адресованные тренерам, принимающим в секции конного спорта новичков, помогают лучше представить облик «кавалерист-девицы». Совсем не была она «кисейной барышней» конца XVIII столетия, томной, манерной, переменчивой в своих настроениях, изнеженной. Скорее всего, она напоминала наших современниц: спортивных и решительных. В них есть уверенность в своих силах и умениях, они способны на резкие поступки. Но это совершенно не характерно для барышень минувших эпох. Уж очень сильно они зависели от мужчин: отцов, братьев, мужей.

Надежда ни от кого не хотела зависеть.

Она была довольно рослой для своего времени девушкой (по полковым документам рост Дуровой – примерно 165 см), худощавой, с длинными ногами, узким тазом, узкими плечами, небольшой грудью, высокой шеей. Она имела правильную осанку, обладала достаточной физической силой и выносливостью. Все это впоследствии помогло ей справиться с большими нагрузками и хорошо освоить профессию кавалериста.

Впрочем, иногда дочери сарапульского городничего в голову приходила мысль, что ее выбор предопределен свыше. Она описывает гадание, которым развлекалась вместе со своими подругами на Святки. Девушки пытались узнать будущих женихов, выйдя в полночь из дома и наводя зеркало на месяц. Отражение в нем должно было подсказать, какого надо ждать суженого. Девушки передавали друг другу зеркало, рассказывая о причудливых видениях, и так оно дошло до юной Надежды:

«В ту же секунду услыхала я, что снег захрустел от чьей-то

тяжелой походки; подруги мои взвизгнули и побежали; я проворно оглянулась: это был мой Алкид! Он услышал мой голос, оторвался от привязи и прибежал ко мне, чтоб положить свою голову на мое плечо. Ах, с каким восторгом я обняла крутую шею его!.. Я от души верила, что появление Алкида во время таинственного смотрения на месяц было предвещением, что я вступлю в то звание, которое было всегдашним предметом моих мыслей, желаний, намерений и действий…»

Жизнь Алкида и его служба в конном Польском полку не была легкой. По неопытности и горячности Надежда Андреевна вместе со своей лошадью нередко попадала в сложные ситуации. Черкесский жеребец выручал молодую наездницу, проявляя лучшие качества, заложенные в его породе.

Например, после боевых действий на берегу реки Пассарги в последнюю неделю мая 1807 года, когда полк неожиданно получил приказ покинуть место стоянки, а Дурова в это время спала и не смогла проснуться сразу из-за усталости, Алкид не бросил ее. Он постарался ржанием разбудить хозяйку, наклоняя к ней голову и ударяя копытом в землю. Дорогу к новому бивуаку Надежда Андреевна не знала и потому в отчаянии бросила поводья. Верный и умный конь сам пошел вслед за полком, быстро догнал его и встал на свое место – в колонну 4-го взвода лейб-эскадрона.

Поразительное умение ориентироваться на местности и чутье проявил Алкид 30 мая 1807 года при отступлении армии из города Гейльсберга. На этот раз «кавалерист-девица» одна очутилась ночью на равнине за городом, где днем шло сражение. Она едва не заехала в лагерь неприятельского войска. Спас ее Алкид, который, не слушая поводьев, пошел в другую сторону, пересек холмы и поле, усеянное телами павших воинов, и под утро все-таки добрался до русских позиций. Об этом Дурова самокритично написала: «Превосходнейший конь мой! У какой взбалмошной дуры ты в руках!..»

Жизнь жеребца оборвалась осенью 1807 года. При возвращении с водопоя он ускакал от своей хозяйки в поле и при прыжке через плетень с заостренными кольями упал на них животом. У него хватило сил вернуться на конюшню, но спасти лошадь было уже невозможно. Он умер на глазах у Надежды Андреевны, и она долго оплакивала его кончиу. Надо заметить, что эти строки, проникнутые глубокой сердечной болью, до сих пор волнуют читателей:

«Алкид! мой неоценимый Алкид! некогда столь сильный, неукротимый, никому не доступный и только младенческой руке моей позволявший управлять собою! Ты, который так послушно

носил меня на хребте своем в детские лета мои! Который протекал со мною кровавые поля чести, славы и смерти; делил со мною труды, опасности, голод, холод, радость и довольство! Ты, единственное из всех животных существ, меня любившее! Тебя уже нет! ты не существуешь более!

Четыре недели прошло со времени этого несчастного происшествия! Я не принималась за перо; смертельная тоска тяготит душу мою! Уныло хожу я всюду с поникшею головою. Неохотно исполняю обязанности своего звания; где б я ни была и что б ни делала, грусть везде со мною и слезы беспрестанно навертываются на глазах моих!.. Ах, Алкид, Алкид! веселие мое погребено с тобой!..».

Василий Чернов – муж Дуровой и Иван Чернов – ее сын

…К чему торопиться, друг мой? Дом наш, как полная чаша: всем обилен, всего довольно: серебра, жемчугу, образов в дорогих окладах, шуб, платьев. Лене не прожить всего этого и во сто лет; к чему ж так спешить выдавать ее?» – «Какой ты чудак! Пока мы живы, так и надобно пристроить ее! Как она будет уже замужем, тогда мы можем ожидать спокойно конца: долг свой исполнили». – «Да неужели нельзя подождать хоть год, по крайности? Ведь ей нет еще полных четырнадцати лет». – «А знаешь ли ты, что нынче девица в осьмнадцать лет считается уже невестою зрелою, а в двадцать ее и обходят, говоря: ну она уже не молода, ей двадцать лет!» – «Но нашей Елене не будет ни двадцать, ни осьмнадцать через год: ей минет только пятнадцать». – «А разве за ничто считаешь упустить жениха? Разве думаешь, что жених для нее сейчас готов, как мы только вздумаем отдать ее?» – «А почему бы и не так?» – «Право? А не хочешь ли пересчитать по пальцам, сколько у нас в городе старых девок?» – «Но достаток-то наш, матушка, сочти за что-нибудь; наша Елена богатая невеста, так женихи всегда будут». – «Видно, ты не знаешь нынешних женихов!.. Да и что тебе так не хочется отдать ее за Лидина?» – «А тебе отчего такая охота непременно отдать за него?» – «Имею свои причины, мой друг». – «Нельзя ли и мне знать их?» – «Очень можно и даже должно: Леля любит Лидина…»

Через месяц после этого разговора старого Г*** с его женою прекрасная головка Елены красовалась в блондовом чепчике с розовыми атласными лентами, и ее пленительно личико, сделавшись теперь еще пленительнее, сводило всех с ума; она уже была госпожа Лидина…

Н. Дурова. «Игра судьбы, или Противозаконная любовь»

Есть серьезные основания предполагать, что это описание имеет самое непосредственное отношение к самой Надежде Андреевне, к истории ее собственного замужества. Повесть,

опубликованную в 1839 году, она снабдила подзаголовком: «Истинное происшествие, случившееся на родине автора» – и в тексте ее неоднократно указывала, что лично знакома с главной героиней, ее отцом, матерью, мужем. Более того, о работе над этим произведением она написала в своем рассказе «Литературные затеи», тем самым отведя ему особое место среди своих книг.

Интересно и то, что именно повесть «Игра судьбы…», а не «Кавалерист-девица…» стала для нее пробой пера, первой попыткой создать литературное произведение, используя свой жизненный опыт. Произошло это еще во время ее военной службы. В 1814–1815 гг. в Литовском уланском полку возник кружок офицеров из восьми человек, занимающихся литературным творчеством. Организатором его выступил Ираклий Николаевич Грузинцов, поручик, 33-х лет от роду, из дворян Саратовской губернии, где за отцом его числилось 99 крепостных крестьян. Грузинцов сам писал стихи. Но начать офицеры решили с прозы, и поручик Александров, признанный наиболее молодым (по внешности) должен был первым подготовить сочинение и прочитать его на очередном собрании кружка за вечерним чаем.

«Такое требование не слишком затрудняло меня, – пишет Дурова в рассказе “Литературные затеи”, – в чемодане моем лежало множество исписанных листов бумаги. …Я вытащила чемодан из-под кровати, уселась подле него на пол, расшнуровала и, захватив рукой кипу бумаг, вынула ее на свет Божий, и как не обрадовалась увидя, что …это – злоключения Елены Г***!.. Хотя глаза мои были закрыты, но я видела ее; она являлась во всех изменениях: ребенком, девицею, молодою женщиною, красавицею, страшным уродом и, наконец, хладным посиневшим трупом, лохмотьями прикрытым… Я потеряла терпение, встала, велела подать огня и села рисовать с натуры… Товарищам моим и в голову не приходит, как страшно для меня мое полночное занятие!..»

Страшно Надежде Андреевне в то время было перебирать в памяти события ее неудачного брака, вспоминать отношения с мужем, которые, вероятно, продолжались более двух лет. Именно два года Елена Г*** пылко любила Лидина и была рабски предана ему, терпеливо снося измены своего супруга, его попойки, а иногда и пощечины от него. Далее, чтобы устрашить и читателей повести, Дурова в соответствии с канонами романтической литературы проводит свою героиню по всем кругам ада. Елену соблазняет лучший друг ее мужа Атолин. Когда любовник бросает ее, она становится содержанкой мусульманина, богатого

татарского князя. Еще одно амурное приключение – и Елена, уже изгнанная из общества падшая женщина, в 20 лет – законченная алкоголичка, затем – нищенка и, наконец, – мучимая неизлечимым недугом (возможно, сифилисом) умершая на улице страдалица.

Но не Елена, по мысли автора, была виновата в своих злоключениях, а те мужчины, которых она любила, которым безгранично доверяла и слепо повиновалась. В отличие от барышни Елены её знакомая барышня Надежда находит в себе силы уйти от мужа-пьяницы и выбирает другой путь. «Я выступила из своей сферы, чтоб стать под развившуюся тогда нашу орифламму…» («Aereum flamma» – золотое знамя – лат. – древний военный стяг французских королей – *Прим. авт.)*.

Часть вины за ужасную судьбу Елены лежит на ее родителях. Мало думая о будущем своей дочери, они отдают ее замуж за человека, не очень хорошо им знакомого, эгостичного, развращенного. Забота у них одна – сбыть с рук юную красавицу. Здесь всё обычно, всё стандартно для дворянской семьи начала XIX века. Муж и жена Г*** в «Игре судьбы…» спокойно обсуждают эту ситуацию между собой: «…надобно пристроить её! Как она будет уже замужем, тогда мы можем ожидать покойно конца: долг свой исполнили…»

Нашим современникам даже трудно представить себе ту степень дискриминации, которой подвергались женщины в эту эпоху (хотя и сейчас подвергаются, например, в мусульманских странах). Так, женщина не могла получить ни общего (девочек не принимали в школы), ни тем более специального образования; не могла занимать должности на государственной службе, не могла избирать и быть избранной, не могла свидетельствовать в суде. По семейному праву при дележе наследства (если не имелось специального завещания) сын получал десять его долей, а дочь умершего лишь одну – одиннадцатую. Положение женщины в обществе определялось её ролью по отношению к мужчине. Она могла быть только «девицей» (за неё отвечали и ею распоряжались родители или её опекуны); «женой» (все имущественные и иные права переходили к мужу); «вдовой» (женщина получала относительную свободу и независимость, и недаром императрица Екатерина Великая любила называть себя «бедной вдовой»).

Особенно тяжёлым было положение «девицы». Пользуясь современным термином, его можно назвать «подконвойным содержанием». Незамужняя девушка не имела права без сопровождения родственников, знакомых или слуг даже покидать пределы дома или усадьбы. Это угнетение Надежде Андреевне

казалось более жестоким, чем солдатская служба в рядах императорской армии. Она сравнивает одно с другим в своей книге «Кавалерист-девица…» и пишет:

«Сколько не бываю я утомлена, размахивая целое утро пикою – сестрою сабли, маршируя и прыгая на лошади через барьер, но в полчаса отдохновения усталость моя проходит, и я от двух до шести часов хожу по полям, горам, лесам бесстрашно, беззаботно и безустанно! Свобода, драгоценный дар неба, сделалась уделом моим навсегда! Я ею дышу, наслаждаюсь, её чувствую в душе, в сердце! Ею проникнуто мое существование, ею оживлено оно! Вам, молодые мои сверстницы, вам одним понятно мое восхищение! Одни только вы можете знать цену моего счастия! Вы, которых всякий шаг на счету, которым нельзя пройти двух сажен без надзора и охранения! которые от колыбели и до могилы в вечной зависимости и под вечной защитою Бог знает от кого и от чего! Вы, повторяю, одни только можете понять, каким радостным ощущением полно мое сердце при виде обширных лесов, необозримых полей, гор, долин, ручьев, и при мысли, что по всем этим местам я могу ходить, не давая никому отчета и не опасаясь ни от кого запрещения, я прыгаю от радости, воображая, что во всю жизнь мою не услышу более слов: ТЫ ДЕВКА, СИДИ, ТЕБЕ НЕПРИЛИЧНО ХОДИТЬ ОДНОЙ ПРОГУЛИВАТЬСЯ! Увы, сколько прекрасных ясных дней началось и кончилось, на которые я могла только смотреть заплаканными глазами сквозь окно, у которого матушка приказывала мне плесть кружево…»

Избавиться от родительской опеки и строгого надзора можно было одним способом – выйти замуж. Тогда женщина становилась хозяйкой дома, и, хотя юридически власть в этом доме принадлежала хозяину-мужчине, фактически управлять всем, так сказать, вести дом могла и одна женщина. Потому девушки из благородных семейств стремились выйти замуж пораньше. В руки юных, порой 16—18-летних жен попадало довольно сложное хозяйство: многокомнатные особняки, прилегающие к поместью или усадьбе сады, оранжереи, огороды, всевозможные подсобные службы и целый штат крепостной прислуги, работу которой надо было организовать.

Девушек-дворянок с детства готовили к этой роли, прививая им мысль, что единственное предназначение женщины в мире – быть женой, матерью, хозяйкой дома. С этой точки зрения брак, замужество – тем более по выбору родителей – представлялись юным прелестницам чем-то вроде суровой обязанности, службы, которую они должны выполнять добросовестно.

Младшая современница Н. А. Дуровой Анна Алексеевна Оленина (в замужестве – Андро, 1808–1888 гг.) в годы своей

юности вела дневник. Он стал достоянием истории потому, что за Олениной в 1827–1828 гг. ухаживал А. С. Пушкин, и даже сделал ей предложение руки и сердца. Но родители девушки, принадлежавшие к высшему петербургскому обществу, не дали своего согласия на этот брак. «Он был велтопаух (вертопрах), не имел никакого положения в обществе и не был богат» – так много лет спустя объяснила этот отказ сама А. А. Оленина. Но в 20 лет, размышляя о предстоящем замужестве, Аннет (так она себя называла) записала в своём дневнике следующее: «Буду ли я любить своего мужа? Да, потому что перед престолом Божьим я поклянусь любить его и повиноваться ему. Но по страсти ли я выйду? Нет!.. Никогда уже не будет во мне девственной Любови, и ежели я выйду замуж, то будет любовь супружественная. И так как супружество есть вещь прозаическая, без всякого идеализма, то рассудок и ПОВИНОВЕНИЕ мужу заменят тут пылкость воображения…»

Вероятно, оставив в стороне чувства и думая лишь о повиновении сначала – родителям, затем – мужу, выходили замуж в 1800-е гг. многие сверстницы и погодки Надежды Андреевны. Например, Маргарита Нарышкина (1781–1852 гг.) в 16 лет по воле родителей вышла замуж за известного в Петербурге красавца и богача П. М. Ласунского. Брак оказался неудачным. С трудом получив развод, она вернулась в родительский дом и в 1806 году вторично вышла замуж, уже по любви – за генерал-майора Алексея Алексеевича Тучкова (1777–1812 гг.), который погиб в Бородинском сражении. На месте его гибели Маргарита Михайловна на свои средства построила храм, и это был первый памятник, установленный там в память воинов, «убиенных на поле брани». Затем, приняв монашеский постриг под именем Марии, она стала первой настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря и завещала похоронить себя рядом с мужем…

А. А. Оленина (в замужестве – Андро). Художник И. К. Макаров

Венчание самой Н. А. Дуровой состоялось 25 октября 1801 года в Вознесенском соборе города Сарапула. Невесте было 18 лет, жениху – 25. Его звали Василий Степанович Чернов. Он являлся чиновником 14-го класса, дворянским заседателем. К сожалению, больше сведений о биографии мужа «кавалерист-девицы» пока не найдено. Известно лишь, что служил он в Сарапульском Нижнем земском суде. Его фамилия есть в списке чиновников Российской империи за 1802 год.

Нижние земские суды, где служил В. С. Чернов, появились в России в результате закона Екатерины Великой «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» (принят 7 ноября 1775 года) и представляли собой не суды в современном

понимании этого слова, а скорее полицейские управления. Они находились под началом земского капитана-исправника (комиссара) и должны были следить «за охранением благочиния, добронравия и порядка», выполнением законов империи и постановлений губернатора всеми проживающими в губерниях и уездах лицами.

На чиновников Нижних земских судов возлагались самые разные обязанности: контроль за торговлей, за правильностью применяющихся в лавках мер и весов, поимка всякого рода беглых (крепостных крестьян, солдат, арестантов), содержание и исправность мостов, дорог, паромных переправ и т. д. и т. п.

Все должности в Нижнем земском суде были выборными. Выбирали кандидатов на них только дворяне и из числа дворян же сроком на три года. Губернатор утверждал списки, и тогда выбранные становились чиновниками. Они получали жалованье: капитан-исправник – 250 рублей в год, дворянские заседатели и секретарь суда – по 200 рублей. Также они должны были носить форменную одежду.

Как видно из всего вышесказанного, работа у Василия Чернова была хлопотная, связанная с разъездами по всему Сарапульскому уезду. Об этом – о частых командировках, отлучках Лидина из дома – Надежда Андреевна не раз упоминает в своей повести. Затем она пишет, что чета Лидиных переехала в другой город, где Лидин получил новое назначение. Некоторые исследователи считают, что Василий Чернов с женой тоже покинул Сарапул и какое-то время служил в Ирбите, но никаких документов, подтверждающих этот факт, в краеведческом музее и в государственном архиве города Ирбита не имеется.

Супружеские отношения Елены Г*** и Лидина прервались внезапно: «…он уехал, как только получил отставку… уезжая, он оставил ей письмо, в котором пишет, что не возвратится к ней во всю жизнь, чтоб она считала себя свободною и поступала, как хотела…». Точно так же пропал и Василий Степанович Чернов. Ещё 7 января 1803 года он присутствовал в Вознесенском соборе при крещении своего сына Иоанна, что и было отмечено в регистрационной книге этого храма. Но в «Месяцеслове с росписью чиновных особ…» за 1803 год среди чиновников российских губерний его фамилии уже не значится.

Косвенное упоминание о семейном положении Надежды Андреевны есть в формулярном списке её отца, составленном в 1825 году. В нём говорится, что А. В. Дуров «женат, имеет сына Василия, который служит в Ямбургском уланском полку штабс-ротмистром, и при себе двух дочерей, одну – вдову, другую – девицу». Девицей была младшая сестра Дуровой Клеопатра 1791

года рождения. Следовательно, вдовой названа Надежда Андреевна. Но когда и от чего скончался её муж, где он похоронен, – всё это доселе остаётся неизвестным.

Представление о характере и нравственных качествах этого человека, вероятно, можно почерпнуть из повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», хотя тут автор явно пристрастен и не жалеет чёрных красок для своего персонажа:

«…Он был собою молодец, довольно ловкий с дамами, довольно вежливый со старухами, довольно образованный, довольно сведующий по тамошнему месту, довольно буйный, довольно развратный… Мать Елены, не имевшая никакого понятия о двух последних его качествах, потому что он тщательно скрывал их, и пленяясь только видимыми достоинствами, в душе нарекла его своим зятем…»

Если для истории своего замужества Н. А. Дурова нашла литературную форму и портрет человека, с которым свела её жизнь в юные годы, более или менее полно нарисовала, то о сыне она не писала нигде и никогда.

В регистрационной книге Вознесенского собора в Сарапуле есть запись о крещении сына дворянского заседателя Нижнего земского суда Василия Степанова Чернова, коему было дано имя Иоанн. Восприемником при крещении выступил городничий Дуров. Датируется запись 7-м января 1803 года. Легко представить радость двух семей Дуровых и Черновых: молодая жена родила первенца, и это – сын, наследник фамилии. Но что произошло потом, почему супруги расстались – объяснить трудно. Возможно, они не сошлись характерами, возможно Чернов (если он – прототип Лидина) предался пьянству и разврату, а Надежда, в отличие от глупой и слабовольной Елены, терпеть его выходки не захотела.

№ 7. ФРАГМЕНТ

из регистрационной книги Вознесенского собора /г.Сарапул/ с записью о крещении сына сарапульского нижнего земского суда дворянского заседеталя Василия Степановича Чернова Иоанна 7 января 1803 года. Вятский государственный архив, фонд 237, опись 79, дело 28, листы 1–2. Публикуется впервые. Подлинник. документ предоставлен музеем-усадьбой Н.А. Дуровой в городе Елабуге, Татарстан.

1803 года.

Часть первая о родившихся.

Рождения		Кто родился?	Пол	Кто из Священников крестил и кто из церковнослужителей был при крещении?	Кто восприемники.
Мес.	Числа				
		Января.			
1	1	Деревни Дуровки Крестьянина Михаила Начиби-на Дочь Анисья.	л	Молитву давал и крести протоиерей Лициферов при томъ былъ пономарь Димитрий Яшинъ.	Воспріемница Михо сестра отроковица Е Егорова.
2	7	Сарапульского Нижняго Земскаго Суда дворянского Заседателя Василья Степа-на Чернова сынъ Іоаннъ	л	Молитву давалъ иереи протоіерей Лициферъ при томъ былъ пономарь Димитрій Яшинъ.	воспріемникъ Сарапул городничій Андрея Ва Дуровъ.
3	7	Сарапульского Удельнаго Крестьянина Стефана Трифо-нова Бѣлунова сынъ Іоаннъ	л	Молитву давалъ и крестилъ Священ-никъ Симеонъ	воспріемникъ Отъ города удѣльныхъ Крестьянинъ Гаврилъ Ивановъ Бѣлуновъ воспріемникъ Іоаннъ Отъ города Ивановъ
4	8	Деревни Средней Ерцевки Крестьянина Іоакинфа Ива-нова Кобылкина сынъ Георгій	л	[illegible] толъ былъ	26

Фрагмент из регистрационной книги Вознесенского собора в г. Сарапул с записью о крещении сына Н. А. Дуровой Ивана Чернова

Это дало повод исследователям позднейшего времени – особенно в советский период – обвинять героиню в поступках весьма недостойных и предосудительных: оставила своего ребёнка у пьяницы-мужа, впоследствии не встречалась с ним, его судьбой не интересовалась и даже не переписывалась, а если он писал ей, то требовала, чтобы обращался официально: «Ваше благородие штабс-ротмистр».

Такую версию неоднократно излагал в своих работах Б. В. Смиренский. «Вскоре В. С. Чернов уехал в служебную

командировку в Ирбит вместе с женой и сыном. Однако согласия между супругами не было, и Надежда покинула мужа, оставив ему сына. Эта краткая страница жизни полностью забыта в воспоминаниях Дуровой, как недостойная памяти», – писал он во вступительной статье к изданию «Записки кавалерист-девицы» в 1960 году и в 1966 году (Казань, Татарское книжное издательство, тираж 40 тысяч экз. и 100 тысяч экз.).

Примерно такая же оценка: ушла от мужа, оставила ему сына, больше отношений с ним не поддерживала – дана и во вступительной статье А. Ерохина к изданию «Записки кавалерист-девицы» в 1962 году (Москва, изд-во «Советская Россия», тираж 100 тысяч экз.), и во вступительной статье Вл. Муравьева к изданию «Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой» в 1983 году (Москва, изд-во «Московский рабочий», тираж 200 тысяч экз.).

Советские литературоведы почему-то не обратили внимания на один документ, опубликованный ещё в 1912 году. Это – копия, полученная полковым музеем 5-го уланского Литовского полка из Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений. Канцелярия по запросу из полка сделала выписку из своей регистрационной книги за 1808 год. Эта копия выглядит так:

«Из Вятской губернии. Дуров, коллежский советник Вятской губернии города Сарапуля городничий, просит определить 9-летнего сына его и внука – сына дочери его, отличившейся в прошедшую с французами войну под именем Соколова, – в какой-нибудь корпус, а 8-летнюю дочь – в Смольный Монастырь, и доставить их сюда на казенный счет.

7081

Докладывано 1 Ав. 1808 г.

Высочайше повелено внука просителя и дочь привезти сюда на казенный счет и определить первого – в военно-сиротское отделение, а последнюю – в таковое же отделение под управлением Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны находящееся…»

Из выписки совершенно ясно, что Иван Чернов в это время жил у своего деда в Сарапуле, а не у отца. Также ясно, что император Александр I был в курсе семейных дел Н. А. Дуровой. По крайней мере, он знал, что она ушла от мужа с ребёнком и, как показывают найденные документы, обещал об этом ребёнке позаботиться. Своё обещание государь выполнил.

Записи в регистрационной книге Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений предшествовало обращение на высочайшее имя самого Андрея

Васильевича Дурова. Он послал его в Санкт-Петербург в июне 1808 года.

«С кончиною жены моей, – говорилось в прошении, – не имея никаких способов доставить приличное воспитание остающимся в семействе моём малолетним детям моим сыну Василию 9-ти лет и дочери Евгении 8-ми лет да внуку моему рожденному от означенной дочери моей под именем Соколова Ивана (по отцу Чернов) 7-ми лет. Я повергаюсь к стопам Твоим Всемилостивейший Государь! Прошу милосердно на судьбу сих малолетних воззрения…»

Как видно из выписки и других документов, на это прошение был дан в целом положительный ответ. Александр I распорядился поместить Ивана Чернова в Императорский военно-сиротский Дом, Евгению Дурову – в женское отделение этого Дома. Василия же Дурова в список облагодетельствованных не внесли. Зато было разрешено детей вместе с сопровождающим доставить в столицу на казенный счёт. Деньги на это путешествие – 147 рублей 61,5 копейки, сумму по тем временам немалую, – выделили из Государственного казначейства, чему предшествовала ведомственная переписка с декабря 1808 года по февраль 1809 года.

Александр I. Художник Г. Кюгельхен

Чтобы понять смысл этих событий, надо вспомнить, что у императора Александра I в начале XIX века городничих было много (по списку городов Российской империи – до 400 человек), а государственных учебных заведений, где юные дворяне могли бы получить образование за казённый счёт, очень мало. В 1732

году в Санкт-Петербурге был основан Сухопутный шляхетский корпус на 300 кадетов (впоследствии – 1-й Кадетский), в 1752 году – Морской шляхетский корпус на 120 кадетов, в 1762 году – Артиллерийский и Инженерный корпус на 146 кадетов (впоследствии – 2-й Кадетский). Довольно далеко от столицы с 1800 по 1806 год в Гродненской губернии существовал Гродненский кадетский корпус (затем переведён в Смоленскую губернию, а с 1824 года – в Москву, где назван Московским кадетским). Преимущественным правом при зачислении в кадетские корпуса пользовались сыновья офицеров, погибших на войне и находящихся на действительной военной службе.

Детям бедных дворян из провинции попасть в кадеты было очень и очень непросто. О том имеются воспоминания генерала от артиллерии и выдающегося деятеля эпохи Александра I графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834 гг.), родившегося в Бежецком уезде Тверской губернии. В январе 1783 года он с отцом приехал в Петербург и подал прошение о приёме в Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпус. Более полугода тянулось рассмотрение этого дела. Аракчеевы не имели высоких покровителей в столице. Также не было у них и денег, чтобы дать взятку сотруднику корпусной канцелярии. Только случай помог тверским дворянам. Как-то увидев во дворе директора корпуса генерала Милиссино, Алексей Аракчеев бросился к нему в ноги и, рыдая, стал умолять его о зачислении в кадеты.

Милиссино пожалел 14-летнего подростка, поговорил с его отцом и тотчас написал в канцелярию свою записку. Только после этого будущий реформатор русской артиллерии и военный министр смог наконец надеть кадетский красный мундир с чёрными бархатными лацканами. Много лет спустя А. А. Аракчеев, вспоминая эту историю, называл её «уроком бедности и беспомощного состояния» и требовал от своих подчинённых, чтобы «резолюции по просьбам» всегда делались без задержек…

Императорский военно-сиротский Дом, куда по решению государя был определён Иван Чернов, существовал на положении кадетского корпуса. Начало своё он вёл от «Дома военного воспитания», образованного из Гатчинского сиротского дома, который в 1794 году учредил и на свои средства содержал Великий князь Павел Петрович, впоследствии император Павел I. Указ о создании Императорского военно-сиротского Дома и его отделений при гарнизонных полках датируется 23 декабря 1798 года.

Согласно смете, утверждённой Павлом I, на содержание

Императорского военно-сиротского Дома тогда отпускалось 126 167 рублей 31,5 копейки (в том числе на жалованье, на мундирные и прочие вещи – 110 767 рублей 41 копейка, на провиант – 15 699 рублей 89 копеек) и на все Отделения этого Дома при гарнизонных полках – 520 076 рублей 21 копейка. При этом Дом состоял из двух отделений: благородного и солдатского. В первом было 200 мальчиков и 50 девочек, во втором – 800 мальчиков и 50 девочек.

«В первое Отделение определяются, по достаточным доказательствам о дворянстве и неимуществе, дети как Дворянские, так равно Штаб– и Обер-Офицерские, без телесных недостатков, не входя при том в разбирательство религии, но только не старее 11 лет. Их называть кадетами, – гласил царский указ. – Числа им не полагается, но в приёме преимуществуют те дети, коих родители скончали дни, служа отечеству; потом предпочитаются те из них, коих отцы, хотя и продолжают военную или гражданскую службу, но состояния скудного. Содержать пищею и одеждою и обучать на казённом коште: 1) Закону Божьему по рождению их родителей, 2) Российскому, 3) Немецкому языкам, то есть: читать, писать и говорить сии наречия, 4) Грамматике и переводам тех языков, 5) Арифметике, 6) Геометрии, 7) Артиллерии, 8) Фортификации и Тактике, 9) Рисовать, 10) Истории и 11) Географии; однако же не в таком виде, чтобы обучать могли, но чтобы сами сими познаниями пользоваться умели…»

Девочек благородного отделения обучали Закону Божьему, русскому и немецкому языкам, арифметике, рисованию, географии и истории, а также шитью, вязанию и «плетению всякого рода». Кроме того, при выходе замуж им полагалось приданое: 300 рублей из Кабинета Его Величества и 200 рублей из бюджета Императорского военно-сиротского Дома.

Павел I считал его своим любимым детищем и даже подарил собственный портрет. «Не было и недели, чтобы питомцы заведения не видели своих августейших покровителей. Императрица никогда не приезжала без целого транспорта корзин, наполненных конфектами и другими лакомствами, которые она собственноручно раздавала и мальчикам и девочкам. Император, в сравнении с его отношением к другим заведениям, был даже пристрастен к Дому. Это пристрастие весьма рельефно выражалось по отношению к выпускным воспитанникам: сверх обмундирования им выдавалось ещё денежное пособие из какого-то собственно для этого существующего капитала. Для производимых же в полки гвардейской кавалерии, государь дарил лошадей из собственной его конюшни…» – говорится в

воспоминаниях И. Р. Тимченко-Рубана, который был воспитанником Дома в 1797–1799 гг.

Особый капитал у Дома действительно был. В 1799 году графы Михаил и Николай Петрович Румянцевы, сыновья фельдмаршала Румянцева-Задунайского, пожертвовали заведению 50 тысяч рублей «в благодарность за поставленный памятник службе отца их». В 1800 году 50 тысяч рублей передал Дому петербургский купец Нащокин. Эти суммы, помещенные в банк, приносили около 3 тысяч рублей дохода ежегодно. Из этих денег кадеты при выпуске их в полки офицерами и получали дополнительное пособие.

В 1807 году воспитанники Дома получили форменную одежду, одинаковую с воспитанниками 1-го кадетского корпуса.

Согласно месячным рапортам за 1809–1811 гг. в Императорском военно-сиротском Доме состояло от 400 до 420 строевых кадетов и от 80 до 90 малолетних кадетов. Они разделялись на две роты, которыми командовали капитаны Эбергерд и Свечкин, затем – Клуген. Еще в заведении служили 8 обер-офицеров, 3 унтер-офицера, 6 военных музыкантов (барабанщики и трубачи). Директором с 1806 года являлся полковник Геен, с 1815 года эту должность занял полковник, затем генерал-майор Арсеньев.

Фамилия Чернов встречается в списках Дома неоднократно. Дело в том, что имена и отчества кадетов в отчетных документах тогда не ставили, а однофамильцам присваивали номера. Поэтому в начале XIX века в заведении находились: Чернов 1-й, принятый в январе 1799 года; Чернов 2-й, принятый в сентябре 1801 года; Чернов 3-й, принятый в декабре 1807 года. Чернов 4-й впервые показан в тех списках, которые сохранились, в сентябре 1809 года, при этом указано, что он поступил в Дом 5 марта 1809 года.

Время выезда Ивана Чернова и Евгении Дуровой из Сарапула – февраль 1809 года. Ехать в Петербург они могли только по тракту через Вятку и Москву. Это расстояние, согласно «Указателю дорог Российской империи» достигало 1988 верст, и по зимней дороге его можно было преодолеть не менее чем за две недели.

Следовательно, к началу марта дети как раз и должны были появиться в столице.

Чернов 4-й фигурирует в списках малолетних кадетов роты капитана Обергарда с 1809 по 1811 год, что соответствует реальности, так как сыну Дуровой было в это время восемь, а затем девять лет. (РГВИА, ф. 25 оп 1/ 160, д. 816, л. 7 оборот – 8. Месячный рапорт Императорского военно-сиротского Дома за

август месяц. Сентября 1-го дня 1809 года).

В ежемесячных рапортах Дома отмечались не только фамилии воспитанников, но и их поведение. Оно могло быть «хорошим», «изрядным», «посредственным» и «плохим». Судя по рапортам, Ванечка Чернов являлся примерным воспитанником и всегда получал оценку «изрядное поведение».

Повседневная жизнь в Доме укладывалась в рамки режима, определенного Высочайшим указом для всех кадетских корпусов того времени: подъем в 6 часов утра, общая молитва и первый завтрак – в 7 часов утра, начало занятий в классах – в 8 часов, в 11 часов – второй завтрак, после него – внеклассное приготовление уроков и прогулка, в 2 часа дня – обед, с 3 до 6 часов – снова занятия в классах, затем – прогулка, в 8 часов вечера – ужин, после 9 часов – общая молитва и сон.

Занятия в классах имели вид лекций, каждая из которых длилась около полутора часов. Одну лекцию от другой отделял перерыв в десять минут. Кое-что известно и о том, как распределялась учебная нагрузка. Например, в 1812 году в Императорском военно-сиротском Доме кадеты занимались немецким языком 15 часов в неделю, арифметикой – 16,5 часа, русской грамматикой – 18 часов, русским чтением и письмом – 15 часов, рисованием – 6 часов.

Таким было расписание в будние дни в течение всего учебного года, который продолжался с середины августа до середины июня. Кроме летних каникул, когда малолетних кадетов распускали по домам, а кадетов строевого возраста вывозили в лагеря, существовали еще и каникулы рождественские и пасхальные.

В возрасте 17–20 лет, в зависимости от усвоения учебной программы, кадеты покидали стены Императорского военно-сиротского Дома. Как правило, их производили в первый офицерский чин и распределяли на службу в армию – в артиллерию и пехоту. Гораздо реже они поступали на статскую службу. В этом случае им давали чин 14-го класса (коллежский регистратор).

Так, Чернов Федор Степанович, происходивший из обер-офицерских детей Санкт-Петербургской губернии и в списках Дома числившийся под номером 2, в 1815 году стал прапорщиком в Черниговском пехотном полку. Было ему в это время 19 лет. Чернов Александр Васильевич, сын отставного прапорщика и в списках Дома числившийся под номером 3, в 1817 году сам стал прапорщиком в 26-м Егерском полку. Было ему в это время 17 лет.

Иван Васильевич Чернов, согласно его формулярному списку,

находящемуся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, покинул Императорский военно-сиротский Дом в возрасте 16 лет, в сентябре 1819 года. Но по стопам своей знаменитой матери он не пошел и стал не офицером, а чиновником 14-го класса в Адмиралтейств-коллегии. Затем он служил в Департаменте внешней торговли, на петербургской таможне, в Комиссариатском департаменте, успешно продвигаясь по служебной лестнице (последний чин – титулярный советник, должность – столоначальник) и регулярно получая в награду за свои труды денежные премии.

В 1834 году Ванечка женился на Александре Бельской, сестре своего друга и жительнице Петербурга. Надежда Андреевна благославила этот брак. К сожалению, пока не найдены сведения о детях Чернова и Бельской, внуках и прямых потомках «кавалерист-девицы». Но трудный поиск продолжается. Его ведет ст. научный сотрудник музея-усадьбы Дуровой в Елабуге О. А. Айкашева.

Пока сын находился в Императорском военно-сиротском Доме, наша героиня брала отпуска в полку и ездила туда неоднократно. Только в книге «Кавалерист-девица. Происшествие в России» она постаралась как можно больше запутать описание своих поездок в Петербург, смещая даты и события.

«Три года с половиною отец не видел меня (то есть речь идет о начале 1810 года: побег из дома в сентябре 1806-го плюс три года и шесть месяцев. – *А.Б.*)… – пишет она в главе “Отпуск”. – Я поехала одна на перекладных, взяв с собою в товарищи только саблю свою, и более ничего…» Далее из рассказа выясняется, что поездка выпала на зимнее время. Во-первых, «кавалерист-девица» была в шинели. Во-вторых, «дорога зимняя начинала портиться» на ее обратном пути из Сарапула в Дубно, где стоял Мариупольский гусарский полк. По словам Дуровой, у отца она была недолго: «Беспрерывные расспросы наших провинциалов навели на меня такую грусть, что я почти с радостью увидела рассвет того дня, в который должна была ехать обратно в полк».

На самом деле прошение об отпуске Надежда Андреевна подала в октябре 1808 года, причем обратилась прямо к военному министру, что являлось нарушением установленного порядка. По-видимому, командование полка не одобрило намерение молодого офицера, только в феврале 1808 года начавшего службу, уже через восемь месяцев просить, как тогда говорили, «домовой отпуск». Дурова же знала, что сын ее уезжает на учебу в Санкт-Петербург и хотела в этом длинном путешествии его сопровождать хотя бы от Сарапула до Москвы. «…Мог получить отказ, которого в рассуждении моих обстоятельств ничего не

могло быть хуже», – пишет она Аракчееву.

Отпуск на два месяца ей дали. Надежда Андреевна отправилась в Сарапул через Москву, где была 8 и 9 января 1809 года, что и отмечено в рапорте Московского ордонансгауза. Обратно корнет Мариупольского гусарского полка Александров проследовал через Москву, согласно такому же рапорту, 20 февраля. Тут совпадают две даты. Если в Москве они находились 20 февраля, то к 5 марта 1809 года, означенному в рапорте Императорского военно-сиротского Дома как поступление Чернова 4-го, дети непременно должны были прибыть в Северную столицу, потому что дорога из Москвы в Петербург зимой занимала от 6 до 9 дней.

Замечание о зимней дороге, которая «начинала портиться» (в феврале-то! – *А.Б.*), можно отнести к обычному для Надежды Андреевны приему, который она не раз применяла в книге, когда хотела скрыть, затушевать факты своей жизни, по ее мнению, читателям ненужные. Сведения о сыне были не просто не нужны читателям «кавалерист-девицы». Разглашение их было прямо-таки ей запрещено царем Александром I.

О своем втором отпуске, еще более длительном (три месяца, с 13 декабря 1810-го по 15 марта 1811 года), Дурова в «Кавалерист-девице…» вообще не упомянула. Но была она в это время в столице. Об этом свидетельствует ее письмо графу Аракчееву, написанное в Санкт-Петербурге: «…простите мне ваше сиятельство, что я осмелился писать к вам, тогда когда мог бы иметь щастие лично благодарить вас за все милости, которыми был вам обязан, но мундир мой в таком состоянии, что я против воли должен лишить себя щастия явиться вашему сиятельству…»

Интересно то, что этот отпуск Дуровой совпадает с рождественскими каникулами в Императорском военно-сиротском Доме (с 24 декабря по 10 января), когда кадетов отпускали к родителям или к родственникам, живущим в столице. Как известно, брат А. В. Дурова Николай жил в Петербурге в доме Кузьминой, расположенном на Сенной площади. О том, что она была в гостях у своего дяди, Надежда Андреевна в книге написала. Однако она отнесла этот визит к какому-то своему мифическому отпуску в 1816 году, о котором в ее формулярном списке ничего не сообщается.

«Квартира его на Сенной площади, и он говорит, что имеет всегда перед глазами самую живую и разнообразную картину, – пишет она в книге. – Вчера он подвел меня к окну: посмотри, Александр, не правда ли, что зрелище живописное?.. Слава Богу, что дядюшка не сказал – прекрасное!.. Не понимаю, как можно находить хорошим что-либо неприятное для глаз! Что

занимательного смотреть на толпу крестьян, неуклюжих, грубых, дурно одетых, окруженных телегами, дегтем, рогожами и тому подобными гадостями!..»

Сенная площадь получила свое название от Сенного рынка, располагавшегося на ней в начале XIX века. Крестьяне из пригородных деревень торговали здесь сеном, овсом, хомутами, колесами, кожей, колымажной мазью, подковами и другими предметами для упряжек и упряжных лошадей. Похоже, корнет Мариупольского гусарского полка Александров не только из окна дядиной квартиры рассматривал это торжище и все «гадости», продававшиеся на нем. Зимой 1810–1811 гг. во время ежедневных прогулок по городу Надежда Андреевна, наверное, часто проходила между рыночными рядами, придерживая одной рукой, чтобы не испачкать, полы широкой офицерской шинели с пелериной и бобровым воротником, а другой – сжимая ладошку своего девятилетнего сына, кадета малолетнего возраста Императорского военно-сиротского Дома. Но описывать в своем произведении она, верная слову, данному своему государю, должна была только рынок, а не дорогого ее сердцу ребенка.

Побег из отцовского дома

Наконец настало решительное время действовать по предназначенному плану! Казаки получили повеление выступить; они вышли 15 сентября 1806 года; в пятидесяти верстах от города должна быть у них дневка. Семнадцатого был день моих именин, и день, в который судьбою ли, стечением ли обстоятельств, или непреодолимой наклонностию, но только определено было мне оставить дом отцовский и начать совсем новый род жизни. В день СЕМНАДЦАТОГО СЕНТЯБРЯ я проснулась до зари и села у окна дожидаться её появления: может быть, это будет последняя, которую я увижу в стране родной! Что ждёт меня в бурном свете! Не понесётся ли вслед за мною проклятие матери моей и горесть отца! Будут ли они живы! Дождутся ли успехов гигантского замысла моего! Ужасно, если смерть их отнимет у меня цель действий моих! Мысли эти то толпились в голове моей, то сменяли одна другую! Сердце моё стеснилось, и слёзы заблистали на ресницах. В это время занялась заря, скоро разлилась алым заревом, и прекрасный след её, пролившись в мою комнату, осветил предметы: отцовская сабля, висевшая на стене прямо напротив окна, казалась горящею. Чувства мои оживились. Я сняла саблю со стены, вынула её из ножен и, смотря на неё, погрузилась в мысли; сабля эта была игрушкою моею, когда я была ещё в пеленах, утехою и упражнением в отроческие лета, и почему ж теперь не была бы она защитою и славою моею на военном поприще». «Я буду носить тебя с честию», – сказала я, поцеловав клинок и вкладывая её в ножны. Солнце взошло. В этот день матушка подарила мне золотую цепь; батюшка – триста рублей и гусарское седло с алым вальтрапом; даже маленький брат отдал мне золотые часы свои. Принимая подарки родителей моих, я с грустью думала, что им и в мысли не приходит, что они снаряжают меня в дорогу дальнюю и опасную…

Н. Дурова.

«Кавалерист-девица. Происшествие в России»

В сентябре 1806 года Надежде Андреевне исполнилось 23

года. За плечами у неё уже было замужество, неудачно сложившаяся семейная жизнь, фактический, но не юридический развод с В. С. Черновым. Возможно, она действительно куда-то уезжала с мужем из Сарапула на год-два. Но теперь вернулась в дом отца вместе с сыном, которому было три года и восемь месяцев, и жила на первом этаже садового дома, отдельно от семьи А. В. Дурова. Для её деятельной и энергичной натуры эта жизнь, не имевшая определённой перспективы, лишенная высокой цели, была скучна. Она могла бы посвятить себя воспитанию сына, могла бы хлопотать о втором браке, предварительно оформив церковный развод в Вятской епархии. Однако после печального опыта с Черновым Дурова, по-видимому, с большой осторожностью относилась к мужчинам, опасаясь повторения прежней истории.

Единственным её спутником и другом в тот период был Алкид, верный добрый конь. Мать, угнетённая болезнью и сложными отношениями с Андреем Васильевичем, который завёл себе новую молодую любовницу, ослабила контроль за старшей дочерью. Потому Надежда Андреевна беспрепятственно предалась своему давнему увлечению – верховой езде. Сопровождал её отец. Обширные пространства степей у реки Камы располагали к быстрым и долгим скачкам, и Андрей Васильевич охотно учил дочь приёмам строевой верховой езды. Надежда Андреевна делала большие успехи. Отец восхищался её природной ловкостью, бесстрашием, умением крепко держаться в седле и точно управлять лошадью. Он говорил ей, что место хорошего всадника – в кавалерийском полку, что при таких способностях она в короткий срок могла бы там стать офицером.

Эта мысль приходила в голову Дуровой и раньше, когда она только приручала Алкида, тайком ездила на нём без поводьев и седла. Но теперь, доведя навыки наездника до совершенства, Надежда Андреевна поняла, что таким образом она приобрела настоящую военную профессию. Владея подобным достоянием, можно было решиться на следующий шаг: «выйти из сферы, предназначенной природою и обычаям женскому полу», «сделаться воином, быть сыном для отца своего», «дойти до места, где стояли регулярные полки».

С лета 1805 года полки русской конницы и пехоты находились очень далеко от Сарапула. На полях Западной Европы развернулись военные действия против Наполеона. Россия вступила в коалицию с Великобританией, Австрией, Швецией и Королевством обеих Сицилий и в августе 1805 года двинула армию под командованием генерала от инфантерии М. И. Кутузова (50 тыс. чел.) в Австрию. Там произошло

несколько крупных сражений: в октябре – при Амштеттене и Кремсе, где русские разбили корпус маршала Мортье; в начале ноября – у Шенграбена, где отряд под командованием князя П. И. Багратиона героическими действиями задержал продвижение многотысячного французского авангарда; и, наконец, 20 ноября 1805 года – при Аустерлице, где союзники (16,5 тыс. австрийцев и 70 тыс. русских при 340 орудиях) встретились с армией под командованием Наполеона (74 тыс. чел. при 157 орудиях).

Битва при Аустерлице стала одной из самых блестящих побед французского императора. Союзники потерпели в ней сокрушительное поражение, потеряв убитыми, ранеными и пленными около 27 тыс. человек. Потери русских при этом составили около 21 тыс. человек, в том числе до 10 тыс. пленными. Также русской армией было утрачено 160 орудий и 29 знамён.

Поражение под Аустерлицем потрясло русскую армию и русское общество. Чувство национального унижения хорошо выразил Алексей Петрович Ермолов, участник битвы, в то время подполковник конной артиллерии: «Я не описал Аустерлицкого сражения с большей подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столь странные, что я не умел дать ни малейшей связи происшествиям… Можно сказать, что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием при том ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования…»

Так началась новая эпоха в истории России, которую часто называют эпохой Наполеоновских войн. Многие в нашей стране тогда понимали, что борьба с завоевателем Европы потребует от русского народа и русского государства небывалого доселе напряжения сил, будет стоить огромных жертв. В преддверии будущих столкновений с врагом на полях сражений каждый честный человек должен был подумать о том, чем он может быть полезен Отечеству.

Для лучших представителей российского дворянства иного выбора, чем служба в императорской армии, в тот период не существовало. Надежда Андреевна тонко передала это общее настроение в своей книге. Она поэтически описала отцовскую саблю, которая висела в ее комнате на стене и в лучах восходящего солнца ей «казалась горящею». Холодное оружие издревле считалось символом военных занятий благородного сословия, и Дурова перед побегом из дома отца берет в руки саблю, целует клинок и дает слово носить оружие с честью, прославить его в бою. Таким образом «кавалерист-девица» как бы вступает в русло многовековой сословной традиции. Это – одно

из целого ряда объяснений ее необычного поступка, которые она предлагает читателям. Его можно назвать патриотическим.

Другое объяснение – чисто психологическое. Испытания войны – смертельная опасность, трудности и лишения боевых походов – ничуть не пугают героиню. Наоборот, ей всегда хотелось проверить себя, свой характер, свою волю в экстремальных обстоятельствах.

«С каждым днем я делалась смелее и предприимчивее и, исключая гнева матери моей, ничего в свете не страшилась. Мне казалось весьма странным, что сверстницы мои боялись оставаться одни в темноте; я, напротив, готова была в глубокую полночь идти на кладбище, в лес, в пустой дом, в пещеру, в подземелье. Одним словом, не было места, куда б я не пошла ночью так же смело, как и днем…»

Но, пожалуй, самое важное из объяснений относится к разряду социальных. Упомянув о «гусарском детстве» и мифическом «фланговом гусаре Астахове», о своем интересе к оружию и «неодолимом влечении к лошадям», о любви к отцу, который всегда мечтал о наследнике сыне и сожалел, что его первенец – не мальчик, а девочка, Дурова дает резко негативную оценку положения женщины в обществе конца XVIII – начала XIX века. Причем вкладывает ее в уста своей матери: «Она говорила при мне в самых обидных выражениях о судьбе этого пола; женщина, по ее мнению, должна родиться, жить и умереть в рабстве…»

Без сомнения, Надежда Андреевна вполне отдавала себе отчёт в том, что её деяние похоже на бунт – дерзкое выступление одиночки против обычаев и нравов современного ей общества, против той системы общественных ценностей, где женщине отведена только одна роль – полное подчинение чужой воле и только одно место деятельности – в доме её хозяина-мужчины. Как ни странно, носителем общественных предрассудков Дурова сделала… свою мать. Этот персонаж по отношению к героине книги явно выступает отрицательным. Он диаметрально противоположен другому персонажу – отцу, который обрисован самыми яркими, радужными красками и представляет собой настоящий идеал человека и мужчины.

Отец очень любит дочь. Он учит её ездить верхом, рассказывает о своей боевой молодости и военной службе, дарит верховую лошадь. Мать совсем не любит дочь. Она жестоко наказывает её за малейшие проступки, заставляет с утра до вечера заниматься шитьём, вышиванием и плетением кружев, никуда не отпускает из дома и ведёт бесконечные беседы о том, как тяжело быть женщиной. Однако эти обычные воспитательные

приёмы приводят к прямо противоположному результату.

«…Угнетение (матери. – *А.Б.)* дало зрелость уму моему. Я твёрдо приняла намерение свергнуть тягостное иго, – пишет Надежда Андреевна. – Мать моя, угнетённая горестью, теперь ещё более ужасными красками описывала участь женщин. Воинственный жар с неимоверной силою запылал в душе моей; мечты зароились в уме, и я деятельно зачала изыскивать способы произвесть в действие прежнее намерение своё…»

Здесь судьба преподнесла «кавалерист-девице» подарок: «В город наш пришёл полк казаков для усмирения беспрерывного воровства и смертоубийств, производимых татарами». Когда это случилось, Дурова в своей книге не указывает. Но, судя по архивным документам, Донской казачий майора Балабина 2-го полк прибыл в Сарапул в конце 1802 года. Целью его пребывания было «истребление всякого рода разбоев, воровства и грабежей, сохранение казённых лесов от самовольных порубок и поджогов, поимка всякого рода дезертиров и препровождение по Сибирскому тракту колодников…»

Следовательно, казаки находились в Сарапуле почти четыре года – до осени 1806-го. За столь длительный срок офицеры полка (вместе с командиром их было десять человек), расквартированные по домам состоятельных жителей, конечно же, хорошо познакомились с семьями городской знати. По этикету той эпохи градоначальник должен был принимать их у себя. Видимо, Андрей Васильевич подружился с казаками, потому что Дурова говорит об их совместных верховых прогулках за городом, однако утверждает, будто бы она «имела предусмотрительность никогда не быть участницей этих прогулок».

Возможно, в таких невинных забавах она и вправду не участвовала. Зато оказалась замешана в другом. Народная молва приписывает ей роман с каким-то казачьим офицером, который и помог «кавалерист-девице» бежать из отцовского дома. Об этом рассказал в своих статьях Н. Н. Блинов, краевед и историк, проживавший в Сарапуле в конце XIX века. Версий данного происшествия у него изложено две.

В первой фигурирует офицер в чине полковника. Согласно легенде, Дурова «близко познакомилась с ним», хотя он был женат. Когда полк уходил из Сарапула, она, будучи не в силах совладать со своей страстью, «переодевшись в солдатское платье, поступила к нему денщиком-конюхом и под этой личиной жила потом в его доме на Дону».

Во второй версии Блинов уже ведет речь о молодом офицере в чине есаула (соответствует капитану армии. – *А.Б.*). Вроде бы он

не был женат. Надежда Андреевна «сошлась с ним, отчего, очевидно, и произошли те семейные несогласия, после которых она, переодевшись в казачий мундир, бежала из дома со своим возлюбленным». Намерения у них были серьёзные, но родственники казака не одобрили его выбор, потому ей и пришлось уйти в армию.

Формулярные списки офицеров и урядников Донского казачьего майора Балабина 2-го полка за 1803–1806 гг. сохранились полностью. Есаулов в этом полку, состоявшем из пяти сотен, было всего два: Гаврила Ефремович Кичатов, из казачьих детей Войска Донского, 38 лет от роду, женатый, имеющий четырёх детей, и Илья Михайлович Трофименко, из штаб-офицерских детей Войска Донского, тоже 38 лет от роду, тоже женатый, но имеющий одного сына.

Как видно из этих записей, ни тот, ни другой есаул по своим биографическим данным не подходит под описание Блинова, опубликованное в журнале «Исторический вестник». Полковником же, скорее всего, назван командир полка майор Степан Федорович Балабин 2-й (родился в 1759-м или по другим данным – в 1763-м, умер в 1818-м). Но он, его жена и старший сын Филип, дом Балабиных в станице Раздорской достаточно подробно описаны самой «кавалерист-девицей», которая была очень признательна этим добрым людям за помощь в осуществлении её «гигантского замысла», за гостеприимство, оказанное ей (она прожила у Балабиных около трех месяцев).

Какие отношения в действительности связывали командира казачьего полка и дочь сарапульского городничего Надежду, по мужу Чернову? Почему он взял её с собой на Дон и поселил в своём доме? Почему помог «дойти до места, где стояли регулярные полки» и даже пытался по дороге устроить на службу в Брянский мушкетёрский полк генерала Лидерса? Наконец, почему Надежда Андреевна в книге не назвала ни имени своего благодетеля, ни его фамилии, а лишь указала первую ее букву?

На эти вопросы нет ответов.

Как правильно пишет она в своей книге, Степана Федоровича Балабина в ноябре 1806 года назначили командиром другого полка – Атаманского – и произвели в подполковники. Полковником Балабин стал позже – в 1810 году. Он доблестно сражался с французами в 1807, 1812, 1813–1814 гг. Был ранен, два раза награждён орденом Святого Георгия (4-й и 3-й степени) и за отличие в бою при Суассоне во Франции пожалован в генерал-майоры.

Балабин был женат на дочери священника Доминике Васильевне. Вот ее портрет, нарисованный «кавалерист-девицей»:

«Это была женщина средних лет, прекрасная собою, высокого роста, полная, с черными глазами, бровями и волосами и смугловатым цветом лица. Свежие ее губы приятно улыбались всякий раз, когда она говорила. Меня она очень полюбила и обласкала; дивилась, что в такой чрезвычайной молодости отпустили меня родители мои, как она говорила, скитаться по свету…»

Ясно, что отношения гостьи из Сарапула и хозяйки дома в станице Раздорской отличались теплотой и задушевностью. Вероятно, у Доминики Васильевны не имелось никаких поводов ревновать дочку городничего к своему мужу. Сам он в это время много разъезжал по Дону, готовя к новому походу вверенную ему воинскую часть.

Атаманский полк считался во Всевеликом войске Донском элитным. В нем служили лучшие офицеры и лучшие рядовые. Создан он был в 1775 году по представлению тогдашнего войскового атамана А. И. Иловайского, дабы, «будучи всегда в особом присмотре и попечении атамана, исправностью своею во всех нужной казацкой службе оборотах, служить мог образцом для всех прочих полков». Атаманцы приняли активное участие во второй русско-турецкой войне и отличились при осаде и взятии крепостей Очаков, Бендеры, Измаил, в полевом сражении при Мачине. В начале XIX века полк состоял из десяти сотен (136 офицеров и урядников, 1094 рядовых). К обмундированию, снаряжению и вооружению чинов здесь предъявляли повышенные требования.

«Все казаки Атаманского полка тогда носили бороды, и у всех бороды были почти до пояса. – сообщает автор истории Атаманского полка П. М. Краснов. – Одеты казаки были в голубые куртки и шаровары, на голове – черные бараньи шапки. Подпоясаны они были широкими патронташами из красного сафьяна, за которыми имелось по два пистолета, за плечами – длинное ружье, на ремне – нагайка со свинцовой пулей на конце. Еще из оружия – сабля, пика. Люди были подобраны все высокого роста, плотного телосложения, черноволосые…»

Где-то в середине декабря 1806 года Балабин получил приказ с Атаманским полком выступить в поход к западным границам России. Это известие очень обрадовало Надежду Андреевну. Пребывание на Дону, пусть и весьма приятное, уже тяготило ее.

«Теперь я казак! – восклицает она в своей книге. – В мундире, с саблею; тяжелая пика утомляет руку мою, не пришедшую еще в полную силу. Вместо подруг меня окружают казаки, которых наречие, шутки, грубый голос и хохот трогают меня! Чувство, похожее на желание плакать, стеснило грудь мою! Я наклонилась

на крутую шею коня своего, обняла ее и прижалась к ней лицом!.. Лошадь эта была подарок отца! Она одна осталась мне воспоминанием дней, проведенных в доме его! Наконец борьба чувств моих утихла, я опять села прямо и … поклялась в душе никогда не позволять воспоминаниям ослаблять дух мой, но с твердостию и постоянством идти по пути, мною добровольно избранном… Как теперь я весела от утра до вечера! Воля – драгоценная воля! – кружит восторгами голову мою от раннего утра до позднего вечера! Но как только раздастся мелодическое пение казаков, я погружаюсь в задумчивость, грусть налегает мне на сердце, я начинаю бояться странной роли своей в свете, начинаю страшиться будущего!..»

Этот страх будущего имел под собой основание.

В доме Балабиных произошел один инцидент, который немало огорчил героиню и заставил ее задуматься о том, как будут воспринимать люди Александра Васильевича Соколова (этим именем в память своего кумира – великого русского полководца Александра Васильевича Суворова – назвалась Дурова, покинув дом отца).

Горничная Доминики Васильевны заподозрила, что дворянин Соколов – переодетая женщина, и прямо обратилась к ней со словом «барышня». Когда Надежда Андреевна, обрезав косы, перед зеркалом в ночь побега примеряла темно-синий казачий чекмень на крючках и шаровары с широкими красными лампасами, то ей казалось, что это никому и в голову не придет.

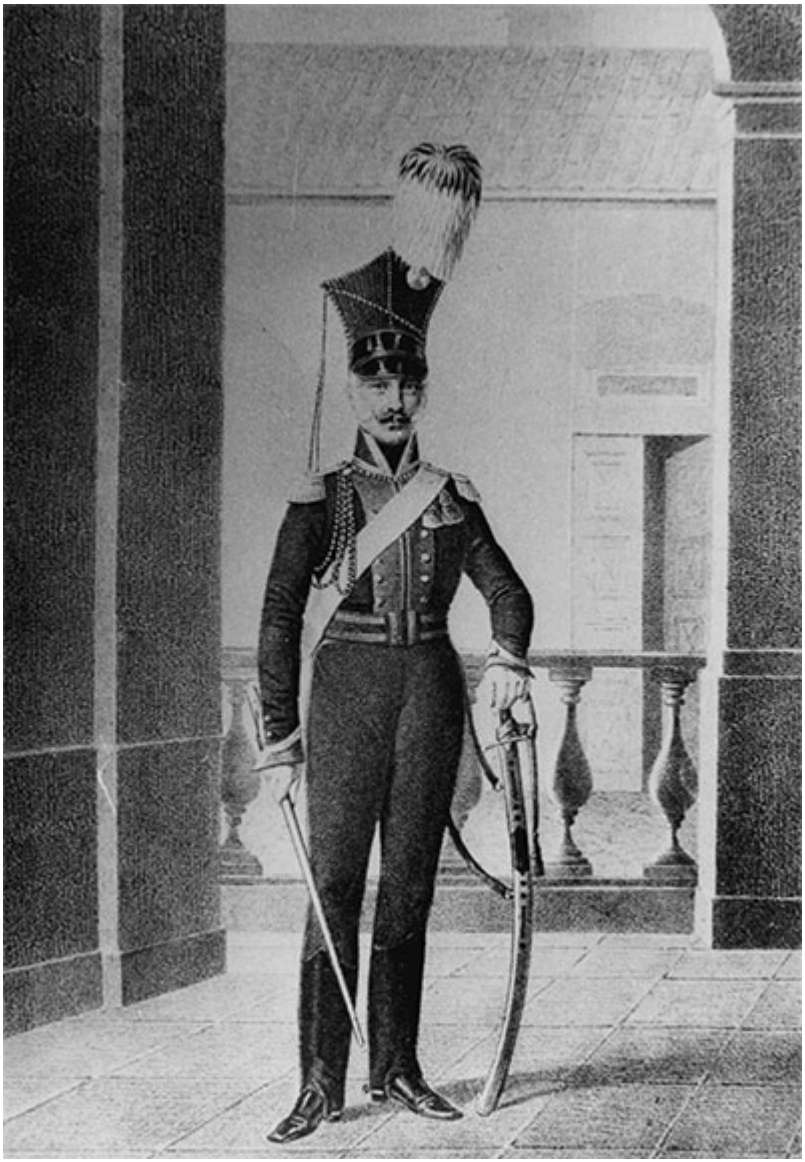
Теперь же стало ясно ее заблуждение. «Я очень видела, что казачий мундир худо скрывает разительное отличие мое от природных казаков; у них какая-то своя физиономия у всех, и потому вид мой, приемы и самый способ изъясняться были предметом их любопытства и толкования; к тому же, видя себя беспрестанно замечаемою, я стала часто приходить в замешательство, краснеть, избегать разговоров и уходить в поле на целый день даже и в дурную погоду…»

«Приемы и самый способ изъясняться», то есть манеру поведения, Дурова могла изменить и впоследствии изменила. Например, она научилась курить трубку, стоять, уперев руки в бока, сидеть, закинув ногу на ногу, что для женщины светского общества тогда считалось верхом неприличия. Внешний вид изменить было невозможно, и Надежда Андреевна потом не раз в своей армейской жизни попадала в сложные ситуации. Дело в том, что она совсем не была похожа на мужчину, не относилась к тому типу женщин, которых теперь называют «маскулизированными», то есть мужеподобным.

Потому в 1807 году в Витебске хозяйка трактира,

присмотревшись к юному унтер-офицеру Польского уланского полка Соколову, называет его «Улан-пани», в 1808 году жены офицеров Мариупольского гусарского полка дают корнету Александрову, прибывшему из Петербурга, прозвище «гусар-девка», сослуживцы из Литовского уланского полка подшучивают над поручиком Александровым в 1814 году, спрашивая, когда же у него наконец вырастут усы.

Между тем вопрос о том, догадывались ли люди, окружавшие корнета, а потом поручика Александрова, что перед ними не мужчина, а женщина, как правило, сильно занимает читателей ее книги.



Унтер-офицер Польского конного полка. 1805–1806 гг. Из кн. «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск». СПб., 1900, т. 11, № 1539

Д. В. Давыдов. Художник К. К. Гампельн

Да, многие догадывались, но это не являлось поводом для разоблачения или скандала. Как крылья ангела-хранителя, простерлось над ней августейшее благоволение императора Александра I, и не находилось в Российской империи человека, который бы посмел обидеть словом или делом царскую крестницу.

Тут уместно привести воспоминания Д. В. Давыдова. Он написал письмо А. С. Пушкину, когда в 1836 году поэт готовил публикацию фрагмента рукописи Дуровой в своём журнале

«Современник»:

«Дурову я знал, потому что я с ней служил в арьергарде во все время отступления нашего от Немана до Бородина. Полк, в котором она служила, всегда был в арьергарде вместе с нашим Ахтырским гусарским полком. Я помню, что тогда поговаривали, что Александров – женщина, но так, слегка. Она очень уединена была и избегала общества столько, сколько можно избегать его на бивуаках. Мне случилось однажды на привале войти в избу вместе с офицером того полка, в котором служил Александров, именно с Волковым. Нам хотелось напиться молока в избе (видно плохо было, что за молоко хватились, – вина не было ни капли). Там нашли мы молодого уланского офицера, который, только что меня увидел, встал, поклонился, взял кивер и вышел вон. Волков сказал мне: это Александров, который, говорят, женщина. Я бросился на крыльцо – но он уже скакал далеко. Впоследствии я её видел во фронте, на ведетах – словом, во всей тяжкой того времени службе, но много ею не занимался, не до того было, чтобы различать, мужского или женского она роду; эта грамматика была забыта тогда…». Иначе говоря, своей отвагой и смелостью на поле боя, стойкостью в перенесении тягот походной жизни, добросовестным исполнением служебных обязанностей строевого офицера, скромностью в быту, замкнутым, сдержанным поведением в офицерском обществе Надежда Андреевна завоевала уважение однополчан. Они приняли её в свою среду и уже не обращали внимания на внешний вид поручика Александрова, которого в лучшем случае можно было бы назвать подростком, юношей 16–17 лет, но никак не мужчиной.

К сожалению, не существует ни одного достоверного портрета «кавалерист-девицы», сделанного во время её военной службы. Тот, всем известный портрет в гусарском мундире из первого издания её книги в 1836 году, в большой степени является плодом фантазии неизвестного художника. Скорее всего, Дурову (ей в это время было около 53 лет) он видел, но получил задание изобразить юного гусара. В чертах лица он показал кое-какие особенности: высокие дугообразные брови, небольшой прямой нос, губы «бантиком», круглый подбородок.

Такой изобразил её на акварельном портрете Карл Брюллов, которому она позировала где-то между 1836 и 1838 гг. Это превосходная работа, но известна мало и хранится во Всероссийском музее Пушкина в Санкт-Петербурге. Героиня одета по мужской моде того времени. На ней щегольский тёмно-коричневый фрак с большим отложным воротником, тёмный двубортный жилет, чёрный шёлковый шейный платок, в петлице – серебряный крестик на георгиевской ленте: знак отличия

Военного ордена. Видно, что у неё узкие покатые плечи, высокая шея, миловидное овальное лицо, карие глаза. Брови, нос, губы, подбородок – всё, как на «гусарском портрете».

Надежда Дурова (А. А. Александров) – поручик Литовского уланского полка. Неизвестный художник. Конец XIX в.

Есть и воспоминания современников. Например, в Москве «кавалерист-девицу» принимала в своём салоне Татьяна Петровна Пасек, урождённая Кучина (1810–1889 гг.). «Понедельники были наши, – пишет она. – Кроме упомянутых личностей (М. Н. Загоскин, СП. Шевырёв, М. П. Погодин, В. И. Даль. – *А.Б.*), у нас бывали: Фёдор Николаевич Глинка, профессор Фёдор Лукич Морошкин, знаменитый романист того времени Иван Иванович Лажечников, – когда приезжал в Москву… Временами посещала нас девица кавалерист Дурова. Она была уже в пожилых летах, роста среднего, худощавая, с женским добродушным кругловатым лицом, одевалась в сюртук с солдатским “Георгием” в петлице…»

В петербургском светском обществе встречал в это же время «кавалерист-девицу» драматург Н. В. Сушков: «Солдат Дуров заслужил Георгиевский крест. Далее, переходя из чина в чин, он произведен в штабс-ротмистры. Некоторое время предводительствовал эскадроном… Я видел этого заслуженного воина в доме графа Шереметева. К обеду он повел одну из хозяек. После обеда курил табак из своей гусарской трубки…»

Однако в середине декабря 1806 года дочь сарапульского городничего и жена чиновника 14-го класса Чернова едва ли предполагала, что когда-нибудь станет почетным гостем («к обеду он повел одну из хозяек дома») во дворце аристократа Шереметева. Она только радовалась, что ожидание, с некоторых пор ставшее для нее тягостным, закончилось. В походе, который продолжался почти два месяца, Дуровой стало легче.

Во-первых, казаки не отличались столь дьявольской, чисто женской наблюдательностью. Во-вторых, она почувствовала, что мало-мальски освоила мужскую роль. Во всяком случае, Надежда Андреевна теперь знала, какие вопросы могут ей задавать по поводу ее внешности, возраста, поведения, и научилась, не смущаясь, отвечать на них.

В начале февраля 1807 года атаманцы прибыли в город Гродно. Здесь им была назначена дневка. После двух дней отдыха они направились дальше в Восточную Пруссию и уже 28 февраля участвовали в бою с французами у деревни Гронау.

Дурова осталась в Гродно.

Она впервые очутилась в таком большом и старинном городе. Гродно упоминался в летописях с XII столетия как резиденция русского князя Всеволода Давидовича. Затем его заняли литовцы. Они построили на правом берегу реки Неман замок с высокими башнями, стенами и валом. К концу XVIII столетия он считался вторым по величине после Вильно (совр. Вильнюс) населенным пунктом некогда обширного княжества Литовского. При третьем разделе Польши в 1794–1796 гг. Гродно стал центром вновь

образованной Гродненской губернии и прочно вошел в состав Российской империи. В это время его население достигало 17–19 тысяч человек. Современники пишут о нем как о вполне благоустроенном: хорошая планировка улиц, много каменных домов, вымощенные мостовые и площади, красивые парки.

Портрет Н. Дуровой. Художник К. Брюллов. 1830-е гг.

После зимней русско-французской кампании 1806–1807 гг. Гродно, как наиболее крупный город у границы, стал тыловым центром нашей армии. В нем разместились госпитали, склады войскового имущества, несколько запасных батальонов и

эскадронов разных полков, артиллерийские парки.

Дурова прожила в Гродно около месяца, прежде чем сделала окончательный выбор. В принципе она могла поступить вольноопределяющимся (добровольцем) в любую из воинских частей, находящихся там, хотя никаких документов, удостоверяющих личность, у нее не имелось. Но у кандидатов на должность рядового их, видимо, тогда и не спрашивали. Ввиду приближающихся военных действий с французами надо было срочно пополнять людьми поредевшие роты и эскадроны. Офицерам строго указывали не брать в полки только беглых помещичьих крестьян, все же остальные – пусть даже явно асоциальные элементы – имели шанс укрыться в рядах императорской армии от проблем, порожденных их предыдущей, часто не совсем праведной жизнью.

Как известно, со времен Петра Великого русская армия пополнялась при помощи рекрутских наборов. Тяжесть рекрутской повинности несли только два сословия: крестьяне и мещане (около 16 миллионов душ мужского пола в эпоху Наполеоновских войн). Требования при сдаче рекрутов и при наборе вольноопределяющихся предъявлялись следующие: «Надлежащий рост, совершенные лета и здоровье».

В армию не брали людей ростом меньше, чем 2 аршина и 4 вершка (примерно 160 см). Понятия о здоровье сложностью не отличались. Не брали душевнобольных («глупость, безумие, задумчивость»), имеющих внутренние болезни («сухотка, чахотка, водянка»), а также дефекты внешности («глухота, немота, горб, кривая шея, зоб»).

При поступлении в армию новобранцев должен был осматривать врач. Вот выписка из формулярного списка Александрийского гусарского полка о прибывших в него в 1804 году нижних строевых чинах (хранится в Российском государственном военно-историческом архиве): «Аверьян Савельев сын Лизенков, 19-ти лет от роду, ростом мерою 2 аршина и 4 вершка, лицо бело красновато и немного рябовато, волосы изчерна, глаза черные, нос широковат, на брюхе несколько ямочек, правой руки на плече изкрасна пятно, на правом бедре и повыше колена шрам, на левом бедре и на ляжке знак красной…»

Аверьян Лизенков происходил из крестьян. В армию он попал по рекрутскому набору. Его сдали в счет разнарядки жители Муромской ямской слободы Гадяч, где до того времени Лизенков проживал с молодой женой Авдотьей Ивановной. Такое подробное описание внешности рекрута могло помочь в поисках при его побеге.

Однако ничего похожего на это нет в формулярных списках нижних чинов конного Польского полка, составленных в 1800 году. Их описание заключается всего в нескольких словах: возраст, рост, цвет волос, глаз, лица, особые приметы, но только внешние, без медицинских подробностей:

«Товарищ Иван Иванов сын Орлицкий, 24 года от роду, ростом мерою 2 аршина 5 вершков, лицом рябоват, волосы темно-русые, глаза серые, из польского шляхетства Литовской губернии Сморгоньского повета…

Товарищ Войчех Францев сын Дембинский, 28 лет от роду, ростом мерою 2 аршина 4 вершка, лицом бел, волосы рыжие, глаза голубые, из польского шляхетства Литовской губернии Ошмянского повета…»

Дело в том, что «товарищи» (так называли в этом полку рядовых дворянского звания) были взяты на службу не по рекрутскому набору, то есть принудительно, а завербовались сами. Они подписали контракт и получали за свою службу деньги. В их побеге из армии не было смысла. Следовательно, по разумению военной администрации, не требовалось и медицинского осмотра. Составлялось лишь краткое описание внешности.

Именно это обстоятельство повлияло на выбор Надежды Андреевны.

Само собой разумеется, что медицинского осмотра она всячески стремилась избежать и выбрала ту воинскую часть, где он отсутствовал. К тому же Польский полк был кавалерийским. Здесь она в полной мере могла проявить свои блестящие способности к верховой езде. Ведь Дурова не собиралась оставаться рядовым. Она мечтала о военной карьере, о чине офицера. Для этого, во-первых, нужно было отличиться на службе и в бою, во-вторых, иметь свидетельство о дворянстве. Прощаясь с ней в Гродно, Степан Федорович Балабин дружески советовал «кавалерист-девице» писать домой и просить у родителей нужные документы, а также честно рассказать полковому командиру о побеге из дома: «хотя чрез одно то не примут вас юнкером, по крайней мере, вы выиграете его доброе расположение и хорошее мнение…»

Товарищи Татарского и Литовского конных полков,1803–1806. Из кн. «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск». СПб., 1900, т. 11, № 1534

В Польском конном (уланском) полку

> Из окна моего вижу я проходящие мимо толпы улан с музыкою и пляскою; они дружелюбно приглашают всех молодых людей взять участие в их веселости. Пойду узнать, что это такое. Это называется ВЕРБУНОК. Спаси Боже, если нет другой дороги вступить в регулярный полк, как посредством вербунка! Это было бы до крайности неприятно. Когда я смотрела на эту пляшущую экспедицию, подошел ко мне управляющий ею портупей-юнкер, или по их НАМЕСТНИК. “Как вам нравится наша жизнь? Не правда ли, что она весела?” Я отвечала, что правда, и ушла от него. На другой день я узнала, что это полк Конно-польский, что они вербуют для укомплектования своего полка, потерявшего много людей в сражении, и что ими начальствует ротмистр. Собрав эти сведения, я отыскала квартиру наместника, вчера со мною говорившего; он сказал мне, что если я хочу определиться в их полк на службу, то могу предложить просьбу об этом их ротмистру Каземирскому и что мне вовсе нет надобности плясать с толпою всякого сброду, лезущего к ним в полк. Я очень обрадовалась возможности войти в службу, не, подвергаясь ненавистному обряду плясать на улице…
>
> *Н. Дурова.*
>
> *«Кавалерист-девица. Происшествие в России»*

Начало вербованным полкам легкой кавалерии положил император Павел I. По его мысли, всю русскую армию следовало сделать наемной, как в Пруссии. Однако недостаток средств помешал монарху воплотить в жизнь этот замысел. Денег хватило лишь на два полка десятиэскадронного состава: Литовско-Татарский и Польский.

Принимали в эти полки вольных людей. Помещикам Литовской губернии разрешалось вместо рекрутов выставлять завербованных мужчин «здоровых, положенного роста и лет, годных в военную службу, и делать с ними контракт на восемь лет». Условия этого контракта были вполне сносными. Сразу при его заключении завербованным выдавали своеобразные

«подъемные»: «товарищу» – 500 злотых (75 рублей) и 400 злотых (60 рублей) на покупку верховой лошади. Каждый год конники получали жалованье: «товарищ» – 54 рубля 75 копеек, «шеренговый» (рядовой простого звания) – 27 рублей 37 с половиной копеек. Казна также отпускала им деньги на приобретение форменной одежды. (Полное собрание законов Российской империи, т. 24, № 18123, там же № 18041, Полное собрание законов Российской империи, т. 43, ч. 1. Книга штатов, № 17993.)

Согласно желанию Павла Петровича, оба полка получили устройство средневековой польской кавалерии. Первую шеренгу в каждом эскадроне составляли «товарищи», вооруженные пиками и саблями, вторую шеренгу – «шеренговые», вооруженные пистолетами и саблями. «Шеренговые» как бы являлись оруженосцами «товарищей». По штатам в Польском полку было два батальона, в каждом батальоне – пять эскадронов, всего: 50 штаб– и обер-офицеров, 10 наместников (вахмистров), 10 штандарт-юнкеров, 10 поднаместников (квартермистров), 40 унтер-офицеров, 20 трубачей, 500 «товарищей» и 500 «шеренговых». Особое положение полка подчеркивали его мундиры, похожие на польскую национальную одежду.

При воцарении Александра I суммы, отпускаемые на содержание полка, были уменьшены. В качестве «подъемных» каждому завербованному «товарищу» вместо 75 рублей выдавали 50, на верховую лошадь вместо 60 рублей – 40. Изготовление форменной одежды, вид которой также изменился, было централизовано: сукно, подкладочную ткань, кожу, пуговицы закупали на весь полк, шили мундирные вещи на полковой швальне (портняжной мастерской) сами солдаты. В полк стали принимать не только выходцев из Литовской губернии. Командованию разрешили вести набор людей свободно в тех городах и селах, где в данный момент квартировали эскадроны. На это выделялись специальные средства из расчета 8 рублей 40 копеек ассигнациями на одного вновь завербованного. Это была не такая уж маленькая сумма (пуд хлеба тогда стоил 1 рубль, бутылка хорошего столового вина – 30–50 копеек). Так что в Гродно коннопольцы пили и щедро угощали других на казенные деньги.

В 1803 году шефом Польского полка стал генерал-майор Петр Демьянович Коховский (1769–1831), который занимал эту должность до 1816 года. Он происходил из дворян Смоленской губернии, службу начинал в лейб-гвардии Конном полку вахмистром в 1787 году, через год был произведен в корнеты. Будучи волонтером, Коховский участвовал в штурме Измаила в

1790 году, в полевом сражении под Мачином, в 1792 и 1794 гг. воевал с поляками под командованием А. В. Суворова. Полковником стал в 1798 году, а в 1803-м – генерал-майором.

Полковым командиром был назначен полковник Сергей Николаевич Ланской (1774–1814 гг.), из дворян Галичского уезда Костромской губернии. Эскадронами в 1807–1808 гг. командовали: штабс-ротмистр, с октября 1807 года ротмистр Галиоф 1-й, майор Куницкий, майор Мелех, майор Орловский 1-й, подполковник Цугер, ротмистр Казимирский, майор Голенищев-Кутузов, майор Махневич, подполковник Буняковский.

Несмотря на опасение С. Ф. Балабина («…вас могут и вовсе не принять…»), Надежда Андреевна 9 марта 1807 года стала «товарищем» конного Польского полка под именем Александра Васильевича Соколова. Правда, в книге она почему-то написала, что назвалась Дуровым. Также она не сообщила никаких других деталей своей вербовки, хотя они довольно интересны. Видимо, героиня не знала, что ее первый формулярный список сохранился в архивах.

Судя по этому списку, в полку она рассказала о себе следующее: что ей 17 лет, что она из дворян Пермской губернии Пермского уезда и крестьян не имеет, что свидетельства о дворянстве у нее при себе нет. Как это и положено, при вербовке был измерен ее рост (2 аршина 5 вершков, то есть примерно 165 см) и составлено описание внешности: «Лицом смугл, рябоват, волосы русые, глаза карие».

Человеком, который после некоторых колебаний все же принял переодетую женщину на военную службу, был ротмистр Мартин Валентинович Казимирский. В книге Дурова описала его коротко, но выразительно: «Ротмистр Казимирский, лет около пятидесяти, имеет благородный и вместе с тем воинственный вид; добродушие и храбрость дышат во всех чертах приятного лица его…». Далее она дополнила этот портрет: «Казимирский сам был от колыбели кавалерист; ему очень понравилась моя привязанность к наилучшему товарищу в военное время…» (речь идет о ее лошади Алкиде. – *А.Б.*). Ротмистр в знак своего расположения к рекруту Соколову пригласил юного солдата запросто бывать у него: «Проведя все утро на ученье, обедать иду к Казимирскому; он экзаменует меня с отеческим снисхождением, спрашивает, нравятся ли мне мои теперешние занятия и каким нахожу я военное ремесло…»

Зная систему отношений между нижними чинами и офицерами Российской императорской армии, такое даже трудно себе представить. Но возможно, что традиции полка, где служили рядовыми дворяне («их дворянство легко, как пух», заметила

Дурова в одном из своих произведений), да еще и соотечественники (поляки), были несколько иными, более демократичными.

Мартин Валентинович Каземирский служил офицером в Польском полку со дня его образования, то есть с осени 1797 года. В документах полка за 1799–1800 гг. имеются его формулярный и кондуитский списки. Из них ясно, что Надежда Андреевна не совсем точно указала возраст своего покровителя. В 1807 году ему было не 50 лет, а 38–39.

По именным спискам, месячным рапортам и ведомостям Польского уланского полка за 1811–1813 гг. можно установить, что Каземирский продолжал служить в нем и в мае 1811 года получил чин майора, по-прежнему командуя эскадроном.

В боевых действиях Отечественной войны 1812 года Мартин Валентинович участия не принимал, а командовал двумя запасными эскадронами полка, расквартированными в Риге. В августе 1813 года он заболел и спустя два месяца умер на мызе Сивечен недалеко от Риги. Его вдова, не имея никаких средств к существованию, в конце 1813 года обратилась к императору Александру I с прошением о назначении ей пенсии. Таковая пенсия в размере годового майорского жалованья ей была назначена…

Как бы хорошо ни относился ротмистр Каземирский к «товарищу» Соколову, Дуровой все равно предстояло пройти своеобразный «курс молодого бойца». Пребывание в рекрутах, особенно в кавалерийских полках, могло растянуться и на год-полтора из-за трудностей в обучении строевой верховой езде. Но этими навыками она уже владела. Привыкать пришлось к строгому распорядку дня армейской жизни, к жесткой субординации, к самой солдатской службе, учиться уходу за лошадью, обращению с оружием, строевым эволюциям как одиночным, так и групповым. На это ушло два месяца: с начала марта до начала мая 1807 года.

«Всякий день встаю я на заре, – писала об этом периоде Надежда Андреевна, – и отправляюсь в СБОРНЮ (изба или сарай, где учили молодых солдат. – *А.Б.*); оттуда все вместе идем в конюшню; уланский ментор мой хвалит мою понятливость и всегдашнюю готовность заниматься эволюциями, хотя бы это было с утра до вечера. Он говорит, что я буду молодец…»

Зимой побудку в полках кавалерии играли в 5 часов утра, летом – в 6 часов. Прежде всего солдаты должны были позаботиться о своих четвероногих боевых товарищах. Надев кителя из сурового коломенка (плотная полотняная ткань, похожая на парусину) и суконные фуражные шапки, они

отправлялись на конюшню и сначала убирали там навоз, потом чистили лошадей. Чистка продолжалась час. Она была не только гигиенической процедурой, но и своеобразным общением с животным. Завершалась чистка водопоем и дачей овса. После этого солдаты шли умываться и завтракать.

Часам к 8–9 конники выходили на учения – конные или пешие, с оружием или без него. Занятия продолжались до полудня. Затем следовал обед. С 2 часов дня до 6 часов вечера у военнослужащих было свободное время. В 6 часов по сигналу трубы начиналась вторая чистка лошадей, которая также длилась час, затем – водопой, дача овса и ужин для солдат. В 9 часов вечера в полках играли «вечернюю зорю», и на том рабочий день кавалериста заканчивался.

Занятия с рекрутами имели свою специфику. Вероятно, Дурова посчитала рассказ о ней неинтересным для своих читателей и обошлась всего несколькими словами: «…учить меня маршировать, рубиться, стрелять, владеть пикою, седлать, расседлывать, вьючить лошадь и чистить ее…». Но сама-то она прошла полный курс солдатской муштры того времени и освоила это дело в совершенстве.

«Устав конного полка», применявшийся тогда в Российской императорской армии, был составлен во времена царя Павла I и описывал все очень подробно.

Начинали со стойки или, как тогда говорили, «позитуры»: «В строю держать голову прямо, немного направо, грудь вперед, корпус назад, ноги не очень выворачивать, а для шпор на два пальца не сдвигать, руки же прямо опускать… На марше ноги не высоко поднимать, да и не шаркать. Левою рукою… дозволяется держать палаш, дабы оный меж ног не попадался, и для сего не делать такой большой шаг, как в пехоте… Ежели рекрут довольно обучен пешему строю, то должно учить его ездить верхом без стремян и показать ему, как садиться и слезать по правилам верховой езды, а особливо наблюдать, чтоб он, слезая, как можно ближе к лошадиной голове стоял. Впрочем, очень много зависит от искусного Офицера, как во всем касающемся до того помочь ему, так и научить его иметь шлюс и прямо сидеть…»

Сабли русской легкой кавалерии образца 1809 г.

Сухие строчки Устава говорят о том, ЧТО должен был уметь солдат кавалерии. Современники вспоминают о том, КАК его этому учили. Обычно рекрута сажали на старую, хорошо выезженную и добронравную лошадь. Ее брали на корду и гоняли по кругу около часа. Если рекрут начинал терять «позитуру», то рысь усиливали, и он падал на землю. Боль от удара служила наказанием за нерадение. Для того чтобы молодой солдат быстрее выработал в себе рефлексы, нужные всаднику, ему под локти и колени подкладывали прутики. Локти следовало крепко прижимать к телу, колени к бокам лошади, и когда начинающий менял положение рук или ног, прутики падали. За это тоже наказывали.

Молодого солдата, освоившего правила пешего строя и кавалерийскую посадку, получившего первоначальные навыки верховой езды, переводили из запасного эскадрона в строевой, и там его обучение продолжалось. Нужно было добиться, «…чтобы люди, сидя верхом, имели вид непринужденный, чтобы руки держали правильно… и при всех поворотах ворочали бы правильно… чтобы локти всегда были прижаты к телу и от оного ни под каким видом не отделяли… чтоб стремена были ровны и не были бы ни слишком длинны или коротки… чтобы каждый человек умел порядочно ехать в тот аллюр, как будет приказано, не теряя позитуры… чтобы во фронте не бросаться, не жаться и плеч не заваливать…»

Еще великий русский полководец А. В. Суворов писал: «Кавалерийское оружие – сабля! Строевых лошадей на учениях

приучать к неприятельскому огню, к блеску оружия, крикам; при быстром карьере каждый кавалерист должен уметь сильно рубить…». Поэтому фехтованию саблей, как в пешем, так и в конном строю, в полках уделяли очень много внимания.

Например, при команде: «Сабли к атаке!» всадники должны были поднять правую руку с оружием и подать ее вперед так, чтобы кисть вытянутой руки с эфесом была против правого глаза, сабля – обухом вниз и конец ее несколько приподнят вверх. Саблей не только рубили, но и кололи. Потому в инструкциях описаны разные приемы: «Коли-руби в полоборота направо», «Коли и руби в полоборота налево», «Отбей штыки, руби пехоту направо», «Руби пехоту налево», «Руби назад направо», «Закройся назад налево», «Отбей удар направо, налево, вверх».

Кроме холодного оружия – сабли и пики, – кавалеристы имели и огнестрельное. В Польском полку это были пистолеты, гладкоствольные, с кремнево-ударным замком. Устав требовал, чтобы «гусары в конной, а частью и в пешей службе научены были ловко заряжать…». Но зарядить такой пистолет, особенно – сидя в седле, было непросто, требовалось несколько манипуляций с порохом, пулей, шомполом. Потому обучение заряжению являлось предметом длительных и повседневных учений.

«Надобно, однако ж, признаться, что я устаю смертельно, – пишет в своей книге Дурова, – размахивая тяжело пикою – особливо при этом вовсе ни на что не пригодном маневре вертеть ею над головой; и я уже несколько раз ударила себя по голове; также не совсем покойно действую саблею; мне все кажется, что я порежусь ею; впрочем, я скорее готова поранить себя, нежели показать малейшую робость…»

То же самое о трудах нижнего чина в кавалерии сообщает в своих мемуарах младший современник Надежды Андреевны Иоганн Рейнгольд фон Дрейлинг (1793 – после 1869), дворянин Курляндской губернии в декабре 1808 года поступивший юнкером в Малороссийский кирасирский полк: «Как ни мал был этот переход, все же он для меня, непривычного к тяжести вооружения и постоянному пребыванию на лошади, да еще в суровую зимнюю пору, был связан со многими трудностями… Мы должны были сами все доставать себе, сами все чистить… После долгого дневного перехода в плохую погоду дойдешь наконец на жалкую квартиру – и вот приходится самому мыть и чистить лошадь, самому принести фураж, иногда за версту, в грязи, ночью несколько раз посмотреть лошадей, которые могут подраться, подложить им сена, ранним утром их опять убрать, напоить, опять вычистить и оседлать к походу. Все это сопряжено с несказанными трудностями, а строгость нашего генерала была

нам хорошо известна, и что он не знал снисхождения к рядовым – тоже…»

Таких жалоб в книге «кавалерист-девицы» нет.

Одушевленная своей первой победой – все-таки на службу в кавалерию ее взяли – и всегда памятуя об угрозе разоблачения, – она трудилась не покладая рук и заботы новобранца воспринимала как необходимую прелюдию к новой жизни, счастливой и независимой. Это, по ее мнению, была плата за свободу…

Ситуация, складывающаяся в Восточной Пруссии весной 1807 года, не позволяла слишком долго заниматься обучением рекрутов в Польском конном полку. Через полтора месяца их привели к присяге, забрали партикулярную одежду и выдали форменную.

«Мне дали мундир, саблю, пику, так тяжелую, что мне кажется она бревном; дали шерстяные эполеты, каску с султаном, белую перевязь с подсумком, наполненным патронами; все это очень чисто, очень красиво и очень тяжело! Надеюсь, однако же, привыкнуть; но вот к чему нельзя уже никогда привыкнуть – так это к тиранским казенным сапогам! Они как железные! До сего времени я носила обувь мягкую и ловко сшитую; нога моя была легка и свободна, а теперь! Ах, Боже! Я точно прикована к земле тяжестью моих сапог и огромных брячащих шпор!..»

В начале 1807 года нижние чины Польского полка носили темно-синие суконные куртки фрачного покроя с малиновыми лацканами, обшлагами и высоким воротником, имевшим темно-синюю выпушку по краю. На шитье уланского мундира казна отпускала 1 аршин 12 вершков (около 124 см) сукна шириной 1 аршин 14 вершков (около 133 см) по цене 84 копейки за аршин. Это сукно было довольно толстым, грубым и ворсистым. Больше всего его напоминает материал, который шел на солдатские шинели в годы советской власти.

Куртку украшали эполеты с висячей бахромой из белого галуса и одна совершенно особая, присвоенная только уланам деталь, – «китиш-витиш». Этот двойной шнур, лежал вокруг воротника на шее, спускался вниз по спине и продергивался под правый эполет. Две его петли висели справа на груди. Шнур имел на концах две плоские кисти, укрепленные на небольших плоских, сплетенных из шнура «ракетках». Эти кисти пристегивались под эполетом с левой стороны мундира.

Парадно-строевым головным убором в Польском полку служила шапка с козырьком, изготовленная из картона, кожи и сукна, которую Надежда Андреевна почему-то называет «каской». Эта шапка имела высоту до 23 см. Ее верхняя часть (тулья) была

четырехгранной (картон, проклеенный рыбьим клеем и обшитый темно-синим сукном). Нижняя часть шапки (околыш) изготовлялась из черной кожи. Султан, о котором упоминает Надежда Андреевна, делали из белых петушиных перьев. Он имел длину около 450 мм.

Кроме того, в комплект форменной одежды солдата входили длинная шинель из серого сукна со стоячим воротником из малинового сукна и темно-синей выпушкой по его краю и такими же погонами, китель из сурового коломенка для работы на конюшне («конюшенный мундир»), суконная фуражная шапка, сшитая в виде колпака с кистью на конце, довольно широкий кушак на подкладке из холста, суконные перчатки на зимнее время.

Если к обмундированию Польского полка «кавалерист-девица» привыкла быстро, то при овладении солдатским холодным оружием у неё возникли немалые проблемы, особенно с пикой: «несколько раз ударила себя по голове». Действительно, пика была уж совсем не по женской руке: тяжела (вес до трех кг) и длинна (280–285 см).

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге хранятся легкокавалерийские пистолеты образца 1798 года, которые также получил «товарищ» Соколов. Они имеют ложе из берёзового дерева с массивным цевьем и овальной рукоятью, круглый ствол с мушкой, весь прибор – из латуни. Шомпол лежит в двух ушках и специально просверлённом канале под стволом. Вес оружия – 1400 г, общая длина – около 460 мм, длина ствола – 265–268 мм, калибр – до 17 мм.

Имея на руках всё это солдатское богатство, усвоив основные правила пешей и конной службы, приёмы владения саблей и пикой, стрельбы из гладкоствольного кремнево-ударного оружия, Дурова была переведена из учебного подразделения в строевой взвод под командованием поручика Бошняка (в её книге он назван Бошняковым). Вместе с ней туда откомандировали ещё одного новобранца – «товарища» Вышемирского.

Впоследствии Надежда Андреевна не раз упоминала об этом человеке. Видимо, их связывали дружеские отношения. Вышемирский даже пригласил её вместе с ним побывать в гостях у своих родственников – помещиков Гродненской губернии по фамилии Кунаты. Участвовал Вышемирский и в сражениях под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. По словам «кавалерист-девицы», его нельзя было «упрекнуть ни в безрассудной смелости, ни в неуместной жалости; он имеет всю рассудительность и хладнокровие зрелого возраста». Этот

однополчанин Дуровой был молод. Во всяком случае, вахмистр эскадрона называл «товарищей» Соколова и Вышемирского детьми рядом со старыми и заслуженными солдатами.

Летом 1807 года Вышемирского произвели в унтер-офицеры, так как он имел могущественных покровителей в лице графини Понятовской и генерала Бенигсена.

К сожалению, никаких других сведений о Вышемирском не найдено.

Гораздо больше можно рассказать о первом взводном командире Дуровой поручике Бошняке. Он хорошо относился к молодым дворянам Соколову и Вышемирскому, держал себя с ними «как с равными ему» и поселил на своей квартире.

«Мы живём в доме помещика; нам, то есть офицеру нашему, дали большую комнату, отделяемую сенями от комнат хозяина; мы с Вышемирским полные владетели этой горницы, потому что поручик наш почти никогда не бывает и не ночует дома; он проводит всё своё время в соседней деревне у старой помещицы, вдовы; у неё есть прекрасная дочь, и поручик наш, говорит его камердинер, смертельно влюблён в нее…»

Такое поведение поручика Бошняка вполне объясняется его возрастом. Весной 1807 года Константину Карловичу Бошняку было всего 20 лет. Он происходил из дворян Смоленской губернии, с декабря 1798 года учился в Пажеском корпусе и в январе 1806 года был выпущен оттуда корнетом в конный Польский полк. Через три месяца службы в полку Бошняк получил чин поручика. К своим юным подчиненным Соколову и Вышемирскому он особенно не придирался, да и занят в это время был больше романом с красивой полькой, чем обязанностями взводого командира.

Став рядовым в подразделении поручика Бошняка, Дурова должна была продолжить своё строевое образование теперь уже на групповых учениях. Согласно требованиям Устава того времени главным в действиях кавалерии на поле боя являлся сомкнутый (всадники ехали тесно придвинувшись друг к другу – «колено о колено»), двухшереножный строй (расстояние между шеренгами – одна лошадь). Такое построение они должны были сохранять при всех аллюрах: шаг, рысь, галоп, карьер – и при всех эволюциях: поворотах, перестроениях, например из взводной колонны в эскадронную, атаках. Все нижние чины занимали в шеренгах строго определённые для них места и нарушать это расположение не могли под страхом сурового наказания. Взаимодействие людей и лошадей достигалось путём постоянных и длительных совместных учений.

Учили конников в основном производству атак трёх видов: а)

в сомкнутом строю; б) с выездом четвёртого взвода (фланкеров); в) в рассыпном строю. Кавалерию обычно атаковали сомкнутыми шеренгами; против пехоты, стоящей в каре, использовались фланкеры. Для преследования отступающего противника применяли атаку в рассыпном строю. Наиболее трудным считалось исполнение атаки в сомкнутом развёрнутом строю, который назывался «Эскадрон, прямо вперёд».

О разных случаях на кавалерийских учениях, где на поле маневрировали сотни всадников, повествуют полковые истории. Например, Туган-Мирза Барановский, служивший в лейб-гвардии Кирасирском Его Величества полку, приводит такой приказ полкового штаба: «Шеф благодарит господ эскадронных командиров за езды равные как в карьер, так и шагом, а равномерно за посадку людей и за весьма равную езду фронтом на обе шеренги, при чём и господа офицеры между собою равнялись…» Но далеко не всё кончалось благополучно: «При учении вчера в полку в атаке убились две лошади, и сие я не могу ни к чему иному приписать, как к тому, что карьер был сделан весьма длинной, и для того карьер делать не менее 50 и не более 100 шагов. Ежели его делать более ста шагов, то лошади, доскакав, теряют дух совершенно, и тогда малейшее препятствие весьма легко заставит лошадь споткнуться. Лучше я советую ехать рысью больше…»

Все эти опасности и трудности конной службы не пугали Надежду Андреевну. Она отлично держалась в седле, отлично управляла лошадью, доподлинно зная и характер Алкида, и его возможности. В обязанностях солдата ей не нравилось другое – жесткое требование постоянно находиться в общем строю взвода и эскадрона, не покидая шеренгу ни под каким видом.

Это требование она нарушала при каждом удобном случае. Так, в бою под Гутштадтом, когда Польский полк ходил в атаки поэскадронно, «товарищ» Соколов, выйдя из рядов четвёртого взвода лейб-эскадрона, присоединялся по очереди ко всем другим подразделениям, штурмовавшим каре вражеской пехоты. Под Фридландом, когда полк уже был выведен из боя, Дурова одна поехала смотреть, как действует русская артиллерия. При отступлении армии к Тильзиту она отстала от своей воинской части и чуть не потеряла лошадь.

Однако командование полка снисходительно относилось к этим проступкам юного солдата. Лишь в конце кампании шеф коннопольцев Коховский сказал, что его вывели из терпения шалости Соколова, и отправил Надежду Андреевну в вагенбург, то есть в обоз, вместе с её приятелем Вышемирским. «Кавалерист-девица» обиделась до слёз, но в душе, видимо, была согласна с

генералом…

Рассказывая о времени своего рекрутства, Дурова дважды употребила слово «смертельно» как самый сильный из эпитетов. Смертельно она уставала после ежедневных военных учений и смертельно была… голодна. Так она узнала о другом испытании солдата. Из-за несовершенной работы интендантства, а часто из-за прямого воровства старших начальствующих лиц нижние чины Российской императорской армии иногда терпели недостаток в пище и в боевых походах, и при мирной службе.

Вообще-то казна должна была снабжать солдат провиантом – мукой и крупой. Из муки в полках пекли хлеб, считая его выдачу ежедневно на каждого нижнего чина 3 фунта (1200 г). Из крупы варили кашу, и чаще всего в источниках упоминается гречневая. Муку и крупу в воинских частях, как правило, получали не централизованно, а покупали у местных торговцев. Судя по книге «кавалерист-девицы», мука в Гродненской губернии в 1807 году была отвратительная: «Хлеб их так чёрен, как уголь, и сверх того, смешан с чем-то колючим (дресва); невозможно есть его, по крайней мере, я не могу съесть ни одного куска».

Эта ситуация могла быть и следствием злоупотребления, когда казнокрады в офицерских эполетах договаривались с поставщиками об «экономии». По письменному договору они платили деньги за высококачественную муку, фактически же брали бракованную. Разница в цене шла в карман мошенников, а страдали от этого солдаты.

Кроме хлеба и каши, служивые нуждались и в других продуктах, но их они должны были покупать на собственные деньги. Цены на съестное тогда высоко не поднимались. Но все равно прокормиться в одиночку на те средства, что солдат получал от казны, было невозможно. Требовалась складчина, и так возникла русская солдатская артель.

«Русский солдат имеет то, чего нет ни у одного солдата в Европе, – свою собственность, – писал генерал граф Ланжерон, рассказывая о жизни и быте русской армии во второй половине XVIII века. – Эта собственность называется артелью; она составляется из суммы, получаемой от экономических продовольственных денег за зимнее время и из удерживаемых у солдата, с его согласия, половины или одной трети его жалованья; эта сумма находится на руках четырех старых солдат каждой роты, избираемых остальными солдатами и называемых артельщиками; сумма эта составляет общую собственность роты… Часть этой суммы употребляется также во время лагерного сбора на покупку мяса, овощей и прочего, так как казна отпускает только муку и крупу…»

В расчете на деятельность артелей на каждый эскадрон выдавалось 20 медных луженых котлов с крышками и железными дужками. Котлы солдаты возили при седле по очереди. На привалах, биваках и в лагерях в этих котлах варили кашу и щи.

Надежда Андреевна тоже была членом солдатской артели, тоже возила котел и тоже должна была получить свою порцию горячей еды на привале во время отступления армии от Гейльсберга к Фридланду: «Рассвело; мы остановились; нам позволили развесть огонь и сварить кашу… наконец солнце взошло довольно высоко, день сделался жарок, мундир мой высох, усталость прошла, и я была бы очень весела, если б могла надеяться что-нибудь съесть. Но об этом нечего было думать; я не имела своей доли в той каше, которая варилась…» Потеряв сухарный мешок с сухарями, солью и крупой, выданной на неделю, Дурова не сдала в артель нужные припасы.

Однако старые солдаты сыграли злую шутку с новичком Соколовым, и командир эскадрона их разоблачил. Дело в том, что в походе питание нижних чинов увеличивали. Так, по договоренности с правительством Пруссии каждый русский солдат в день должен был получать от местных обывателей полфунта мяса (200 г), сваренного с картофелем и овощами, кружку пива, чарку вина и около 1000 г свежего белого хлеба. Когда полки останавливались для привала или получали дневку, то из ближайших немецких сел и городков для них пригоняли скот, привозили бочки с пивом и вином, мешки с картофелем и хлебом. Забив скот, его тут же распределяли вместе с другими продуктами по солдатским артелям.

Таким образом, не одна казенная крупа варилась в тот день в котлах у коннопольцев, и право на кусок мяса, суп и хлеб Надежда Андреевна имела наравне с другими, но по своей неопытности не догадывалась об этом. Почему старослужащие обманули «товарища» Соколова, понятно: им хотелось увеличить свою долю еды, пива и вина. Вполне благородно поступил командир эскадрона. Заметив юного солдата, ищущего ягоды в траве, он не проехал мимо, а отвел его к костру, где готовили пищу, и велел накормить выданными сегодня продуктами, что и было исполнено. «Нам (ей и Вышемирскому. – *А.Б.)* дали супу, жареного мяса и белого хлеба», – сообщает Дурова.

Боевое крещение

Гутштадт. В первый раз еще видела я сражение и была в нем. Как много пустого наговорили мне о первом сражении, о страхе, робости и, наконец, отчаянном мужестве! Какой вздор! Полк наш несколько раз ходил в атаку, но не вместе, а поэскадронно. Меня бранили за то, что я с каждым эскадроном ходила в атаку; но это, право, было не от излишней храбрости, а просто от незнания; я думала, так надобно, и очень удивлялась, что вахмистр чужого эскадрона, подле которого я неслась, как вихрь, кричал на меня: «Да провались ты отсюда! Зачем ты здесь скачешь?» Воротившись к своему эскадрону, я не стала в свой ранжир, но разъезжала поблизости: новость зрелища поглотила все мое внимание; грозный и величественный гул пушечных выстрелов, рев или какое-то рокотанье летящего ядра, скачущая конница, блестящие штыки пехоты, барабанный бой и твердый шаг и покойный вид, с каким пехотные полки наши шли на неприятеля, все это наполняло душу мою такими ощущениями, которых я никакими словами не могу выразить…

Н. Дурова. «Кавалерист-девица.

Происшествие в России»

Первоначально нападение на корпус Нея, стоявший у города Гутштадт, намечалось на 1 мая 1807 года. Наши войска уже вышли на исходные позиции, но вдруг главнокомандующий русской армией Бенигсен получил сообщение о том, что к Гутштадту приближается Наполеон во главе нескольких корпусов. Главнокомандующий тотчас отменил операцию. Затем выяснилось, что это сообщение – ложное, но полки уже вернулись на свои квартиры. Лишь во второй половине мая Бенигсен решил возобновить подготовку операции.

Русская армия вновь снялась с кантонир-квартир 21 мая и к 23 числу расположилась следующим образом: две пехотные дивизии под командованием генерала Дохтурова – у городка Вормштадт, две пехотные дивизии под командованием генерала барона Сакена и несколько кавалерийских полков генерала Уварова – у села Аренсдорф, две пехотные дивизии и кавалерийские полки генерала князя Голицына – за ними,

сводный корпус генерала князя Горчакова – у села Зеебург, недалеко от реки Алле. Авангард под командованием генерала князя Багратиона до этого стоял у деревни Лаунау и в том же месте был оставлен, чтобы своим передвижением не встревожить неприятеля раньше времени. Местность, на которой предстояло действовать русским, была равнинная, с небольшими лесными массивами и полями, прилегающими к берегам рек Алле и Пассарга. Боевая операция у Гутштадта началась в три часа утра 24 мая 1807 года. Это был тёплый и солнечный день.

Схватки с французами продолжались в течение 24-го и 25 мая. Сражение началось с артиллерийской канонады. Затем в дело вступила пехота. Бой шел за город Гутштадт, занятый противником. После упорной схватки французы начали отступать, русские их преследовали и вытеснили за Пассаргу, на левый ее берег. При этом в плен было захвачено до 1500 вражеских солдат…

В точности восстановить картину первого боя «кавалерист-девицы» очень трудно, так как большая часть полковых документов за 1807 год не сохранилась. Например, неизвестно, в каком из русских корпусов, указанных в диспозиции сражения у Гутштадта, находились коннопольцы 24 мая. Эскадрон ротмистра Казимирского, отправившись в начале мая из Гродно в Восточную Пруссию, присоединился не к полку, как пишет Надежда Андреевна, а к первому батальону полка, потому что в весенней кампании 1807 года участвовали лишь пять эскадронов коннопольцев: лейб-эскадрон, эскадрон Казимирского, эскадрон подполковника Буняковского, остальные два точно назвать нет возможности.

В это время Дурова вместе с Вышемирским уже находилась в лейб-эскадроне, или так называемом шефском, который являлся элитным подразделением данной воинской части. В него отбирали рослых (не менее 165 см), лучше всего обученных и самых храбрых солдат. Командовал лейб-эскадроном штабс-ротмистр Карл Христофорович Галиоф 1-й.

Эта фамилия в первом издании «Кавалерист-девицы…» (СПб., 1836) воспроизводится по-разному: на странице 93 – «Галер», на странице 140 – «Галеф». Также не совсем точно Дурова указывает его чин. Ротмистром Галиоф стал только 23 октября 1807 года, то есть уже после боевых действий в Восточной Пруссии.

В конном Польском полку Галиоф служил со дня его основания, с августа 1797 года, и начинал службу «товарищем», затем был «наместником» (унтер-офицером). А с ноября 1799 года – корнетом. Вместе с ним здесь находился его младший брат Людвиг. По своему происхождению Галиофы относились к

польской шляхте Литовской губернии. Их отец имел 30 крепостных крестьян в деревне Дергани Гибрянского уезда. В 1807 году Карлу Христофоровичу исполнилось 30 лет. В сражении под Гейльсбергом он был контужен, но не оставил строя.

К Дуровой Галиоф относился хорошо, но без излишней сентиментальности. Он пожалел «товарища» Соколова, когда старослужащие хотели лишить его обеда, и вмешался в распределение еды в солдатской артели. Он посочувствовал Надежде Андреевне, когда летом 1807 года нелепо погиб ее верный боевой друг Алкид. Однако есть в книге эпизод, когда Дуровой «стало стыдно за Галефа»: ротмистр отправил «товарища» Соколова, который поздно вечером принес ему какое-то распоряжение из штаба, ночевать на… конюшню. «Вот прекрасная спальня!» – мысленно ответила ему Надежда Андреевна и гордо пошла ночью одна на квартиры своего взвода – в деревню, стоящую за лесом и полем ржи. Так как вечером шел дождь, то, проходя через поле, она промокла до нитки.

Карл Галиоф принадлежал к тем офицерам, которые четко разграничивали службу на войне и службу в мирное время. На войне военнослужащие – и солдаты, и офицеры – товарищи, все они равны перед лицом смерти: «вместе могли лежать на соломе». Но в мирное время субординация воздвигает между ними непреодолимую стену: «надобно соблюдать пунктуально все приличия и обязанности службы». Однако и в мирное время он не забывал о прошлых ратных трудах своих подчиненных.

В конце 1807 года в Польском полку получили приказ подготовить списки нижних чинов для награждения недавно учрежденным (13 февраля 1807 года) знаком отличия Военного ордена Св. Георгия Победоносца (это был крест из серебра размером 34,3 × 34,3 мм, на георгиевской ленте, впоследствии его часто называли солдатским Георгиевским крестом). Галиоф представил к награде 10 человек, больше, чем другие командиры эскадронов: Казимирский – 6 человек, Буняковский – 5 человек.

Эти списки дошли до наших дней. Согласно им, в бою под Гутштадтом отличились четыре солдат. В описании их подвигов фигурирует атака на французские батареи, которые защищала вражеская легкая пехота, «изгнание неприятельских егерей из леса», захват какой-то деревни и рукопашная схватка с колонной пехоты. Следовательно, Надежда Андреевна, пребывая в составе эскадрона Галиофа, должна была тоже скакать под выстрелами французских пушек на их позиции и, взяв пику наперевес, колоть орудийную прислугу. Потом, закинув пику за плечо, рубить саблей вражеских пехотинцев, топтать их лошадью, прогоняя с

деревенской улицы. Но она об этом не написала. Вместо рассказа о простых и естественных для солдата в бою поступков, она украсила свое произведение замысловатой историей о спасении офицера.

«… Разъезжая, как я уже сказала, вблизи своего эскадрона и рассматривая любопытную картину битвы, увидела я несколько человек неприятельских драгун, которые окружив одного русского офицера, сбили его выстрелом из пистолета с лошади. Он упал, и они хотели рубить его лежащего. В ту ж минуту я понеслась к ним, держа пику наперевес. Надобно думать, что эта сумасбродная смелость испугала их, потому что они в то же мгновение оставили офицера и рассыпались врозь; я прискакала к раненому и остановилась над ним; минуты две я смотрела на него молча; он лежал с закрытыми глазами, не подавая знака жизни; видно, думал, что над ним стоит неприятель; наконец он решился взглянуть, и я спросила, не хочет ли он сесть на мою лошадь? «Ах, сделайте милость, друг мой! – сказал он едва слышным голосом; я тотчас сошла с лошади и с трудом подняла раненого, но тут и кончилась моя услуга; он упал ко мне на руку грудью, и я, чуть держась на ногах, не знала, что мне делать и как посадить его на Алкида, которого тоже держала за повод другою рукою; такое положение кончилось бы очень невыгодно для обоих, то есть для офицера и для меня, но, к счастию, подъехал к нам его полка солдат и помог мне посадить раненого на мою лошадь. Я сказала солдату, чтоб лошадь прислали в Коннопольский полк товарищу Дурову, а драгун сказал мне, что спасенный мною офицер, поручик Панин, Финляндского драгунского полка, и что лошадь мою тотчас пришлют. Офицера повезли к его полку, а я пошла к своему…»

Здесь много неясного и даже странного. Героиня пишет: «Разъезжая вблизи своего эскадрона». Но где же в таком случае стоял эскадрон, если недалеко от него очутились «НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ДРАГУН»? Значит, лейб-эскадрон штаб-ротмистра Галиофа находился на передней линии, недалеко от противника. Но это маловероятно. Обычно после атаки на неприятеля конница уходила за свою пехоту, чтобы восстановить порядок в шеренгах, вновь построить сомкнутый строй «колено о колено», который рассыпался при быстрой скачке. Если же подразделение ожидало сигнала к атаке, то каким образом далеко от передовой линии, в тылу у русских оказались несколько французских драгун и почему никто из коннопольцев, кроме самой Дуровой, не заметил их (они же были «вблизи» от эскадрона)? Ведь захватить эту группу не представляло для сотни вооруженных всадников никакого труда…

Знак отличия Военного ордена. Лицевая и оборотная сторона

Совершенно серьезно к этой истории отнесся А. И. Григорович, автор книги «Исторический очерк Финляндского драгунского полка. 1806–1860 годы» (СПб., 1914). Он предпринял специальные изыскания в архивах, но поручика Панина нигде не нашел. Не было человека в таком чине и с такой фамилией ни в полковом расписании за 1806–1808 гг., ни в списках всех раненых офицеров, которые публиковались в то же самое время в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Удивленный этим обстоятельством, Григорович счел необходимым дать в своем труде разъяснение: знаменитая писательница в знаменитом произведении упомянула доблестный Финляндский драгунский полк, но, видимо, ошиблась в фамилии его офицера.

Однако ничего не говорится о поручике Панине и в официальном документе – «Списке награжденных знаком отличия Военного ордена за 1807–1808 гг.», где даются описания подвигов нижних чинов, удостоенных этой награды. Здесь сказано, что корнет Мариупольского гусарского полка Александр Андреев сын Александров получил знак отличия Военного ордена № 5723 вовсе не за спасение офицера, а за оказанную отличность при преследовании неприятеля до реки Пассаржи и в сражениях под местечком Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом.

Похоже, что никаких французских драгун не было в помине. Был какой-то раненый, которому Надежда Андреевна, поддавшись порыву жалости и сострадания, отдала свою верховую лошадь. За это неуместное на поле битвы милосердие

(раненых должны собирать нестроевые чины) она и поплатилась. Алкид вернулся к ней по чистой случайности и уже без походного вьюка, то есть она осталась без шинели, без чемодана с солдатскими вещами, без недельного запаса провианта, а ее лошадь – без трехдневного запаса овса. Если Алкид хотя бы мог есть траву на лугах и полях, то Дурова несколько дней голодала и жестоко страдала от холода, пока Вышемирский не надоумил ее попросить (или взять самой?) шинель убитого…

После столкновений с противником на берегах реки Пассарги 25 и 26 мая русская армия в ночь с 27 на 28 мая 1807 года начала отходить к городу Гейльсбергу. Французы двинулись следом. Упорные бои между французскими авангардными частями и русским арьергардом произошли у селений Вольфсдорф и Анкендорф. Неприятель также снова занял город Гутштадт.

Позиции для русской армии у Гейльсберга были подготовлены заранее. Сражение началось в 10 часов утра 29 мая 1807 года. Конница маршала Мюрата (до 14 тысяч всадников) атаковала передовой отряд генерал-майора Бороздина (Низовский и Ревельский мушкетерские полки, Финляндский драгунский и Донской казачий майора Селиванова полк, 6 орудий) и заставила его отступать к селу Березникен. Но здесь Бороздин получил подкрепления. К нему подошли 7 батальонов пехоты, кавалерийский полк и два орудия. Затем сюда прибыл авангардный отряд князя Багратиона. Мюрат, видя, что русские усилились, прекратил наступление. Вперед выехала большая французская батарея (36 орудий) и начала обстреливать наши позиции. Канонада продолжалась до 5 часов вечера.

Только вечером к Березникену подошла основная масса вражеских войск: корпуса Сульта и Ланна, гвардейская фузилерная бригада, всего до 50 тысяч человек. Багратион был вынужден отступить за реку Спуйбах. Главнокомандующий прислал ему подкрепление: генерал-майора Кожина с 1 тысячей человек пехоты и генерал-лейтенанта Уварова с тремя егерскими полками и 25 эскадронами (Уланский полк Цесаревича, лейб-гвардии Гусарский, лейб-гвардии Казачий, Александрийский гусарский). Наши конники завязали рукопашную схватку с французской кавалерией и остановили ее, а гвардейская артиллерия, стоявшая на правом берегу Алле, против устья реки Спуйбах, интенсивным картечным огнем остановила пехоту маршала Сульта.

«Ах, человек ужасен в своем исступлении! Все свойства дикого зверя тогда соединяются в нем! Нет! Это не храбрость! Я не знаю, как назвать эту дикую, зверскую смелость, но она недостойна называться неустрашимостью! – вспоминала потом об

этом дне “кавалерист-девица”. – Полк наш в этом сражении мало мог принимать деятельного участия: здесь громила артиллерия и разили победоносные штыки пехоты нашей; впрочем, и нам доставалось, мы прикрывали артиллерию, что весьма невыгодно, потому что в этом положении оскорбление принимается безответно, то есть должно, ни на что несмотря, стоять на своем месте неподвижно…».

В 6 часов вечера к Гейльсбергу прибыл Наполеон с частью корпуса Ланна. Французской пехоте удалось ворваться в центральный редут, но торжество врага было недолгим. Русские ударили в штыки и снова захватили прежние позиции. Тогда Наполеон перенес свое внимание на правый фланг нашего боевого порядка, но и здесь все нападения противника кончились провалом.

«На правом фланге не были построены окопы, и там по удобности расположена вся наша конница. Неприятель не успел на сем пункте собрать достаточного количества кавалерии, и потому главнокомандующий приказал на нее ударить, – пишет А. П. Ермолов, в то время командовавший ротой конной артиллерии. – Не устояла она против стремительного нападения нашей конницы и отброшена к самому лесу, где стоящая пехота сильным огнем прикрыла бегущих и конницу нашу назад обратила…».

В этой атаке участвовали и коннопольцы, а два солдата из лейб-эскадрона: «товарищ» Роман Синицкий и «шеренговый» Степан Анецкий, – первыми врубившись в колонну вражеской конницы, захватили в плен офицера и двух рядовых, за что и были представлены к знаку отличия Военного ордена.

Сражение при Гейльсберге завершилось победой русской армии. Русские потеряли в нем убитыми, ранеными, пропавшими без вести до 8 тысяч человек, наполеоновские войска – до 12 тысяч (по французским источникам – до 6 тысяч человек).

Поздним вечером 29 мая 1807 года на ровных и обширных долинах перед высотами на правом берегу Алле находилось много убитых и тяжелораненых.

«Жаль смотреть на этих последних, как они стонут и ползают по так называемому полю чести! Что может усладить ужас подобного положения простому солдату? Рекруту? – размышляла, глядя на поле недавней битвы, Надежда Андреевна. – Совсем другое дело образованному человеку: высокое чувство чести, героизм, приверженность государю, священный долг к отечеству заставляют его бесстрашно встречать смерть, мужественно переносить страдания и покойно расставаться с жизнью…».

На философские размышления ее навело следующее

обстоятельство: во время сражения лейб-эскадрон попал под обстрел неприятельской артиллерии и граната упала рядом с «кавалерист-девицей». Алкид спас себя и свою хозяйку, мощным прыжком подавшись в сторону. Дурова чудом усидела в седле. Спасибо, как говорится, отцовской выучке и природной ловкости наездницы. Смерть была рядом, но все-таки миновала «товарища» Соколова. Почему?

Все это было важно для мироощущения молодой женщины, недавно надевшей военный мундир. До событий под Гутштадтом она была лишь обученным, но необстрелянным солдатом. Как и для других новобранцев, первый бой явился для Надежды Андреевны шоком: «новость зрелища поглотила все мое внимание».

Она еще не понимала тогда, что правила поведения, действующие в мирной жизни, порою абсолютно неприменимы на войне. Здесь нужно быть не только храбрым и стойким – к этому она как раз была готова, – но и нужно больше, чем когда-либо, заботиться о себе, соизмеряя свои поступки с общей пользой. Так, отдав лошадь раненому, она подвергла свою жизнь неоправданной опасности, оставшись одна «среди скачки, стрельбы, рубки на саблях». Недаром штабс-ротмистр Галиоф, ее суровый воспитатель, увидев «товарища» Соколова пешим и узнав обстоятельства дела, крикнул ему в досаде: «Пошел на фронт, повеса!»

Однако под Гутштадтом Надежда Андреевна находилась полностью во власти собственных необычных переживаний и впечатлений и мало обращала внимания на то, что творится вокруг, что происходит с другими людьми. Большое полевое сражение у Гейльсберга дало Дуровой новый, но необходимый для солдата опыт. Здесь, на открытом пространстве, можно было наблюдать действия многотысячной массы войск, здесь выстрелы картечи косили целые ряды атакующих. Расстаться с жизнью было легко и просто, потому что военное счастье слепо и только случай правит бал. «Судьба – индейка, а жизнь – копейка!» – говаривали в ту пору армейские фаталисты.

Если уж ее не достали осколки гранаты, разорвавшейся под животом Алкида, значит ей суждено не погибнуть в бою, а добиться своей цели в этой жизни: «Ах, верно молитвы отца и благословение старой бабушки моей хранят жизнь мою среди сих страшных, кровавых сцен…»

Утром 30 мая 1807 года русская армия встала в ружьё. Многие думали, что после победы надо развить успех и атаковать противника. Главнокомандующий на это не решился. «Бенигсен простоял весь этот день в укреплениях и на другой день с армией,

ободренной успехом, мало понесшей урону и нисколько не расстроенной, перешел на правый берег Алле, вдоль которого потянулся к Прегелю. Наполеон достиг своего предмета не победою, а неудачею. Таковых примеров мы не видим в истории…» – сделал вывод еще один знаменитый участник Прусской кампании 1807 года Денис Васильевич Давыдов, в то время штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, адъютант князя Багратиона.

Переход армии от Гейльсберга к Фридланду, где Бенигсен хотел дать генеральное сражение Наполеону, был трудным. Совсем испортилась погода. Похолодало, пошли проливные дожди, и под дождем войскам пришлось идти практически без привалов, так как главнокомандующий опасался флангового удара со стороны противника.

Теперь конный Польский полк находился в составе арьергарда армии, командование которым было вверено генерал-лейтенанту князю Петру Ивановичу Багратиону. Военные части, собранные в арьергард, весь день 30 мая и почти всю ночь простояли у Гейльсберга в полной боевой готовности.

«С самого утра идет сильный дождь; я дрожу; на мне ничего уже нет сухого. Беспрепятственно льется дождевая вода на каску, сквозь каску на голову, по лицу, за шею, по всему телу, в сапоги, переполняет их и течет на землю несколькими ручьями! Я трепещу всеми членами, как осиновый лист! Наконец нам велели отодвинуться назад; на наше место станет другой кавалерийский полк; и пора! Давно пора! Мы стоим здесь почти с утра, промокли до костей, окоченели, на нас нет лица человеческого; и сверх того потеряли много людей», – вспоминала об этом дне «кавалерист-девица».

Арьергард шел всю ночь с 1-го на 2 июня 1807 года, не останавливаясь, и с рассветом приблизился к Фридланду (совр. город Правдинск Калининградской области).

Позиция, выбранная Бенигсеном у Фридланда, была не очень удобной. В центре ее находился глубокий овраг под названием Мюленфлюс и озеро, в тылу – извилистая речка Алле. Слева от города лежал Сортолакский лес, довольно густой и скрывавший передвижения французов. Справа, за широкой равниной, – Домерауский лес. Ранним утром 2 июня начались небольшие столкновения.

«Надлежало напасть решительно на французский корпус, который, будучи весьма разбросан, не мог ни защищаться упорно, ни отступить с удобностию. Армия, растянутая в следовании на Кенигсберг, не могла подкрепить в скором времени, и приходящие в помощь войска, не иначе являясь, как поодиночке,

не в состоянии были бы устоять против соединенных сил всей армии. Предположа, что по превосходству сил неприятеля не входило в намерение главнокомандующего разрезать армию на марше, но конечно не упустил бы он случая истребить один корпус. Напротив, мы занялись продолжительною бесплодною перестрелкою и бесполезно потеряли столько времени, что прибыла кавалерия против нашего правого фланга, и лес против арьергарда наполнился пехотою. Кавалерия наша опрокинута и не иначе не собралась как за линиями пехоты…» – описывает начало Фридландской баталии ее участник Алексей Петрович Ермолов.

Дурова как бы вторит ему:

«Фридланд. В этом жестоком и неудачном сражении храброго полка нашего полегло более половины! Несколько раз ходили мы в атаку, несколько раз прогоняли неприятеля и в свою очередь не один раз были прогнаны! Нас осыпали картечами, мозжили ядрами, а пронзительный свист адских пуль совсем оглушил меня! О, я их терпеть не могу! Другое дело – ядро! Оно, по крайней мере, ревет так величественно и с ним всегда короткая разделка!»

Русские всю первую половину дня вели короткие бои, но не переходили в наступление. Это объясняется тем, что Бенигсен в это время, в сущности, устранился от руководства войсками. У него был жестокий приступ мочекаменной болезни.

В шестом часу вечера к Фридланду подошел Наполеон с главными силами (до 70 тысяч человек). Они соединились со стоявшими у города частями, и их число достигло 85 тысяч против 60 тысяч русских. Вот тогда сражение действительно стало жестоким. Наполеон бросил в атаку против нашего левого фланга, которым командовал Багратион, корпуса маршалов Нея, Виктора и всю гвардию. До 8 часов вечера русские держались. Исход дела на левом фланге решило появление французской батареи из 36 орудий, которую привел генерал Сенармон. Вражеские артиллеристы сначала вели огонь с 600 шагов, потом – с 300 и, наконец, вышли на прямую наводку со 150 шагов. Всего же они сделали 2516 выстрелов, из них 362 ядрами, остальные картечью. Багратион отрядил в атаку на эту батарею кавалерийские полки своего арьергарда, в том числе конный Польский.

Но осыпанные картечью, наши всадники не смогли доскакать до неприятельских позиций, повернули назад, при своем отступлении привели в беспорядок два полка собственной пехоты и вновь собрались в эскадронные шеренги только за версту от места боя. Вот почему Дурова пишет: «нас осыпали картечами,

мозжили ядрами». Но «товарищ» Соколов все-таки уцелел. Верный Алкид вынес его из этой мясорубки.

Князь Багратион, видя, что наступает критический момент всей битвы, сам обнажил шпагу – а это случалось чрезвычайно редко – и сам повел в атаку пехоту своего отряда. Смело пошли вперед за генералом гренадеры Павловского полка и солдаты лейб-гвардии Измайловского. Французская картечь остановила и их. Ряды смешались, под жестоким огнем подались назад, и скоро отступление русских сделалось всеобщим.

Всего под Фридландом русская армия потеряла убитыми, ранеными, пропавшими без вести от 10 до 15 тысяч человек (более точных сведений не имеется), французская – от 12 до 14 тысяч. Дурова преувеличивает, когда пишет: «В этом жестоком и неудачном сражении храброго полка нашего полегло более половины». Согласно рапорту генерал-майора Коховского в течение ВСЕХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ с 24 мая по 8 июня 1807 года было убито 2 офицера, 6 унтер-офицеров, 114 рядовых и 195 строевых лошадей, ранено 13 офицеров, 16 унтер-офицеров, 2 трубача, 84 рядовых и 113 строевых лошадей, а также пропало без вести 45 человек. Есть данные и по другим полкам легкой кавалерии, участвовавшим в сражении под Фридландом: в лейб-гвардии Гусарском полку (3 эскадрона) убито 52 человека и 88 строевых лошадей, в Гродненском гусарском полку (7 эскадронов) убито 29 человек и 42 строевые лошади.

Но не человеческие потери сокрушили русскую армию, которая теперь шла от Фридланда на север, к городу Тильзиту, а паника, распространившаяся во многих ее полках, полная дезорганизация службы, падение дисциплины. Отход армии, как и прежде, прикрывал арьергард под командованием князя Багратиона, в котором находились все три известных нам персонажа – Д. В. Давыдов, А. П. Ермолов, Н. А. Дурова. Каждый из них по-своему отразил эту грустную картину.

Д. В. Давыдов:

«Не забуду никогда тяжелой ночи, сменившей этот кровавый день. Арьергард наш, измученный десятисуточными битвами и ошеломленный последним ударом, разразившимся более на нем, чем на других войсках, прикрывал беспорядочное отступление армии, несколько часов перед этим столь грозной и красивой. Физические силы наши гнулись под гнетом трудов, нераздельных со службою передовой стражи. Всегда бодрый, всегда неусыпный, всегда выше всяческих опасностей и бедствий, Багратион командовал этой частью войск, но и он, подобно подчиненным своим, изнемогал от усталости и изнурения. Сподвижники его, тогда только начинавшие знаменитость свою, – граф Пален,

Раевский, Ермолов, Кульнев – исполняли обязанности свои также через силу; пехота едва тащила ноги, всадники же дремали, шатаясь на конях. На рассвете армия прибыла в Велау; и в продолжение дня перешла через Прегель; арьергард, соединяясь с нею, истребил мост. Все войско, сколько позволило время, устроилось и пошло далее на Таплакен, Клейн-Ширау и Пепелкен, в направлении к Тильзиту…».

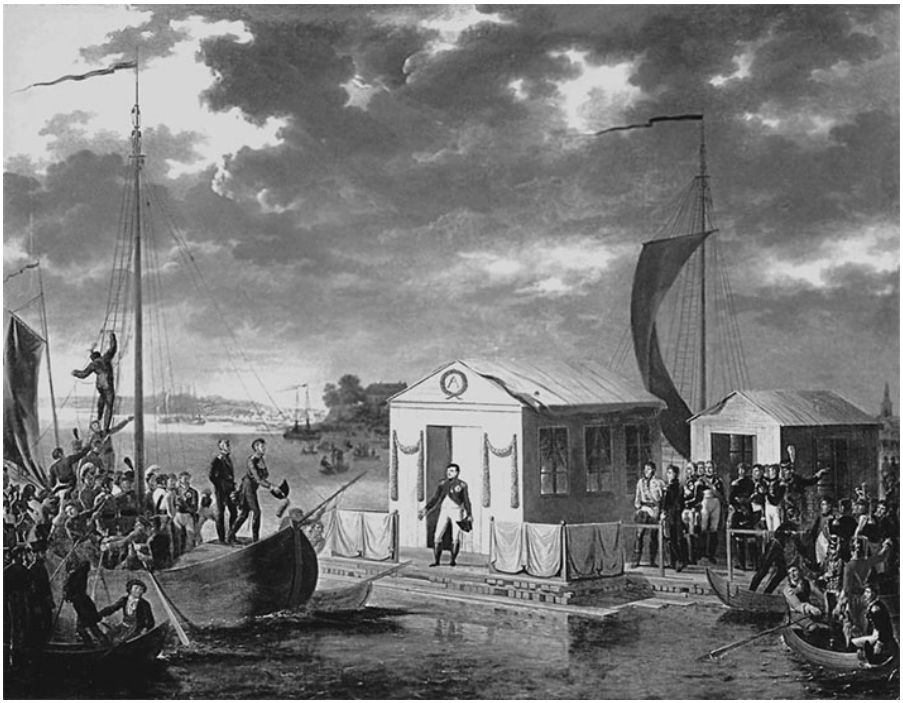
А. П. Ермолов:

«Армия наша была малочисленна и в беспорядке. Ее крайне ослабили отлучившиеся от полков люди при отступлении от Фридланда и по пути до Немана. Собираясь большими толпами, они проходили разными дорогами, снискивая грабежом себе пропитание, и в числе нескольких тысяч перешли Неман в Юрбурге, Оолите, Мерече и некоторые даже в Гродно. В доказательство беспорядка приведу следующие примеры. Изюмский гусарский полк забыт в Пруссии на квартирах, где находился для поправления лошадей; узнавши от жителей о Фридландском сражении, пошел он к армии, но встречающиеся повсюду наши и французские мародеры истолковали ему, что армия отступает, и полк отправился за Неман и перешел его благополучно. Также забыт полковник Сысоев с донскими полками, но гораздо далее. Он встречался с войсками неприятеля, дрался с ними, проходил их квартирами, брал пленных и за Неманом присоединился к армии…».

Н. А. Дурова:

«Жители бегут! Полки отступают! множество негодяев солдат, убежавших с поля сражения, не быв ранеными, рассеивают ужас между удаляющимися толпами, крича: “Все погибло! Нас разбили наголову; неприятель на плечах у нас! Бегите! Спасайтесь!” Хотя я не верила этим трусам, однако ж, видя драгун, целыми взводами на рысях несущимися через город, не могла быть покойною; от всей души сожалела я, что увлеклась любопытством смотреть на пальбу из пушек… Мы продолжали ехать шагом; мимо нас бежали и скакали, крича нам: “Ступайте скорее! Неприятель близко!”… Мы опять поехали; толпы все еще бежали с прежним криком – СПАСАЙТЕСЬ! Наконец я увидела провозимые мимо нас орудия…».

Армия поспешно уходила к городу Тильзиту. Арьергард прикрывал ее отступление. Рано утром 3 июня 1807 года части арьергарда прибыли в Алленбург, где застали некоторые полки главного корпуса. Беспорядок в них, как замечает Ермолов, «был ужаснейший».



Тильзитский мир. Встреча Александра I и Наполеона в павильоне на середине Немана. 1807 г. Художник А.-Э.-Г. Рен

На следующий день, 4 июня, произошло несколько схваток у деревень Клейн-Ширау, Битенен, Пепелкен. Французский авангард заметно увеличился в количестве. Ему противостояли полки русской регулярной конницы, в том числе – Польский. Неприятель продолжал наседать на арьергард и 5 июня. В середине дня у деревни Таплакен в бою участвовала уже русская артиллерия, и нападение было отбито. Наши войска, по словам Давыдова, при отражении вражеского натиска действовали самоотверженно.

Вечером 5 июня 1807 года главные силы армии вышли на левый берег Немана у города Тильзита и переправа началась. Она продолжалась 6 и 7 июня под прикрытием арьергарда, который продолжал отбивать яростные атаки французов.

Неман разделил противников. На левом его берегу осталась армия Наполеона (до 200 тыс. чел.), одушевленная победой при Фридланде, грозная, готовая к продолжению войны, на правом берегу – русская, чью малочисленность удачно скрывали лесистые пространства. Главнокомандующий со штабом расположился в селении Амт-Баублебен, пехота и регулярная кавалерия – между Погегеном и Вилькишкеном, гвардия – в Бенникайтене, все казачье войско – на заливных лугах у Немана, напротив

сожженного моста. Но тогда еще никто не знал, что франко-прусско-русская война 1806–1807 гг. уже закончена. Сначала, 10 июня 1807 года, было заключено перемирие, затем – мир, названный впоследствии Тильзитским.

Император Александр I и Наполеон впервые встретились в павильоне, построенном на плоту на реке Неман, 13 июня. Можно только догадываться, какие чувства обуревали при этом Александра Павловича, хотя, по свидетельствам очевидцев, внешне он был совершенно спокоен. «Корсиканец Боунапарте», которого в православных церквях уже тогда называли «антихристом» был для него «счастья баловень безродный». Два года назад, в 1805-м, при Аустерлице его войска наголову разгромили союзников, и Александр Павлович, бросив армию, ускакал в Петербург. Десять дней назад, при Фридланде, русские снова потерпели поражение, но бежать было некуда: наполеоновская армада теперь стояла у границ России. Сейчас император должен был не допустить предполагаемого вторжения. И он сделал это.

По предложению Наполеона Тильзит был объявлен нейтральным. Александр переехал туда 14-го июня 1807 года. В город были введены для занятия караулов батальон французской гвардии и первый батальон лейб-гвардии Преображенского полка, а для конвоя царя – полуэскадрон Кавалергардского полка. Оба императора жили недалеко друг от друга, часто встречались, вместе обедали и инспектировали свои войска.

В течение этих дней полки арьергарда, расположенные у деревни Шаакен и вдоль дороги, ведущей из Амт-Баублебена в Вилькишен, приводили себя в порядок. Солдаты латали и чистили мундиры, стирали в водах Немана белье, косили на его заливных лугах траву для своих отощавших от усиленных переходов лошадей, так как ни соломы, ни овса у Тильзита интендантство вдоволь не заготовило.

День царского смотра настал.

«Раздались командные слова, полки выровнялись, заиграли в трубы, и мы преклонили пики несущемуся к нам на прекрасной лошади в сопровождении многочисленной свиты обожаемому царю нашему! – пишет Дурова. – Государь наш красавец, в цвете лет; кротость и милое сердце изображаются в больших голубых глазах его, величие души в благородных чертах и необыкновенная приятность на румяных устах его! На миловидном лице молодого царя нашего рисуется вместе с выражением благости какая-то девическая застенчивость. Государь проехал шагом мимо всего фронта нашего; он смотрел на солдат с состраданием и задумчивостью. Ах, верно отеческое сердце его обливалось

кровью при воспоминании последнего сражения. Много пало войска нашего на полях Фридландских!»

Надежда Андреевна могла хорошо рассмотреть императора, потому что она, как «товарищ», находилась в первой шеренге лейб-эскадрона Польского полка. Согласно легенде, Александр Павлович обратил внимание на двух юных солдат – Соколова и Вышемирского. Он будто бы сказал Коховскому: «Ты набрал в свой полк детей!» – «О нет, ваше величество! – ответил Коховский. – Это мои самые храбрые воины!» – «Не забудь о них при награждении», – посоветовал царь.

Смотр частей арьергарда князя Багратиона прошел успешно. Император в воздаяние тяжких трудов, понесенных его полками при отступлении от Гейльсберга и Фридланда, повелел выдать в виде премии каждому нижнему чину серебряный рубль, фунт мяса и чарку вина.

Мир с наполеоновской Францией был «ратифицирован» 25 июня 1807 года. После подписания всех необходимых документов Александр и Наполеон одновременно покинули Тильзит. Их отъезд послужил сигналом для обеих армий. Французская пошла в Пруссию, русская – в Россию. Все полки арьергарда вернулись в свои дивизии. Так и конный Польский полк перешел в родную свою 4-ю дивизию. Он встал лагерем в лесах долины реки Нярис, недалеко от Вильно.

Так началась мирная служба, о которой Надежда Андреевна имела тогда слабое представление. Эта служба в значительной степени зависела от времени года. Поскольку армейских казарм в начале XIX века в России было очень мало (только для гвардии в Санкт-Петербурге и его окрестностях), а кавалерия к тому же не имела манежей, то зимой пешие и конные полки, точнее сказать, их роты и эскадроны, расходились на постой в разные города и села и жили там на обывательских квартирах по 1–5, 6, 7 человек, в зависимости от величины домостроения. Слова известного романса: «О бедном гусаре замолвите слово, ваш муж не пускает меня на постой…» как раз отражают эту ситуацию.

Зато летом, обычно с середины июня до середины августа, полки выходили «на кампаменты», то есть в летние лагеря. Роты и эскадроны собирались вместе для каждодневных групповых (эскадронных, полковых) учений в обстановке, максимально приближенной к походной и боевой. Солдаты и офицеры жили в палатках, готовили пищу на кострах. Пребывание в лагерях, длившееся, как правило, 7–8 недель, завершалось большими маневрами (3–4 дня), на которых пехота, конница и артиллерия совершали марши, атаки, отступления, отрабатывая совместные действия на поле боя.

Распорядок дня в лагере был следующим: подъем играли трубачи в 5-м часу утра, первая чистка лошадей длилась с 5 до 7 часов, затем – умывание, общая молитва и завтрак: чай с хлебом; с 9 до 10 часов утра продолжался развод караулов на плацу перед гауптвахтой: с музыкой, все чины – в полной походной форме и при оружии, затем – выезд на учения в поле; с 12 до 13 часов дня – обед: щи да каша; в 18 часов – вторая чистка лошадей, затем ужин: «жидкая кашица» (пшенные крупы с добавление сала); в 21 час – пробитие «вечерней зори», общая молитва, отход ко сну. О трудах нижнего чина, живущего по этому расписанию, рассказал в своих мемуарах Иоганн-Рейнгольд фон Дрейлинг, в 1810 году – юнкер Малороссийского кирасирского полка, летом этого же года стоявшего лагерем под городом Ошмяны:

«Вот тут-то я по-настоящему почувствовал всю тяжесть моего звания и низкого чина. Здесь я ничем не отличался от любого кирасира, и моих сил едва хватало на то, чтобы перенести все эти трудности. Нечего было надеяться на помощь какого-нибудь солдата, всякую работу мне приходилось исполнять самому. Ежедневные строевые учения с утра до вечера, еженедельные смотры, частые караулы, уборка лошади, чистка сбруи и амуниции, ежедневно употреблявшихся и ежедневно пачкавшихся, все это да еще ответственность по службе требовали неимоверных сил и выносливости.

Целый день мы не снимали мундиров. Ночь в палатке, при свете свечи, нужно было приготовить все к следующему дню; четыре, самое большее – пять часов удавалось выкроить для сна, а тут еще… скучная солдатская пища! Здесь мне пришлось самому и белье стирать в ближайшей речке. Шесть недель терпели мы эти мучения, наконец, после того как граф Пален и наш дивизионный командир генерал-лейтенант Коновницын сделали нам смотр, мы выступили из лагеря на наши прежние квартиры в деревню Бакште…».

Юнкер Дрейлинг жаловался на солдатскую жизнь в лагере. Но «товарищ» Соколов, который мог сталкиваться с еще большими ее трудностями, хотя бы потому, что должен был скрывать свой пол, в книге не сказал об этом ни слова. Всего несколько деталей сообщила «кавалерист-девица» читателям.

Во-первых, жили солдаты не в палатках, а в шалашах, по одному на каждый взвод, то есть рассчитанный на 25–30 человек, спали на соломе. Во-вторых, дважды в день, утром и вечером, она могла отлучаться из лагеря: водила лошадей на водопой на реку, что находилась в версте от расположения полков. В-третьих, наравне с другими исполняла все обязанности: «Меня… отряжают стеречь ночью наше сено, чистить заступом ПЛЯЦУВКУ, то есть

место для развода караула перед гауптвахтой, и стоять на часах у церкви и порохового ящика… В лагере меня очень веселила откомандировка чистить ПЛЯЦУВКУ; я так охотно работала, соскабливала с земли траву заступом, сметала ее в кучу метлою и все это делала как будто всю жизнь никогда ничего другого не делала…»

Кроме этой непривычной для дочери городничего работы, Надежда Андрееа должна была содержать в полном порядке все предметы конской сбруи и солдатской амуниции и вооружения. Дрейлинг упоминал об этом: «чистка сбруи и амуниции, ежедневно употреблявшихся и ежедневно пачкавшихся». Требования к чистоте этих предметов были высокие. «Чистота оружия, амуниции и одежды была поразительная, – пишет в мемуарах Д. Е. Остен-Сакен, служивший обер-офицером в Елисаветградском гусарском полку с 1804 по 1811 год.

Дурова не считала эту работу слишком трудной, на все другие поручения и приказы отзывалась весело: «Очень рад!» – и исполняла их с примерным старанием. Она полагала, что во время похода полка в Восточную Пруссию вместо блистательных подвигов наделала сумасбродств и теперь должна загладить это, может быть, невыгодное впечатление, сложившееся у начальства о «товарище» Соколове. Если командиры не оценили бесстрашия Соколова в бою, то пусть знают, что на мирной службе он станет образцовым солдатом. Женская привычка к аккуратности и чистоте здесь была очень кстати.

Потом, много лет спустя, уже после публикации книги, когда тайна «кавалерист-девицы» была раскрыта и Надежда Андреевна сделалась популярной фигурой в салонах столичной знати, ей пришлось отвечать на трудные для нее вопросы об этом солдатском житье-бытье. Особенно ее донимали женщины. Их интересовали подробности.

Вообще-то краткое описание жизни в лагере летом 1807 года как раз и содержит ответы на «женские» вопросы, необходимо лишь кое-что уточнить в нем. Например, указать, что в шалашах солдаты спали на соломе, разложенной прямо на земле, и потому не снимали на ночь белья, а укрывались (закутывались) в шинели, поскольку от казны им ни кроватей, ни матрасов, ни простыней, ни одеял не полагалось. Очень важным обстоятельством было то, что река находилась за пределами лагеря, и лошадей дважды в день надо было туда гонять на водопой. Приняв на себя эту обязанность, Надежда Андреевна сразу решила многие проблемы. Дважды в день она получала доступ к воде, в зарослях у реки могла сменить белье, искупаться, не привлекая к себе ничьего внимания.

Кроме того, очаровательные собеседницы русской амазонки, судя по всему, совершено упускали из вида один немаловажный факт. Все эти солдатские приключения, как-то: пребывание под дождем в течение многих часов, двух-трехдневные марши в седле без перерыва, отсутствие горячей пищи, спанье на соломе, а то и просто на земле, купание в холодной воде – стали возможными только потому, что «кавалерист-девица» от Бога была награждена поистине железным здоровьем, как общим, так и женским. Это здоровье она укрепляла всю жизнь, занимаясь физкультурой и спортом: верховые и пешие прогулки каждый день, плавание в реках и озерах до глубокой осени, в молодые годы – фехтование и стрельба. К этому надо прибавить воздержанность в еде и питье, хотя старожилы города Елабуги утверждали, что штабс-ротмистр Александров любил пропустить стаканчик хорошего виноградного вина перед обедом, заходя для этого в трактир, расположенный недалеко от его дома на улице Московской…

Приспособившись к армейской жизни, Надежда Андреевна «на кампаментах», а потом и на зимних квартирах своего полка в Полоцке думала все время об одном: «Произведут ли меня в офицеры без доказательств о дворянстве? А как их достать? Наша грамота у дядюшки, если б он прислал ее! Но нет, он не сделает этого! Напротив… о Боже, Боже! Для чего я осталась жива!..»

Грамота о дворянстве, как уже указывалось ранее, находилась у отца героини, но этот документ ничем бы не помог ей, так как Надежда Андреевна при вступлении в полк назвалась не Дуровым, а Соколовым. Однако сам вопрос о производстве в первый офицерский чин был актуален не только для «товарища» Соколова. В конном Польском полку вместе с «кавалерист-девицей» служили и другие люди, тоже мечтавшие об офицерских эполетах и имевшие на это право по своему происхождению. О них рассказывает рапорт генерал-майора Коховского, хранящийся в Российском государственном военно-историческом архиве. В январе 1812 года шеф полка представил императору Александру I список портупей-юнкеров из девяти человек, «достойных к производству в офицеры».

Это были сослуживцы Дуровой, вместе с ней воевавшие с французами под Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом. Трое из них начинали службу «товарищами» почти одновременно с Соколовым в 1806–1807 гг., а остальные гораздо раньше. Так, вместе с Надеждой Андреевной «товарищем» в Польский полк поступил Карл Иванович Маркевич, «из польского шляхетства Волынской губернии Луцкого уезда, за отцом его крестьян не имеется, доказательств о дворянстве не представил». В «товарищах» он пробыл с марта 1807 года по март 1809-го, затем

стал унтер-офицером и в июле 1811 года – портупей-юнкером.

Иван Томашевич Гергилевич, «из польского шляхетства Австрийской короны Львовской губернии Замостского уезда, за отцом его крестьян не имеется, доказательств о дворянстве не представил», пришел в полк в марте 1806 го да «товарищем», в унтер-офицеры был произведен в марте 1809 года, в портупей-юнкеры – в январе 1811 года. В отличие от Маркевича Гергилевич умел читать по латыни. Но и такое широкое образование не помогло ему быстро сделать карьеру в уланах. Недаром авторы Устава вскользь замечали в одном из его параграфов, что «способность только к письменным делам… в сравнении со службою во фронте есть совсем побочное дело…»

Если бы не встреча с императором Александром I, которому не понадобились никакие «доказательства о дворянстве», то сначала Надежду Андреевну произвели бы не в офицеры, а в унтер-офицеры, потом – в портупей-юнкера и уж затем – в корнеты. Но коннополец Соколов и назван… унтер-офицером в двух документах, дошедших до нашего времени.

Первый из них, датируемый 13 ноября 1807 года, является рапортом главнокомандующего генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена, написанным в ответ на запрос государя о «товарище» конного Польского полка Соколове. Второй документ – письмо графа Ливена своему преемнику на посту военного министра графу Аракчееву от 21 февраля 1808 года: «…дочь коллежского советника Андрея Дурова в прошлом 1807 году, скрыв свой пол, определилась в Польский уланский полк рядовым под именем Соколова и служила всю прошедшую кампанию с отличием, за что произведена была в унтер-офицеры…»

Месячные рапорты Польского полка за 1807 год, по которым можно было бы неопровержимо установить истину, не сохранились. Сама Надежда Андреевна пишет только о том, что в унтер-офицеры произвели ее приятеля Вышемирского, с которым она начинала службу. Но ведь ей вздумалось в книге «поправлять» и другие события из своего солдатского прошлого. Доверие к процитированным документам вызывает то, что их авторы воочию видели Соколова. Отличить же рядового от унтер-офицера визуально было просто: серебряный галун шириной в 22 мм у унтер-офицеров нашивался по краям воротника и на обшлагах мундира. Наверное, эта полоска серебра броско и эффектно смотрелась на малиновом воротнике и обшлагах, присвоенных строевым чинам конного Польского полка.

Встреча с государем

Когда князь В*** отворил мне дверь государева кабинета и затворил ее за мною, государь тотчас подошел ко мне, взял за руку и, приблизясь со мною к столу, оперся одной рукою на него, а другою продолжая держать мою руку, стал спрашивать вполголоса и с таким выражением милости, что вся моя робость исчезла и надежда снова ожила в душе моей. «Я слышал, – сказал государь, – что вы не мужчина, правда ли это?» Я не вдруг собралась с духом сказать: «Да, ваше величество, правда!» С минуту я стояла, потупив глаза, и молчала; сердце мое сильно билось, и рука дрожала в руке государевой! Государь ждал! Наконец, подняв глаза на него и сказывая свой ответ, я увидела, что государь краснеет; вмиг покраснела я сама, опустила глаза и не поднимала уже их до той минуты, в которую невольное движение печали повергло меня к ногам государя! Расспросив ПОДРОБНО ОБО ВСЕМ, что было причиною вступления моего в службу, государь много хвалил мою неустрашимость, говорил: ЧТО ЭТО ПЕРВЫЙ ПРИМЕР В РОССИИ; ЧТО ВСЕ НАЧАЛЬНИКИ ОТОЗВАЛИСЬ ОБО МНЕ С ВЕЛИКИМИ ПОХВАЛАМИ, НАЗЫВАЯ ХРАБРОСТЬ МОЮ БЕСПРИМЕРНОЮ; ЧТО ЕМУ ОЧЕНЬ ПРИЯТНО ЭТОМУ ВЕРИТЬ И ЧТО ОН ЖЕЛАЕТ СООБРАЗНО ЭТОМУ НАГРАДИТЬ МЕНЯ И ВОЗВРАТИТЬ С ЧЕСТИЮ В ДОМ ОТЦОВСКИЙ, ДАВ… Государь не имел времени кончить; при слове: ВОЗВРАТИТЬ В ДОМ! я вскрикнула от ужаса и ту же минуту упала к ногам государя: «Не отсылайте меня домой, ваше величество», – говорила я голосом отчаяния, – не отсылайте! я умру там! непременно умру! Не заставьте меня сожалеть, что не нашлось ни одной пули для меня в эту кампанию! Не отнимайте у меня жизни, государь! я добровольно хотела ею пожертвовать для вас!..

Н. Дурова.

«Кавалерист-девица. Происшествие в России»

Очень сильно, искренне и эмоционально описала Надежда Андреевна две свои встречи с императором Александром I. Пожалуй, это самые яркие страницы в ее книге.

Рассказ молодой женщины, которая просит у самодержца «неслыханной милости» – права служить в его армии, читается с неослабевающим интересом. При всем при том, что это именно рассказ, а не прямой диалог, так как Дурова вовсе не желала (или не могла) передать читателям абсолютно ВСЕ детали своих бесед с Александром Павловичем. Потому весьма кратко пишет она о том, ЧТО говорила, и весьма подробно о том, КАК говорила: «вмиг покраснела», «движение печали повергло меня к ногам государя», «вскрикнула от ужаса», «обнимала колени государевы и плакала», «говорила это, сложа руки, как перед образом, и смотря на государя глазами полными слез», «затрепетала от радости»…

За этим описанием встает картина неимоверно трудного для «кавалерист-девицы» разговора, в ходе которого ей удалось изменить первоначальное намерение царя отправить героиню – пусть почетно, с наградой – но все-таки домой к отцу, в Сарапул. Она смогла внушить императору, что способна преодолевать женские слабости, способна достойно носить мундир воина. Она выпросила у него ту награду, о которой мечтала всю жизнь, – чин офицера. Александр Павлович поддался на уговоры. Но это было неспроста: перед ним на столе лежали документы, доставленные в столицу доверенными лицами и подтверждавшие слова «товарища» (унтер-офицера) конного Польского полка Соколова.

Появлению этих документов на свет предшествовал целый ряд событий, и начало им положила сама «кавалерист-девица». Перед выходом эскадрона ротмистра Каземирского в поход из Гродно в Восточную Пруссию она отправила письмо отцу. Это был очень рискованный шаг, который мог привести к краху все ее предприятие. Однако мысль о том, что она может погибнуть на войне безвестно, беспокойство о судьбе сына, тоска по дому подтолкнули героиню к такому поступку:

«Пишу к отцу, где я и что я теперь; пишу, что, падая к стопам его и обнимая колена, умоляю простить мне побег мой, дать благословение и позволить идти путем, необходимым для моего счастия. Слезы мои падали на бумагу, когда я писала, и они будут говорить за меня отцовскому сердцу…»

Письмо, отправленное в начале мая 1807 года из Гродно, видимо, было получено в Сарапуле в конце того же месяца. К этому времени в доме Дуровых развернулся очередной акт семейной драмы. Мать Надежды Андреевны, уже тяжело больная и удрученная новой изменой мужа, уехала к своим родителям на Украину. Желая разжалобить ее и в конечном счете вернуть обратно, А. В. Дуров переслал ей письмо старшей дочери. Но было уже поздно. Анастасия Ивановна умерла. Сообщение об

этом он получил, скорее всего, в июле или в августе, так как 27 августа 1807 года датировано его письмо младшему брату Николаю, проживавшему тогда в Санкт-Петербурге. Оригинал письма утрачен. Фрагмент его был опубликован Н. Н. Мурзакевичем в журнале «Русский архив» в 1872 году на стр. 2043:

Из письма А. Дурова, отца Надежды Черновой, от 27 августа 1807 года.

«… (сначала – подробности о болезни и смерти его жены – *А.Б.*). Ради Бога узнайте об Надежде и дайте ей об этом знать; она верно приедет домой… будет детям матерью, а мне другом; я ее очень люблю…»

«Кавалерист-девица» узнала об этой переписке уже после встречи с Александром I, когда побывала в гостях у своего дядюшки. В книге она изложила следующую версию: «Получа письмо свое обратно, отец мой послал его к дяде в Петербург и просил узнать, в живых ли я. Дядя показал это письмо кому-то из знакомых ему генералов, и таким образом дошло оно до государя…»

Генералы, якобы знакомые Дурову-младшему, здесь совершенно ни при чем. Сознавая всю серьезность этой ситуации, Николай Васильевич подал официальное прошение в канцелярию Его Величества (оно не сохранилось), и по этому прошению для императора был подготовлен доклад 28 сентября 1807 года:

«Коллежский советник Дуров, в Вятской губернии в городе Сарапуле жительствующий, ищет повсюду дочь Надежду по мужу Чернову, которая по семейным несогласиям принуждена была скрыться из дому и от родных своих, и от которой было письмо из Гродно, что она, записавшись под именем Александра Васильева сына Соколова в конной Польской полк, служит товарищем и была во многих с неприятелем сражениях. Отец ея и брат его, в Санктпетербурге находящийся, всеподданнейше просят Высочайшего повеления о возвращении им сей несчастной».

Само собой разумеется, что Дурова не была заинтересована в публикации этого прошения. Вместо возвышенных объяснений побега из дома: свобода личности и равенство полов – ее родные выдвигали бытовую причину: «по семейным несогласиям», то есть поссорилась с мужем и потому ушла в солдаты. Есть в документе и другая, не менее важная деталь. Теперь, когда Дурова-Чернова приняла присягу, надела мундир и числится в строевых чинах воинской части, ни ее муж, ни ее отец не имеют более права распоряжаться по своему усмотрению судьбой беглянки. Она стала «государевым человеком» и для ее возвращения домой требуется «Высочайшее повеление». Об этом они всеподданнейше

и просят царя.

Наверное, в канцелярии Его Величества прошение братьев Дуровых произвело эффект разорвавшейся бомбы. Еще бы! Оказывается, в рядах императорской армии уже несколько месяцев находится женщина и никто до сих пор не сообщил об этом высшему начальству. С какой целью она надела мундир и какова в таком случае нравственность солдат и офицеров, если они позволяют быть рядом с собой в строю, под священными воинскими знаменами существу противоположного пола?

Александр Павлович, прежде всего, пожелал скрыть от общества эту скандальную историю. В Витебск, в штаб-квартиру армии, командование которой после смещения барона Бенигсена было вверено генералу от инфантерии графу Буксгевдену, отправился действительный тайный советник Василий Степанович Попов. Бывший управляющий Кабинетом Ее Величества Екатерины II, он не раз выполнял конфиденциальные поручения русских монархов.

Видимо, в середине октября 1807 года Попов прибыл в Витебск. Он, судя по всему, не имел при себе никаких писем, касающихся розыска коннопольца Соколова, а передал всю эту историю Буксгевдену на словах. Поручить расследование щекотливого дела можно было только проверенному, надежному человеку, и такой человек в штаб-квартире армии нашелся. Это был адъютант главнокомандующего молодой поручик Александр Иванович Нейдгардт (1784–1875 гг.). Он происходил из эстляндских дворян, в 1798 году был произведен в прапорщики Фридрихсгамского гарнизонного полка, в 1803 году переведен в Невский мушкетерский полк, а в начале 1807 года назначен адъютантом в штаб генерала от инфантерии графа Буксгевдена. Этот важный поворот в карьере армейского офицера произошел благодаря связям его старшего брата Павла Ивановича Нейдгардта, капитана свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, обратившего на себя внимание начальства в походе русской армии в Австрию.

В октябре 1807 года перед поручиком А. И. Нейдгардтом стояла нелегкая задача: он должен был провести дознание в конном Польском полку, но так, чтобы нижние чины и офицеры этого полка не догадались о его причинах. Дело в том, что согласно «Воинскому Артикулу», своеобразному уголовному кодексу для военнослужащих того времени, составленному еще Петром Великим, инкриминировать Дуровой подделку документов и самозванство (чем и является с точки зрения современного законодательства ее деяние) было невозможно. Такие статьи в петровском «Воинском Артикуле» отсутствовали.

Но там была глава «о содомском грехе, насилии и блуде». Артикул 175-й гласил: «Никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют оные без рассмотрения особ, чрез профосов раздеты и явно изгнаны быть». Следовательно, поручику требовалось установить только один факт: занималась ли Надежда Андреевна проституцией, надев военный мундир и приняв присягу?

Поскольку дознание о «товарище» (или унтер-офицере) Соколове в соответствии с волей государя являлось секретным, то и вопросы, которые задавал строевым чинам Польского полка адъютант, были разными. Например, шефу полка генерал-майору П. Д. Коховскому он сообщил, что Соколов – на самом деле женщина и это известно императору. Коховский, не поверив своим ушам, вызвал «кавалерист-девицу» к себе. Об этом разговоре Дурова пишет в книге: «Хотя мне только семнадцать лет, однако же я имею уже столько опытности, чтобы угадать тотчас, что Коховский знает обо мне более, нежели показывает…»

Передать же сенсационную информацию солдатам и офицерам Нейдгардт не имел права и потому, видимо, просто собирал сведения о Соколове, расспрашивая о его поведении в походе, на поле боя, в лагере. Из ответов однополчан Надежды Андреевны ему сразу стало ясно, что главный и самый страшный пункт обвинения отпадает, так как коннопольцы не знали, что рядом с ними служит женщина.

Тем не менее «кавалерист-девицу» подвергли аресту: «Однако ж мне велено отдать свою лошадь, седло, пику, саблю и пистолеты в эскадрон…» Слово «арест» фигурирует в ее книге на следующей после этого замечания странице: «Главнокомандующий встретил меня с ласковою улыбкою и прежде всего спросил: “Для чего вас арестовали, где ваша сабля?” Ясно, что Нейдгардт в данном случае превысил свои полномочия. Ему никто не поручал давать оценку поступку Дуровой-Черновой. Он же заведомо считал ее преступницей, вел себя по отношению к героине вызывающе, всячески демонстрировал ей свое презрение, когда вез из полка в штаб армии. Легко представить себе, как переживала Надежда Андреевна, столкнувшись с таким поведением молодого офицера.

Однако она в своей книге пишет о его проделках очень осторожно.

Похоже, во время работы над рукописью «кавалерист-девица» знала, что бывший поручик стал лицом, приближенным к царю Николаю. Доверие императора Нейдгардт снискал в трудный день 14 декабря 1825 года, при подавлении мятежа на Сенатской площади. В 1826 году он – генерал-адъютант, в 1829-м – генерал-

лейтенант, в 1830 году генерал-квартирмейстер (т. е. начальник) Главного штаба Его Императорского Величества. Современники характеризовали Александра Ивановича по-разному: то как мелочного педанта и ярого службиста, то как человека «низкопоклонного до подлости перед сильными и влиятельными личностями, но деспотически грубого со всякими подчиненными, не имевшими покровителей…»

Поручение главнокомандующего в 1807 году он, начинающий штабист, конечно, старался выполнить как можно лучше и с пользой для своей карьеры. Но встретил немалое сопротивление в конном Польском полку. В беседах с ним, которые происходили при шефе полка Коховском, солдаты чувствовали какой-то подвох и, верные золотому армейскому правилу: «Своих не выдавай!», рассказывали ему о юном унтер-офицере Соколове совсем не то, что Нейдгардт желал услышать.

«Вечером пришли ко мне мои взводные сослуживцы и велели меня вызвать, – пишет Надежда Андреевна. – Я пришла. Добрые люди! это были взводный унтер-офицер и ментор мой, учивший меня всему, что надобно знать улану пешком и на коне. “Прощайте, любезный наш товарищ! – говорили они, – дай Бог вам счастья; мы слышали, что вы едете в Петербург, хвалите нас там; мы хвалили вас здесь, когда шеф расспрашивал о вас; а особливо меня, – сказал ментор мой, закручивая усы свои с проседью. – Ведь я по приказу Каземирского был вашим дядькою; шеф взял меня к себе в горницу и целый час выспрашивал все до самой малости; и я все рассказал, даже и то, как вы плакали и катались по земле, когда умер ваш Алкид…”»

В начале ноября 1807 года поручик А. И. Нейдгардт и Н. А. Дурова прибыли из Полоцка, где квартировал Польский полк, в Витебск, в штаб-квартиру армии. Они привезли с собой два документа: формулярный список Соколова и рапорт шефа полка генерал-майора П. Д. Коховского. Возможно, существовал и рапорт Нейдгардта о дознании, проведенном им в этой воинской части. В архивы попал только формулярный список Соколова. Донесение Коховского было использовано при подготовке рапорта графа Буксгевдена императору Александру I. Судя по этому рапорту, оно было весьма и весьма благоприятным для «кавалерист-девицы».

Ф. Ф. Буксгевден. Художник В. Л. Боровиковский

В отличие от своего адъютанта граф Буксгевден взглянул на дело Дуровой-Черновой совершенно иначе. Он ласково побеседовал с ней и заверил ее, что никакого наказания за свой поступок она не понесет. Наоборот, ее храбрость и решительность, благородное стремление служить Отечеству будут по достоинству вознаграждены. Между тем сам Федор Федорович сделал все возможное для того, чтобы государь милостиво отнесся к молодой женщине, ставшей солдатом. Он написал замечательный рапорт:

«Во исполнение Высочайшей Вашего Императорского Величества воли, сообщенной мне действительным тайным советником Поповым, истребовал я служащего в Коннопольском полку товарища Александра Соколова и отправил его с флигель-адъютантом Вашего Величества Зассом. При сем поднеся присланный мне от полку формулярный его список, всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что отличное поведение его, Соколова, и ревностное прохождение своей должности с самого вступления его в службу, приобрели ему ото всех как начальников, так и сотоварищей его полную привязанность и внимане. Сам шеф полка генеренерал-майор Коховский, похваляя таковой его служение, усердие и расторопность, с какими исполнял он все препорученности, во многих бывших с французами сражениях, убедительно просит оставить его ему в полку, как такового унтер-офицера, который совершенную подает надежду быть со временем весьма хорошим офицером, да и сам он, Соколов, непременное имеет желание остаться всегда на службе.

Генерал от инфантерии граф Буксгевден.

№ 432.

Ноября 13 дня 1807 года

Гоупт-квартира

В городе Витебске».

Биография Ф. Ф. Буксгевдена (1750–1811 гг.), по происхождению немца (первое имя Фридрих-Вильгельм), была связана с Россией и русской армией. Он учился в Петербурге в Артиллерийском и инженерном шляхетском корпусе, офицерский чин заслужил в 1770 году в бою под Бендерами. Через год, при штурме Браилова, прапорщик Буксгевден особенно отличился. Будучи раненым, он первым взошел на крепостную стену и заклепал два турецких орудия. За этот подвиг юный офицер удостоился высокой награды – ордена Св. Георгия 4-й степени. На него также обратил внимание всесильный тогда князь Г. Г. Орлов, который взял его к себе адъютантом. Буксгевден сопровождал Орлова в путешествиях по Германии и Италии и заслужил такую его благосклонность, что женился на побочной дочери князя и императрицы Екатерины Великой Наталье Алексеевой.

Довелось Буксгевдену повоевать и под знаменами великого Суворова. В 1793 году он, командуя дивизией, участвовал в штурме предместья Варшавы Прага. За отличие в этом бою он получил золотую шпагу, украшенную бриллиантами, и орден Св. Владимира 2-й степени. Титул графа Федору Федоровичу сначала пожаловал прусский король, а затем император Павел I,

который назначил его Санкт-Петербургским военным губернатором. Но милости взбалмошного Павла Петровича продолжались недолго. В 1799 году Буксгевдена постигла опала. Он был уволен от должности и даже покинул Россию, уехав на родину, в Германию. Император Александр I вернул графа на русскую службу и дал ему чин генерала от инфантерии.

Пост главнокомандующего армией Федор Федорович занял в июле 1807 года.

Благородный и прямодушный, заслуживший чины и награды на поле боя, он всегда говорил то, что думал, и умел отстаивать свою точку зрения, дерзая спорить как с царем, так и с его фаворитами (например – с Аракчеевым). В случае с Дуровой граф Буксгевден не особенно заботился о том, понравится ли его рапорт в столице. Ознакомившись с документами, привезенными его адъютантом из конного Польского полка, встретившись и поговорив с самой героиней, он сразу оценил масштаб ее личности и по-армейски точно изложил в рапорте свое мнение.

Буксгевден не пожалел добрых слов, рассказывая о коннопольце Соколове. По его приказу Надежда Андреевна поехала в Петербург не как арестованный нижний чин (то есть без сабли и без эполет, что сделал Нейдгардт), а как откомандированный туда из полка по специальному запросу начальства (то есть в парадной форме, со всеми предметами вооружения и снаряжения, положенными по Уставу).

Дату ее прибытия в столицу определить можно довольно точно – это произошло перед 29 ноября 1807 года, о чем сообщила газета «Санкт-Петербургские ведомости». Конечно, назван в публикации был не Александр Васильевич Соколов, а человек, который сопровождал Дурову в поездке, – капитан лейб-гвардии Семеновского полка, флигель-адъютант императора Александр Павлович Засс. Таким образом, получается, что Надежда Андреевна в первый свой приезд в столицу пробыла в городе почти полтора месяца. Жила она у Зассов, в доме, расположенном на набережной реки Мойки.

В Петербурге в это время были известны два брата Засс, выходцы из лифляндских дворян. Старший из них – Андрей Павлович (1762–1815 гг.) уже имел чин генерал-лейтенанта. Хозяйкой дома была Александра Федоровна Засс, урожденная Юркевич. Дурова упоминает о ней в своей книге, но неточно называет ее девичью фамилию – «Юрковская». Генеральша сопровождала ее в экскурсиях по городу, возила в театр, в Эрмитаж и еще к каким-то китайцам – показывать «китайские тени».

Младший Засс, Александр Павлович (1782–1844 гг.), с

четырнадцати лет служил в лейб-гвардии Семеновском полку и состоял флигель-адъютантом при Его Императорском Величестве. Он отвозил «кавалерист-девицу» и в Зимний дворец на встречу с императором Александром I. «Высокого роста, приятной наружности, нрава кроткого, скромный в своих желаниях и прямодушный, он точно исполнял свои обязанности» – так описывает его историк Михайловский-Данилевский.

Дурова оказалась у Зассов не случайно. Император Александр I поручил им деликатное дело – принимать у себя «кавалерист-девицу» и наблюдать за ней, за ее поведением, потому что хорошо знал эту семью. Когда-то, будучи еще Великим князем и наследником престола, он выручил Засса-старшего из беды. С 1790 по 1797 год А. П. Засс командовал Переяславским конно-егерским полком. На квартирах этой воинской части произошел пожар, уничтоживший казенное полковое имущество на 20 тыс. рублей. Начет сделали на командира, и Засс, который жил только на офицерское жалованье, никогда бы не расплатился. Его ждала нищета. Александр Павлович узнал об этом. Тронутый до глубины души несчастьем доблестного Засса 1-го, он через родственников передал ему нужную сумму и просил не сообщать об этом его отцу, императору Павлу…

Две встречи Н. А. Дуровой с государем произошли, по-видимому, во второй половине декабря 1807 года. «Камерфурьерский церемониальный журнал» за II полугодие 1807 года (СПб., 1906–1907), описывающий ежедневную деятельность монарха, ничего не сообщает о них. Значит, они были неофициальными. Как уже говорилось выше, из книги Надежды Андреевны невозможно уяснить ход этих встреч, Ведь описано лишь начало ее разговора с Александром I. Понятно только одно: судьба молодой женщины заинтересовала самодержца. В противном случае он бы не назначил ей повторной аудиенции.

В книге, однако, есть ключевая фраза, которая помогает понять содержание, по крайней мере, ее первой беседы с царем: «Расспросив ПОДРОБНО ОБО ВСЕМ, что было причиною вступления моего в службу…» Следовательно, Александр Павлович знал не только о ее замужестве (это сообщили братья Дуровы в своем прошении), но и о том, что, уходя от мужа, она взяла с собой сына, что отец, которого она очень сильно любила, едва ли когда-нибудь примирится с ее поступком, что решение продолжать службу в армии она хорошо обдумала, а опыт, полученный в конном Польском полку, дает ей право утверждать, что с трудностями новой, мужской, роли она справится. Все это Надежда Андреевна говорила горячо, убежденно, страстно и подкрепляла свои слова стандартным женским аргументом:

плакала, стоя на коленях перед императором.

Трудно представить себе, чтобы женские слезы и такого рода заклинания подействовали бы вдруг на предшественника Александра I на троне, его отца Павла Петровича, обладавшего деспотическим, непредсказуемым и вспыльчивым характером. Скорее всего, Павел I отправил бы нарушительницу вековых обычаев в женский монастырь для исправления ее дерзкого нрава. Младший же брат Александра Павловича Николай, воцарение которого сопровождалось военным мятежом на Сенатской площади, предпочитал общаться с женщинами исключительно в спальне и, наверное, не пустил бы проситетельницу даже на порог своего кабинета в Зимнем дворце. В его армии, задавленной палочной дисциплиной и жестокой муштрой, места таким людям, как Дурова, не было, да и быть не могло.

Но император Александр I слушал пылкую речь «кавалерист-девицы» вполне сочувственно. В общем-то, и он, и она были людьми одной эпохи – романтической, одного умонастроения, примерно одного возраста – от 24 до 30 лет – и даже одного жизненного опыта. Все, что рассказывала о себе Дурова-Чернова, царю было знакомо: трудные отношения с одним из родителей, ранний и неудачный брак, суровые испытания войны, мечты о прекрасном будущем и искреннее желание с пользой служить Отечеству.

Один из историков писал об этом государе: «Император Александр был человеком с честными намерениями и возвышенным образом мыслей, но ума не глубокого и шаткой воли. Такого рода люди всегда расположены к добру и готовы его делать, доколе им улыбается счастие. Но возникают на их пути трудности – а это неизбежно – и они теряются, падают духом, раскаиваются в своих прежних широких и благих замыслах. Роль их требует великих дел, а им отказано в органе, посредством которого те совершаются, – в характере…»

Странно, что при этом исследователи забывают о главном итоге царствования Александра. Именно он нес огромную ответственность за государство Российское в дни вторжения в нашу страну «двунадесяти языков», выступил оргнизатором разгрома наполеоновских войск и в марте 1814 года привел свою победоносную армию в Париж. Как-то плохо сочетаются эти деяния с «шаткой волей» и «слабым характером».

Старший сын императора Павла и его второй супруги Марии Федоровны (урожденной принцессы Вюртембергской) Александр родился 12 декабря 1777 года. Воспитание его происходило под наблюдением бабушки – Екатерины Великой, любившей внука и предназначавшей его к наследованию престола помимо

нелюбимого ею сына Павла. Обучение мальчика было доверено швейцарцу Лагарпу, стороннику республиканских идей, поклоннику Локка и Руссо, сумевшему заслужить уважение и дружбу своего воспитанника. Воспитание Александра, будучи весьма отвлеченным, привило ему либеральные идеи, хотя и крайне неопределенного характера. Военное образование мальчик получил у своего отца, в гарнизоне города Гатчины, где с юных лет присутствовал на вахтпарадах, смотрах и учениях.

При воцарении Павла I ему было 19 лет, и он с этих пор должен был посвятить себя исключительно военной и преимущественно строевой службе: был назначен шефом лейб-гвардии Семеновского полка, исполнял обязанности Петербургского военного губернатора, инспектора по кавалерии и пехоте в Петербургской и Финляндской дивизиях и председателя в военном департаменте. Под конец царствования Александру стало особенно трудно: Павел не доверял сыну, грозил «усыновить» и передать престол племяннику своей жены принцу Евгению Вюртембергскому, а в день переворота даже подверг его домашнему аресту. Однако доказано, что Александр Павлович личного участия в заговоре против отца не принимал.

Вступив на престол и встреченный горячими и искренними приветствиями всей России, Александр в манифесте 12 марта 1801 года объявил, что он «купно с престолом восприял обязанность управлять… по законам и по сердцу бабки своей Екатерины II», при этом он выражал надежду «вознести Россию на верх славы и доставить ненарушимо блаженство всем верным подданным». Молодой царь действительно был одушевлен самыми благими намерениями и начал свое правление целым рядом либеральных и гуманных мероприятий.

В частности, последовал указ об амнистии беглецам, укрывавшимся за границей, разрешено открывать частные типографии и ввозить иностранные книги, упразднена Тайная экспедиция. Самодержец также повелел «всех выключенных по сентенции военного суда и без суда генералов, штаб– и обер-офицеров считать отставленными от службы». Число восстановленных этим актом в правах (вместе с гражданскими чиновниками) достигало 12 тыс. человек. Буквально через несколько дней после переворота, 15 марта 1801 года, Александр приказал освободить узников Петропавловской крепости (всего около 700 человек) и затем, вплоть до конца 1825 года, до массовых арестов декабристов, это пенитенциарное заведение пустовало.

Очень много предстояло сделать Александру I в военной области. Армия, которую за время своего краткого правления

дезорганизовал и разрушил его отец, не отвечала современным требованиям и была не готова к борьбе с невиданным доселе противником – новым претендентом на мировое господство Наполеоном Бонапартом.

Далеко не все задуманные преобразования были завершены, когда осенью 1805 года Александр I отправился с войсками в Австрию. Он решил начать вооруженную борьбу с «корсиканским чудовищем», который 6 мая 1804 года был провозглашен императором Франции. Командование русским корпусом было вверено М. И. Голенищеву-Кутузову. Но в злополучный день битвы при Аустерлице царь фактически отстранил от управления войсками великого русского полководца, а безоглядно доверился иностранному авторитету – генерал-квартирмейстеру (т. е. начальнику штаба) австрийской армии Вейротеру. Кроме того, он слушал советы своих сверстников-друзей: графа П. С. Строганова, Н. Н. Новосильцева, князя А. Чарторыйского. Эти крайне самоуверенные молодые люди полагали, будто 58-летний главнокомандующий Голенищев-Кутузов слишком осторожен и боится Наполеона, будто сам Наполеон не желает сражения и потому нужно, не дожидаясь подхода новых сил (из Италии шла восьмидесятитысячная армия эрц-герцога Карла), немедленно атаковать французов.

Холодным туманным утром 20 ноября 1805 года, когда начались военные действия при Аустерлице, император Александр I наконец-то увидел свою армию не на параде, а в бою. Он находился в центре позиций союзных войск, на высотах между деревнями Працен и Блазовиц. На его глазах русские мушкетерские полки Новгородский, Апшеронский и Смоленский, Малороссийский гренадерский, идущие в походной колонне, без охранения, с незаряженными ружьями, были у деревни Працен внезапно атакованы превосходящими силами противника (дивизия генерала Вандама). Солдаты и офицеры Новгородского полка, составлявшие голову колонны, тут же обратились в бегство, потеряв четыре полковых знамени. На помощь своим бросился Курский мушкетерский полк, и в этой героической, но безрезультатной атаке более половины его состава было уничтожено.

Трусость и мужество, презрение к смерти и страх ее, паника, превращавшая вроде бы отлично вымуштрованные полки в обезумевшие бегущие толпы, и сила духа, позволявшая горстке храбрецов противостоять вражеской армаде, – все это было на поле Аустерлица, и Александр Павлович имел возможность всерьез задуматься о сущности трудной профессии воина…

Теперь, в декабре 1807-го, слушая рассказ Дуровой-Черновой

о походе ее полка в Пруссию, он хорошо представлял себе, каким испытаниям добровольно подвергла себя молодая женщина и о каком суровом счастье – служить в его армии в годы грядущих войн – она просит. Беспрецедентное, не имеющее аналогов в истории решение государь принял, судя по всему, еще при первой встрече с героиней.

«Если вы полагаете, – сказал император, – что одно позволение носить мундир и оружие может быть вашею наградою, то вы будете иметь ее… И будете называться по моему имени – Александровым!.. Не сомневаюсь, что вы сделаетесь достойною этой чести отличностью вашего поведения и поступков; не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть беспорочно и что я не прощу вам никогда и тени пятна на нем!..»

Последние слова нуждаются в расшифровке.

Итак, покоренный силой духа русской амазонки, государь наградил ее с поистине царской щедростью:

– знак отличия Военного ордена;

– производство в чин офицера;

– определение на службу в Мариупольский гусарский полк;

– единовременное денежное пособие в сумме двух тысяч рублей для приобретения строевой лошади и мундира, обещание и впредь помогать своей крестнице материально;

– определение ее сына Ивана Чернова в столичное военно-учебное заведение на казенный кошт.

Но нужно обратить внимание на условие, сформулированное Александром Павловичем: «…не забывайте ни на минуту, что имя это всегда должно быть беспорочно и что я не прощу вам никогда и тени пятна на нем…». В такой завуалированной форме царь предупредил пылкую «кавалерист-девицу»: не заводите никаких романов у вас в полку. Иными словами, ей отныне предстояло забыть, что она – женщина, отказаться от модели поведения великосветской дамы: кокетство, амурные приключения, желание покорять мужские сердца. Следующий пункт негласного договора: прошлая жизнь героини. Никогда и нигде она не должна упоминать публично о своем муже и ребенке, ибо государь не может поощрять уход женщины из семьи, так как это идет вразрез с традициями общества. Кроме того, их беседа должна остаться тайной для всех, и Надежда Андреевна не имеет права разглашать условия их договора.

Дурова согласилась. Она дала слово чести офицера своему обожаемому монарху в том, что будет исполнять все неотменно и беспрекословно, и слово свое сдержала. Легко ли далась ей подобная ноша? Наверное, нет. Однако не в характере Надежды Андреевны было отступать под напором обстоятельств,

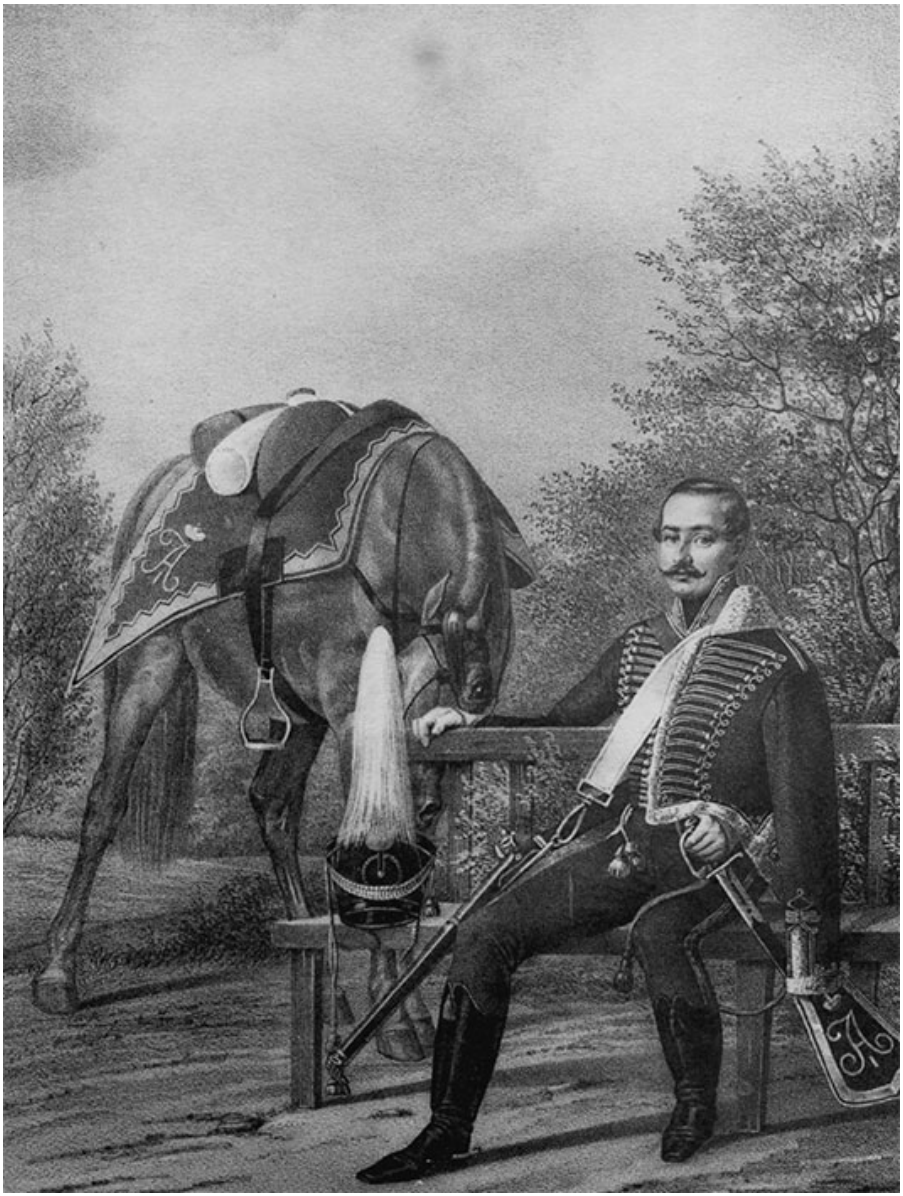
колебаться, жалеть о содеянном, искать сочувствия у посторонних людей. В своей книге предстает она человеком железной воли, целеустремленным, мужественным, готовым к подвигу и самопожертвованию…

Дальше, по словам Надежды Андреевны, все получилось очень просто. Александр I сообщил ей: «завтра получите вы все ваши документы и деньги от Ливена (военный министр. – *А.Б.)* сколько вам надобно будет на дорогу и на обмундировку…»

«Завтра» – это абсолютно нереальный срок для оформления столь сложного дела в канцелярии любого уровня. Документы неизвестно откуда вдруг появившегося в русской армии корнета Александра Андреевича Александрова в Военно-походной канцелярии Его Императорского величества делали в страшной спешке, не глядя в календарь, вписывая в одни бумаги вымышленные сведения и забывая указать другие, входящие как бы в один блок с ними. Оттого, наверное, и возникли в них противоречия, о которых давно спорят исследователи.

Так, например, Высочайший приказ об определении состоящего по армии корнета Александрова в Мариупольский гусарский полк датирован 6 января 1808 года. Он был опубликован в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 5 от 17 января 1808 года, с. 51). Сопроводительное письмо, с которым вышеназванный офицер прибыл в свою воинскую часть, имеет другую, более раннюю дату: 3 января 1808 года. Сама же Дурова в книге пишет: «1808 год. 15 января. С этого дня, с этого счастливейшего дня жизни моей началось для меня новое существование! Открылась перспектива блистательная, славная, единственная в своем роде…»

Кроме сопроводительного письма, она должна была привезти в полк и сдать в канцелярию свой новый, уже офицерский формулярный список. Он не найден. Но существует формулярный список поручика Литовского уланского полка А. А. Александрова, составленный в январе 1815 года. В нем указано: «Принят корнетом в Мариупольский гусарский полк 1807 года Декабря 31-го». Как же так? Произведен в офицеры в январе 1808 года, принят в полк в конце декабря 1807 года…



Рядовой Мариупольского гусарского полка. 1809–1811. Из кн. «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск». СПб., 1900, т.11, № 1508

Там есть еще одна загадочная запись: «Крестьян за отцом его в Вятской губернии мужска пола 150 душ». Кто придумал эту цифру, неизвестно. К реальному финансовому положению семьи Дуровых она никакого отношения не имеет. Как уже говорилось в предыдущих главах, таким состоянием они никогда не владели.

Снабдив Надежду Андреевну несуществующими

крепостными, чиновники из Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества забыли сочинить и оформить самый главный, исходный в биографии любого офицера документ – высочайший приказ о производстве в первый офицерский чин. Согласно законам Российской империи такой приказ должен был существовать обязательно. В нем описывается вся предыдущая служба кандидата в офицеры: где, кем и когда он служил, с точным указанием на даты, названия воинских частей и его должности в них. Этого приказа тоже нет. Его долго искали в Инспекторском департаменте Военного министерства, когда оформляли отставному штабс-ротмистру Литовского уланского полка Александрову пенсию, но так и не нашли.

В общем, вопреки государственным установлениям, по одной лишь воле монарха 17-летний дворянин из Вятской губернии Александр Андреевич Александров возник в России, точно призрак, – как будто из воздуха и сразу – корнетом. Судя по документам, ничего общего с коннопольцем Александром Васильевичем Соколовым, дворянином Пермской губернии, он не имел. Однако в формулярный список юного корнета внесли записи об участии в боях при Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде, где мариупольские гусары вообще не были на поле битвы.

Но почему Александр I не вернул свою крестницу в конный, с ноября 1807 года – уланский Польский полк, в котором ей прочили карьеру офицера и без царского вмешательства? Почему он дал ей новую фамилию?

Ответ на эти вопросы есть.

Он содержится в письме отца «кавалерист-девицы» А. В. Дурова, отправленного графу Х. А. Ливену, скорее всего, в конце января 1808 года: «Прошу Ваше сиятельство внять гласу природы и пожалеть о несчастном отце, прослужившем в армии с лишком двадцать лет, а потом продолжавшем статскую службу также более двадцати лет, лишившись жены, или лучше сказать, наилучшего друга, и имея надежду на Соколова, что, по крайней мере, он усладит мою старость и водворит в недрах моего семейства спокойствие, но во всем вышло противное: он пишет, что в полк едет служить, куда – не изъясняя в письме своем. Нельзя ли сделать милость уведомить почтеннейшим Вашим извещением, где и в каком полку, и могу ли я надеяться скоро иметь ее дома хозяйкою…»

Ни разу в своей книге Надежда Андреевна даже словом не обмолвилась о том, как относился родной отец к ее побегу из дома, к намерению изменить свою жизнь и служить в армии. Пишет она, что просила у него прощения, но простил ли свою

старшую дочь сарапульский городничий – об этом не сообщает. Из его послания графу Ливену ясно, что Андрей Васильевич к поступку Дуровой-Черновой относился резко отрицательно. Будучи уже уведомлен о решении государя, он тем не менее вновь обращается в высокие инстанции с просьбой «скоро иметь ее дома хозяйкою».

В этом споре дочери с отцом Александр Павлович, к вящему удивлению ее родственников, встал на сторону героини. Ему пришлось подумать о том, как уберечь ее от дальнейших поползновений отца, непременно желавшего вернуть молодую женщину в лоно семьи. Также надо было позаботиться о том, чтобы сохранить инкогнито «кавалерист-девицы».

Между тем уже в штаб-квартире главнокомандующего графа Ф. Ф. Буксгевдена, несмотря на предписание из столицы о секретном расследовании в конном Польском полку, чиновники стали разглашать сенсационную новость об «амазонке в русской армии». Первым это сделал поручик Нейдгардт. «Он оставил меня в зале, а сам ушел к своему семейству во внутренние комнаты, – пишет Дурова. – Через четверть часа то одна голова, то другая начали выглядывать на меня из недотворенной двери…»

В книге есть еще один эпизод, который доказывает, что именно после приезда Надежды Андреевны в Витебск и произошла, так сказать, «утечка информации». С носителем ее Дурова столкнулась, будучи корнетом Мариупольского гусарского полка, в 1809 году: «…в числе гостей был один комиссионер (т. е. чиновник Комиссариатского департамента Военного министерства. – *А.Б.)* ПЛАХУТА, трехаршинного роста, весельчак, остряк и большой охотник рассказывать анекдоты. Во множестве рассказываемых им любопытных происшествий я имела удовольствие слышать и собственную свою историю: “Вообразите, – говорил Плахута всем нам, – вообразите, господа, мое удивление, когда я, обедал в Витебске, в трактире, вместе с одним молодым уланом, слышу после, что этот улан АМАЗОНКА, что она была во всех сражениях в Прусскую кампанию и что теперь едет в Петербург с флигель-адъютантом, которого царь наш нарочно послал за нею! Не обращая прежде никакого внимания на юношу-улана, после этого известия я не мог уже перестать смотреть на героиню!” “Какова она собою?” – закричали со всех сторон молодые люди. «Очень смугла, – отвечал Плахута, – но имеет свежий вид и кроткий взгляд, впрочем, для человека непредупрежденного в ней незаметно ничего, что бы обличало пол ее; она кажется чрезмерно еще молодым мальчиком”…

Остановить распространение слухов о том, что с разрешения

государя в русской армии служит офицером женщина, было уже невозможно. Но порою рассказы об этом принимали совершенно необычную форму и пугали население. Интересное свидетельство оставила иностранка Мэри Вильмот, которая жила у княгини Дашковой в селе Троицком Калужской губернии. В письме, датированном 4 июля 1808 года, она пишет своим родным:

«…Прошел странный слух, что крестьянских девушек станут брать на службу в армию. Этому слуху до того поверили, что среди крестьян распространилась настоящая паника и все они предпочли поскорее выдать своих дочерей замуж, все равно за кого, чтобы не видеть их взятыми на государеву службу. Были перевенчаны дети 10–13 лет, церкви ломились от венчающихся пар, а священники распускали все новые слухи, чтобы больше увеличить свои доходы от свадеб. В некоторых деревнях священники советовали крестьянам поторопиться, потому-де, что скоро выйдет новый указ, запрещающий все свадьбы до тех пор, пока не наберут полки… В Москве я слышала обо всей этой истории, но совершенно не представляла себе, что размах ее так широк».

Слухи о женщине в армии стали усиленно циркулировать в обществе и перед Отечественной войной 1812 года, особенно – в период боевых действий с французами. Тогда они имели явно патриотическую окраску и служили укором тем, кто уклонялся от военной службы, а люди подобного рода встречались даже в среде дворянства. «Замечаю я, что носится какой-то глухой, невнятный слух о моем существовании в армии. Все говорят об этом, но никто, никто ничего не знает; все считают возможным, но никто не верит; мне не один раз уже рассказывали собственную мою историю со всеми возможными искажениями: один описывал меня красавицею, другой уродом, третий старухою… Судя по этим описаниям, я могла б быть уверенною, что никогда и ничьи подозрения не остановятся на мне…» – сообщает Дурова, рассказывая о своем возвращении на службу летом 1813 года.

Все это означало, что меры, которые по договоренности с героиней император Александр I предпринял в декабре 1807 года, вполне себя оправдали. Был применен метод разделения информации. Общественность, взбудораженная появлением «русской амазонки», вдруг потеряла ее из виду, так как в цепочке фактов, ставших достоянием публики, пропали важные звенья.

Не случайно любитель анекдотов комиссионер Плахута не мог ничего добавить к своему рассказу. Он и его знакомые из штаб-квартиры армии не знали, что стало с амазонкой в Санкт-Петербурге.

А. В. Дуров, его брат Н. В. Дуров и вся многочисленная родня

до начала 1809 года не знали, что Александра Соколова больше не существует. Неизвестно им было также, в каком полку продолжает службу Надежда Андреевна. Переписка с ней шла через военного министра, на конвертах они писали: «Для Александра Соколова». Лишь в начале 1809 года, после первой поездки Дуровой в Сарапул на проводы ее сына Ивана в Императорский военно-сиротский Дом Андрей Васильевич узнал, что его старшая дочь – теперь обер-офицер гусарского полка и носит другую фамилию.

Однополчане корнета, а затем поручика Александрова из-за отсутствия у него усов догадывались о чем-то, но, конечно, им было неведомо подлинное имя «кавалерист-девицы», ее происхождение, биография, служба в конном Польском полку и первый ее, так сказать, псевдоним. Они могли только удивляться тому, что командир взвода, необщительный и скромный молодой офицер, состоит в переписке с военным министром и лично известен государю.

Полной информацией владели лишь два лица: сам государь и военный министр. За время армейской службы Дуровой на этом посту сменилось четыре человека: граф Х. А. Ливен до января 1808 года, граф А. А. Аракчеев – с января 1808 года до января 1810 года, М. Б. Барклай де Толли – с января 1810 года до сентября 1812 года, князь А. И. Горчаков – с сентября 1812 года до начала 1816 года. О том, как передавалась эта конфиденциальная информация, рассказывает письмо Ливена Аракчееву, датированное 21 февраля 1808 года. В этом письме прямо говорится о сохранении тайны Дуровой-Черновой, которая была «товарищем» в конном Польском полку и по воле царя стала корнетом Александром Александровым…

«О государь! обожаемый отец наш! нет дня, в который бы я мысленно не обнимала колен твоих! – пишет “кавалерист-девица” в своей книге. – Тебе я обязана счастьем, которому нет равного на земле: счастьем быть совершенно свободною! Твоему снисхождению, твоей ангельской доброте, но всего более твоему уму и великому духу, имевшему силу постигнуть возможность высоких доблестей в слабом поле! Чистая душа твоя не предполагала во мне ничего недостойного меня! не страшилась употребления во зло звания, мне данного! Истинно, государь проник душу мою. Помыслы мои совершенно беспорочны: ничто никогда не занимает их, кроме прекрасной природы и обязанностей службы…»

Пережив свой «звездный час», Дурова до конца дней своих хранила молчание о деталях бесед с царем. Однако ее родственники все-таки знали нечто большее, чем изложено в

книге «Кавалерист-девица. Происшествие в России». Интересная фраза есть в письме ее двоюродного брата И. Г. Бутовского, написанном в 1837 году: «Если madam мало воспользовалась благоволением к ней императора Александра, то сама тому виной. Не штабс-ротмистром ей бы быть, а генералом. Но женский каприз велик…»

В Мариупольском гусарском полку

На четвертый день выезда моего из Петербурга приехала я в Вильну, где и располагаюсь обмундироваться. Толпа жидов явилась ко мне с предложениями всякого рода услуг. В полчаса у меня было все: квартира, прислуга, портные; множество сукон, золотых шнурков, бахромы, сафьянов, треугольных шляп, киверов, султанов, кистей, шпор! Одним словом, из комнаты моей сделали лавку с товарами, и мне оставалось только выбирать… Я, как и все, заплатила дань, собираемую этими плутами с молодости и неопытности: мундир мой был сшит прекрасно! все мое гусарское одеяние блистало вкусом и богатством. Дешевый слуга мой за шестидневную услугу свою взял от меня только один рубль; но зато и в полк приехала я с одним рублем, оставшимся мне от двух тысяч…

Луцк. Приехав в этот город, я остановилась, по обыкновению всех проезжающих и приезжающих, в корчме; оделась как будто в строй и пошла явиться к баталионному начальнику майору Дымчевичу Я отдала ему пакет, данный мне графом Ливеном. Прочитав, Дымчевич сказал мне: «Подите к полковому адъютанту, скажите ему, что я велел поместить вас в мой эскадрон. Бумаги эти отдайте ему…» Мне должно было отдать свой последний рубль, чтоб доехать в Рожища, где квартирует эскадрон Дымчевича. Командующий этим эскадроном штаб-ротмистр принял меня с начальническою важностью, которая, однако ж, ему не очень пристала, как по незначительности его звания, так и по наружности: он чрезвычайно мал ростом, курнос и выражение лица простонародное…

Н. Дурова.

«Кавалерист-девица. Происшествие в России»

Точная дата прибытия героини к новому месту службы известна из ее письма к графу Ливену. Это – 1 февраля 1808 года. Отправившись из Санкт-Петербурга в дорогу где-то в первой половине января, она поехала окружным путем и сделала длительную – не менее шести дней – остановку в городе Вильно (совр. Вильнюс). Дело в том, что согласно установлениям того

времени офицер должен был явиться в свою новую воинскую часть полностью экипированным. Если пехотные полки различались между собой только цветом погон и номерами на них, то в легкой кавалерии все обстояло иначе, каждый гусарский полк имел особый цвет доломанов, ментиков, воротников и обшлагов на доломанах, шнуров, галунов и пуговиц.

Надежда Андреевна могла бы заказать все обмундирование в столице, но почему-то не сделала этого. Видимо, причина была проста: в Санкт-Петербурге изготовление предметов гусарской униформы обошлось бы ей гораздо дороже. С другой стороны, только в большом городе можно было найти хороших мастеров – шмуклеров (изготовители серебряных и золотых шнуров, кистей, бахромы, галунов), портных, шляпников, оружейников, сапожников – и купить высококачественные материалы, необходимые для одежды гусара: сукно, шелк, полотно, фетр, кожу, мех.

В начале XIX века Вильно – столица бывшего Великого княжества Литовского – был крупным, почти европейским городом. В нем проживало более 20 тысяч человек. В Вильно, расположенном в долине, окруженной невысокими лесистыми холмами, между рек Вилия и Вилейка (Виленка), имелось 10 крупных магнатских дворцов на два-три этажа. 32 католических костела, 15 мужских и 5 женских монастырей, 5 униатских костелов, лютеранская и кальвинистская церкви, синагога и мечеть. Из Вильно благоустроенные тракты вели в Гродно, Ковно, Вилькомир, Ошмяны, Лиду.

Памятник «кавалерист-девице» Н. Дуровой в Елабуге

Судя по всему, Надежда Андреевна приехала в Вильно в своем старом мундире унтер-офицера Польского уланского полка. Ее формальное превращение в нового человека – корнета Мариупольского гусарского полка Александра Андреевича Александрова – совершилось здесь, на берегах реки Вилии, с помощью виленских мастеров. Денег она при этом не жалела, стараясь стать настоящим армейским франтом.

В царствование Александра I обмундированию офицеров

кавалерии придавали очень большое значение. Произведенный в мае 1811 года из штандарт-юнкеров в корнеты Малороссийского кирасирского полка, Иоганн фон Дрейлинг писал: «Было это 27 июня. Я как раз был занят тем, что в поте лица своего, старательно и с большим усердием чистил свои ботфорты; вдруг влетает ефрейтор нашего отряда Кондратенко: “Ваше благородие, честь имею вас поздравить с офицерским чином!” Швырнуть мои ботфорты и броситься на шею вестнику такого счастья было первым проявлением моей радости… Два с половиной года нес я верой и правдой тяжелое ярмо унтер-офицерской службы. Но вопросом первой важности теперь являлась экипировка. С этой целью отец мой прислал моему генералу 200 рублей. К ним мне пришлось призанять несколько сот в полку, так что моя первая экипировка, самая необходимая только, стоила мне рублей 600, а многого еще недоставало…»

Дрейлинг, оставшись служить в том же самом кирасирском полку, мог некоторые вещи вообще не менять и на этом сэкономить. «Кавалерист-девице» в Вильно пришлось приобрести весь комплект предметов обмундирования, снаряжения и вооружения гусарского обер-офицера. Это были красивые и необычные вещи, попавшие в Россию из Австрии и Венгрии при учреждении в 1741 году первых русских гусарских полков.

Дурова пробыла в гусарах всего три года из почти десятилетнего срока своей военной службы. Однако слова «гусарский, гусарская», связанные с ней, приобрели в XX веке прямо-таки магическое действие на наших современников. В городе Елабуге ей установлен памятник, изображающий первую в нашей стране женщину-офицера в мундире лейб-гвардии Гусарского полка и верхом на лошади. Барельеф на стеле в городе Сарапуле также украшен профилем героини в гусарском кивере с султаном. Поистине всенародную любовь принес ей фильм «Гусарская баллада» (к/с «Мосфильм», 1962 год).

Какими же были предметы униформы обер-офицера Мариупольского гусарского полка, изготовленные в январе 1808 года для «кавалерист-девицы» в городе Вильно?

Согласно «Табели мундирным, амуничным и оружейным вещам гусарских полков», конфирмованной 30 апреля 1802 года, офицеры должны были иметь ментик (ментию), доломан (дулам) и чакчиры одного цвета с рядовыми, но ментик – с опушкой из серых крымских мерлушек (т. е. каракулевой), а шнуры, галуны и пуговицы – золотые или серебряные, смотря по цвету прибора (желтого или белого), присвоенного данному полку. С 1803 года строевым головным убором являлся кивер – шапка цилиндрической формы высотой до 22 см, сделанная из черного

фетра (или из кожи, или картона, обшитая черным сукном) и украшенная кистями и шнурами, у офицеров – из серебра, черного и оранжевого шелка.

Вне службы офицеры носили темно-зеленые вицмундиры одного покроя с пехотными офицерскими, но с гусарскими обшлагами и воротниками. При виц-мундире надевали не кивера, а обыкновенные армейские треугольные шляпы, темно-зеленые панталоны и гусарские сапоги с твердыми голенищами, впереди вырезанными «сердечком», и с привинтными шпорами. Зимой поверх мундира надевали шинель из серо-голубого сукна со стоячим воротником и пелериной длиной до локтя. Шинель можно было поставить на шелковую подкладку, а можно было подбить мехом.

Сохранившиеся до наших дней в фондах разных музеев (Государственный исторический музей в Москве, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге) предметы гусарской униформы начала XIX века дают точное представление об облике корнета Мариупольского гусарского полка Александра Андреевича Александрова.

Вот, например, доломан, или дулам, как его нередко называли.

Именно с него начинали пошив форменной одежды для гусара. Доломан должен был «сидеть» на человеке, как перчатка. Чтобы добиться этого, сукно растягивали по фигуре, применяя увлажнение и утюжку. Кроме того, особую роль играли два спинных шва. Только правильно определив их соотношение и кривизну, можно было «посадить» мундир на человека. Делали это следующим образом: заказчик надевал сметанную вчерне куртку, а портные, скалывая детали булавками, прибавляли или убирали ткань, чтобы обтянуть доломан плотно по его фигуре.

Дурова пишет, что ее мундир «был сшит прекрасно». Значит, мастера в Вильно были профессионалами в своем деле. Остается только догадываться, к каким ухищрениям пришлось прибегать Надежде Андреевне, чтобы скрыть некоторые особенности женской фигуры, и сколько денег она заплатила портным не только за шитье, но и за молчание.

С 1802 по 1809 год доломаны в Мариупольском полку были из белого сукна с воротниками, обшлагами, пуговицами, шнурами и галунами желтого цвета, ментики – из синего сукна, чакчиры – из белого. Если на форменную одежду нижних чинов шло отечественное сукно грубой выделки ценою по 84 копейки за аршин, то офицеры могли покупать английское очень тонкой выделки и стоимостью от 10 до 12 рублей за аршин. Не

приходится сомневаться в том, что «кавалерист-девица», пошила все вещи из английского сукна (деньги, подаренные августейшим покровителем, позволяли), отчего ее «гусарское одеяние блистало вкусом и богатством».

Впрочем, впечатление роскоши и богатства оставлял любой офицерский доломан, ведь он по своей отделке был настоящим произведением декоративного искусства. Для его украшения применялись самые разные материалы: шнур толщиной 3–5 мм, крученый или сплетенный «косичкой» (всего на мундир уходило до 70 метров); галун шириной 22 мм (его требовалось до 15 метров); шейтаж, или шеташ (плоский тонкий шнур, сплетенный «елочкой», до 7 метров); крученая бахрома длиной до 22–25 мм (примерно 5 метров), а также особые гусарские пуговицы, сферические (полые внутри или литые) и полусферические, на длинных «ножках»-петельках.

Надежда Андреевна настолько увлеклась пошивом своего первого офицерского мундира, что совсем забыла о покупке верховой лошади. Между тем офицерам кавалерии тогда надо было иметь как минимум трех собственных лошадей: одну для себя, в строй, одну – для денщика, так называемую заводную, то есть запасную, одну – вьючную. Еще во времена императора Павла I было решено «для облегчения гг. офицеров в издержках» выдавать им одну верховую лошадь от казны. Дурова рассчитывала получить ее в полку, но оказалось, что это не так просто.

В феврале 1808 года свободных казенно-офицерских лошадей в Мариупольском гусарском полку не имелось. Для того чтобы приступить к выполнению своих служебных обязанностей, «кавалерист-девице» пришлось срочно купить в долг верховую лошадь у одного из офицеров ее эскадрона 28-летнего штабс-ротмистра Ивана Ивановича Мальченко. Он, можно сказать, воспользовался трудным положением корнета Александрова с большой выгодой для себя и продал ему солдатскую или даже упряжную лошадь (согласно инструкции ее стоимость не превышала 40 рублей) по цене офицерской – за 100 рублей серебром, или 400 рублей ассигнациями.

На первом же смотре эта покупка обошлась Дуровой еще дороже. На глазах у командира дивизии генерал-лейтенанта графа Суворова Мальченковский конь не захотел встать на место командира взвода перед шеренгой солдат, а понес свою хозяйку через поле обратно на конюшню. Дело в том, что по уставной схеме построения кавалерийского полка при атаках и походных движениях офицерам надлежало занимать отдельные места вне солдатских шеренг и колонн. Поэтому выездка офицерских

лошадей была более сложной, к их породным качествам и экстерьеру предъявляли более высокие требования.

Во второй половине XVIII столетия командному составу кавалерии даже не разрешали покупать строевых лошадей дешевле 60–70 рублей серебром. В царствование Александра I никаких официальных установлений на этот счет уже не существовало. Офицеры, приобретая для себя лошадей, руководствовались разными соображениями, и часто для них это был вопрос собственного престижа.

Почему И. И. Мальченко сыграл злую шутку с новым офицером, будущим своим товарищем, – непонятно. Видимо, он принял корнета Александрова за богача из-за его отлично сшитого мундира и решил сорвать с юнца хороший куш. Ведь такой мундир Мальченко справить себе не мог. Он жил на офицерское жалованье. Согласно формулярному списку, Иван Иванович происходил из дворян Слободско-украинской губернии Ахтырского уезда, но собственных крепостных крестьян не имел.

Надежда Андреевна уступила. Лошадь она у Мальченко взяла, хотя и понимала, что она – плохая и офицеру не подходит. Деньги «кавалерист-девица» попросила у царя. Вскоре из Санкт-Петербурга ей прислали нужную сумму. Так что штабс-ротмистр уверился в своем предположении относительно отличного финансового состояния корнета Александрова, однако больше подобных «номеров» с ним не проделывал.

Сам Мальченко являлся весьма типичной фигурой для офицерского состава Мариупольского полка. Службу он начал в 1792 году подпрапорщиком в Екатеринославском егерском корпусе, через два года перевелся в Мариупольский легкоконный полк и здесь получил первый офицерский чин корнета. Поручиком он стал в 1802 году, штабс-ротмистром – в январе 1807 года, ротмистром – в 1810-м. Вместе с полком Иван Иванович участвовал в 1794 году в походе в Польшу, в 1805 году – в походе в Австрию. Здесь он отличился в сражении под Аустерлицем и был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1806 го ду был с полком при сдаче крепости Хотин, в 1807 году сражался в Пруссии против французов и опять получил награду – золотую саблю с надписью: «За храбрость».

Хотя Надежда Андреевна и вложила в уста императора Александра I восторженную характеристику: «Мариупольский гусарский полк – один из храбрейших в армии, и корпус офицеров – из лучших фамилий» – последнее ее утверждение было явным преувеличением, обычным для того времени комплиментом, адресованным родному полку. На самом деле представителей «лучших фамилий» российского дворянства здесь

почти не было. Судя по формулярным спискам офицеров (из 71, указанных в полковом расписании на февраль 1811 года, до наших дней сохранились списки 36 человек. – *А.Б.),* вместе с Дуровой в гусарах служили в основном выходцы из малороссийского дворянства и польской шляхты, крепостных крестьян не имевшие.

Титулованные дворяне среди обер– и штаб-офицеров не числились вовсе.

Правда, это обстоятельство никак не повлияло на боевую подготовку данной воинской части. В исторической хронике Мариупольского полка есть немало славных боевых эпизодов. Создан полк был в 1783 году при объединении двух поселенных пикинерных полков: Луганского и Полтавского – и получил наименование Мариупольского легкоконного, имея в штате шесть эскадронов. Первый поход мариупольцы совершили во время второй русско-турецкой войны. Под командованием Суворова они сражались с турками у Кинбурна в 1787 году и захватили тогда вражескую батарею, а 1794 году полк был в Польше и участвовал в боях при Крупчице, при селе Кобылка и в штурме Праги, предместья Варшавы.

В ноябре 1796 года полк был назван гусарским. В 1805 году мариупольцы отправились в поход в Австрию и сражались с французами: 24 октября – при местечке Штемберг, 27 октября – при Амштеттене, 11 ноября – при Кремсе, 16 ноября – при Раузнице, затем – при Вишау и 20 ноября – в генеральном сражении при Аустерлице.

В 1806 году гусары перешли границу с Турцией и были при сдаче города-крепости Хотин. В 1807 году они воевали в Пруссии и Польше с французами при селе Шумове и Остроленке, у города Ланцберга. В 1809 году первый батальон полка с 21 мая по 9 декабря находился в Галиции.

Но в этом заграничном походе Надежда Андреевна не участвовала, о чем всесьма сожалела. Ее пребывание в Мариупольском полку совпало с мирным периодом в истории этой воинской части. Сначала она служила в эскадроне майора Петра Степановича Дымчевича, затем в запасном (резервном) эскадроне, которым командовал майор Иван Васильевич Павлищев. В полковом расписании на февраль 1811 года корнет Александров значится среди обер-офицеров эскадрона майора Михаила Михайловича Станкевича.

Все десять эскадронов в каждом гусарском и уланском полку разделялись на два батальона. Первый батальон считался «шефским», им (чисто номинально. – *А.Б.)* командовал шеф полка. Вторым батальоном командовал полковой командир. Всего

же в полку было: шеф полка (обычно генерал-майор, но бывали и полковники), 6 штаб-офицеров и 75 обер-офицеров (6 ротмистров, 10 штаб-ротмистров, 20 поручиков и 34 корнета, 1 шефский адъютант (в чине корнета), 1 полковой адъютант и 1 батальонный адъютант, 1 полковой квартирмейстер и 1 полковой казначей.

Кроме того, в полку по штатам 1810 года состояло 130 унтер-офицеров, 32 трубача, 1480 рядовых, нестроевые чины (аудитор, священнослужители, лекари, цирюльники, писари, вагенмейстер, т. е. старший по полковому обозу, и мастеровые: оружейник и его ученики, кузнецы, плотники, извозчики полкового обоза, денщики офицеров, ветеринар и его ученики, седельник и его ученики и прочие). Также имелось 1432 строевые лошади в мирное время и 1582 – в военное (без учета казенно-офицерских лошадей и лошадей для военных чиновников).

В своей книге Дурова довольно много места уделила описанию своей службы в Мариупольском гусарском полку. Но само понятие «полк» у нее, конечно, ассоциировалось скорее с командным составом, чем с нижними чинами. Она назвала фамилии двенадцати офицеров-мариупольцев и двух военных чиновников: полкового берейтора и полкового лекаря – о некоторых из них рассказала более подробно. В ее произведении есть такие эпитеты: «храбрые сослуживцы мои», «достойные товарищи», «отличное общество офицеров»; о полковых дамах: «всегда добры, всегда обязательны, живи, веселы, любят ездить верхом»; о полковом мундире в 1808–1809 гг.: «я… очень любила это соединение белого цвета с золотом…»

Формулярные списки офицеров Мариупольского гусарского полка на 1 января 1815 года, имеющиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, позволяют лучше познакомиться с однополчанами Надежды Андреевны, также носившими белый, расшитый золотом доломан и ментик, делившими с ней и тяготы армейской службы и развлечения современного ей дворянского общества.

Прибыв в полк, «кавалерист-девица» прежде всего представилась майору Дымчевичу, замещавшему находившегося в отпуске командира батальона подполковника князя Щербатова. В то время Петру Степановичу Дымчевичу было 37 лет. Он происходил из сербских дворян Римской империи города Вины, в российское подданство перешел, будучи учеником кадетского корпуса в городе Шклове, крепостных крестьян не имел, «недвижимого имения» – тоже. Служить Дымчевич начал в 1789 году. Он участвовал с полком во всех его походах и сражениях с неприятелем.

Очень сердечно относилась Дурова к большой семье второго своего командира – майора, а затем подполковника Ивана Васильевича Павлищева: «В семействе Павлищевых меня любят и принимают, как родного. Старшая дочь его прекрасна, как херувим! Эта настоящая весенняя роза! Чистая непорочность сияет в глазах, дышит в чертах невинного лица ее. Она учит меня играть на гитаре, на которой играет она превосходно, и с детскою веселостию рассказывает мне, где что видела или слышала смешного…»

Павлищев был легендарной личностью в Мариупольском полку. Дворянин Екатеринославской губернии, крестьян не имевший, он начал военную службу в чине рядового в 16 лет в 1782 году еще в Луганском пикинерном полку. Его прохождение по служебной лестнице было долгим: в 1783 году – ротный квартирмейстер, в 1786-м – вахмистр, в 1787 году – кадет. Лишь за отличие в бою под Кинбурном, после пяти лет службы в нижних чинах, Иван Васильевич был пожалован в корнеты, поручиком стал через пять лет, ротмистром – через два года, майором – через шесть лет, подполковником – уже при Дуровой, в декабре 1808 года. Он участвовал во всех походах Мариупольского полка. За 33 года службы (с 1782 по 1815) И. В. Павлищев ни разу не брал отпуска. В войнах с французами ветеран особенно отличился. Наградой ему были три ордена: Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени (за Бородинское сражение) и Золотая сабля с надписью «За храбрость».

Женой подполковника Павлищева была Луизия Матвеевна (происхождение не указано). В 1810 году они имели сыновей Павла (15 лет) и Николая (8 лет), дочерей Елисаветту (13 лет), Софью (6 лет), Анну (4 года) и Марию (2 года). Впоследствии украинские дворяне Павлищевы породнились с аристократическим семейством Пушкиных. Их сын Николай (1802–1879) учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее с 1814 по 1819 год и подружился там с младшим братом великого поэта Львом. В 1828 году Н. И. Павлищев попросил руки младшей сестры Александра Сергеевича Ольги. Это бракосочетание состоялось, и в пушкинском архиве имеется несколько писем Николая Павлищева. Он досаждал поэту требованием о выплате приданого за сестру. С Пушкиным также хорошо был знаком его старший брат Павел Павлищев (1795–1863), который служил офицером в гвардейской кавалерии, участвовал в Отечественной войне 1812 года и кончил свои дни генерал-лейтенантом.

Михаил Михайлович Станкович, под командованием

которого Дурова служила, видимо, в 1810 году вплоть до перевода в Литовский уланский полк, происходил из штаб-офицерских детей Екатеринославской губернии, крепостных крестьян не имел. Он поступил на военную службу в возрасте 20 лет в Мариупольский легкоконный полк кадетом. В первый офицерский чин был произведен через пять лет, в 1792 году. После этого он некоторое время занимал должность полкового квартирмейстера, затем перешел из военной службы в статскую (титулярный советник). В марте 1804 года по Высочайшему повелению был пожалован чином штабс-ротмистра и вернулся в Мариупольский гусарский полк. При Дуровой М. М. Станкович имел чин ротмистра, а в марте 1810 года стал майором и командиром запасного эскадрона.

Во время войн с французами (1812–1814 гг.) Михаил Михайлович заслужил три ордена: Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Кроме того, за боевые отличия он был пожалован вне очереди чином подполковника (сентябрь 1813 г.).

Надежда Андреевна упомянула фамилию Станковича на страницах своей книги более 30 раз в самых разных ситуациях. То на балу он рекомендует ее графу Аркадию Суворову: «Он, ваше сиятельство, боится женщин, стыдится их, не любит и не знает ни по каким отношениям…»; то дает ей житейские советы: «Куда не посылают, не напрашивайся, куда посылают, не отказывайся»; то отправляет в рискованную командировку (искать беглых солдат) на польскую территорию; то приглашает ехать вместе с ним к их общему знакомому подполковнику Павлищеву, эскадрон которого квартирует в другом городке; то на конных учениях по стрельбе из пистолета делает ей жесткий выговор за нечаянно пораненную строевую лошадь.

Дурова с большой симпатией отзывается об этом человеке, хотя служба под его началом не была для нее легкой. Станкович, лихой гусар и ревностный служака, любил устраивать своему эскадрону внеплановые учения, после которых он щедро награждал отличившихся и наказывал провинившихся.

Надежда Андреевна занимала в эскадроне майора Станковича должность командира взвода. Под ее началом находилось 3 унтер-офицера и 30–36 рядовых, 28–32 строевых лошади. Круг обязанностей взводного командира в конном полку Александровской эпохи был четко определен в приказе, данном 28 октября 1808 года инспектором всей русской кавалерии Цесаревичем Великим князем Константином Павловичем:

«Хотя и сказано в Уставе, чтобы вверять взводы гг. офицерам по старшинству их, но не смотря на оное, препоручать взвод по

достоинству, господам же офицерам наипрележнейше смотреть за вверенными им взводами как в рассуждении поведения людей, так во всякой малейшей во всех частях подробности, поелику власть полкового командира простирается на эскадронных, а сих последних на взводных офицеров, но в случае ежели что-нибудь замечено будет неисправного в эскадроне, за сие наистрожайше взыскано будет не токмо на эскадронном командире, но и НА ВЗВОДНОМ ОФИЦЕРЕ…»

Как следует из этого приказа, взводные офицеры являлись самыми ближайшими наставниками и начальниками солдат и должны были отвечать как за строевую их подготовку («чтобы люди были совершенно выправлены поодиночке, дабы каждый солдат основательно знал свою должность во всех родах службы, как пешком, так и верхом… чтобы люди, сидя верхом, имели вид непринужденный… чтобы каждый человек умел порядочно ехать в тот аллюр, как приказано будет, не теряя позитуры…»), так и за состояние строевых лошадей, за их выездку и за выполнение ими строевых эволюций.

Существовали различные суждения о действиях взводных командиров в боевой ситуации. Одни утверждали, что «офицер – не мясник, его дело следить за порядком во вверенном ему подразделении». Другие говорили, что «лошадь офицера лучше солдатской, сабля – ничуть не тупее, и честь должна указать ему его место…»

Представившись полковому сообществу, познакомившись с личным составом своего взвода, корнет Александров предался неспешному и размеренному течению повседневной армейской жизни и чувствовал себя при этом превосходно. «Дни мои проходят весело и безмятежно», – писала о службе в гусарах «кавалерист-девица». Множество деталей и подробностей этой жизни осталось в ее памяти. Они нашли свое место в ее романтическом повествовании о романтической Александровской эпохе, придав ему точность и силу документа.

«Встаю всегда с рассветом и тотчас иду гулять в поле; возвращаюсь перед окончанием уборки лошадей, то есть к восьми часам утра… – сообщает о начале своего рабочего дня Дурова. – В квартире готова уже моя лошадь под седлом; я сажусь на нее и еду опять в поле, где учу взвод свой часа с полтора…»

Часам к двенадцати дня учения в поле или в манеже, как правило, заканчивались. Лошадей «выхаживали», то есть водили шагом минут двадцать, чтобы они обсохли после быстрых движений, и только потом ставили в конюшни. В первом часу дня в полках трубили сигнал на вторую дачу корма, и тогда животные получали еще один гарнец овса, честно заслуженного в трудах.

Солдаты шли к обеду.

Армейской офицерской традицией являлись общие трапезы. Дурова пишет о них: «…после этого уезжаю в штаб или к эскадронному командиру». Эскадронные командиры обычно держали открытый стол для обер-офицеров своего подразделения. Благодаря воспоминаниям Д. В. Давыдова можно довольно подробно описать питание одного из эскадронных командиров Александровской эпохи – Якова Петровича Кульнева который, будучи майором, более семи лет командовал эскадроном в Сумском гусарском полку, а с 1806 года на той же должности служил в Гродненском гусарском полку.

«Из скудного жалованья майорского (464 рубля и 156 рублей на “рацион” в год. – *А.Б.*)… уделял треть на содержание дряхлой и бедной матери своей… – пишет Давыдов. – Другую треть употреблял он на необходимые потребности для военного человека: мундиры, содержание верховых лошадей, конной сбруи и прочего; наконец последнюю треть – на пищу себе. Эта пища состояла из щей, гречневой каши, говядины или ветчины, которую он очень любил. Всего этого готовилось у него ежедневно вдоволь на несколько человек. “Милости просим, – говаривал он густым и громким своим голосом, – милости просим, только каждого гостя со своим прибором, ибо у меня один”».

Но младшие офицеры часто устраивали и свои обеды, «без седых усов», как писал один из корнетов Уланского Цесаревича Константина Павловича полка в 1806 году:

«Кто из нас был при деньгах, тот и приказывал стряпать дома. Эти корнетские обеды не отличались гастрономическим изяществом, но были веселее стотысячных пиров. Щи, каша, биток или жаркое составляли нашу трапезу; стакан французского вина или рюмка мадеры, а иногда стакан пива – и более нежели довольно! Но сколько тут было смеха и хохота для приправы обеда, сколько веселости, шуток, острот!..»

В шесть часов вечера трубачи в гусарских полках играли сигнал к вечерней чистке лошадей. Нижние чины, надев кителя и фуражные шапки, опять шли на конюшню. Вечерняя чистка, как и утренняя, продолжалась час, и на ней должны были присутствовать взводные командиры. Затем лошадей поили, последний раз давали им овес и сено, убирали конюшни и стелили в стойлах солому. После этого в эскадронах делали перекличку личного состава. В девять вечера трубачи играли вечернюю «зорю», на этом трудовой день кавалеристов завершался.

К этому времени в офицерском собрании могли уже

раскладывать ломберные столы, покрытые зеленым сукном, и составлять партии желающих сыграть в карты. Карточная игра получила повсеместное распространение в офицерской среде. Но Надежда Андреевна карточную игру и картежников осуждала. Об этом говорится в ее повести «Игра судьбы, или Противозаконная любовь». Другое повсеместное увлечение молодых дворян она всячески поддерживала и разделяла. Это были балы – наиболее яркое событие повседневной жизни офицерства. Много лет спустя, уже живя в Петербурге, «кавалерист-девица» даже опубликовала рассказ «Бал» (журнал «Отечественные записки», 1840 г., т. 7, отд. 8, с. 32–62).

С большой художественной убедительностью написала она о том, что бал есть отражение в миниатюре самой жизни общества, и многие стороны этой жизни, как хорошие, так и плохие, находят свое воплощение в событиях яркого вечернего празднества. Любовь, ревность, зависть, поиски счастья, жажда успеха, разочарование – все можно увидеть на балу, все пережить и обо всем составить свое представление.

Увлечение балами шло от царского двора. Александр I очень любил эти вечерние празднества и сам был прекрасным танцором. Традиционный бальный сезон продолжался недолго: с Рождества и до Великого поста. Но часто балы давали и летом, и осенью, чтобы отметить какое-нибудь событие, например приезд важного гостя. Известно, что сообщение о переправе «Великой армии» Наполеона через Неман и начале Отечественной войны 1812 года Александр Павлович получил на балу. Этот бал дал в его честь 13 июня 1812 года в своем загородном имении близ города Вильно генерал от кавалерии граф Бенигсен.

Когда Дурова служила в Мариупольском гусарском полку, один бал ей запомнился особенно. В это время она находилась в Киеве на ординарцах в штабе Киевского военного губернатора генерала от инфантерии М. А. Милорадовича. Бал был посвящен именинам вдовствующей императрицы и происходил в июне 1810 года…

Казалось бы, все хорошо в этом лучшем из миров. Надежда Андреевна приятно проводит свободное время в семьях подполковника Павлищева и майора Станковича, танцует свою любимую мазурку на балах, а на службе ладит и с начальством, и с нижними чинами вверенного ей взвода, которые для нее – «бравые мариупольские гусары», «достойные товарищи».

Но вдруг, уехав из полка в отпуск 19 декабря 1810 го да, корнет Александров через три месяца, 11 марта 1811 года оказывается в Санкт-Петербурге и подает прошение графу Аракчееву о переводе своем в Литовский уланский полк, так как

он не смеет государя «утруждать просьбами о пожаловании денег для мундира гусарского» и ходатайствует о продлении ему отпуска до 15 апреля. Отпуск Дуровой не продлили, но в Литовский уланский полк перевели. Также она получила за счет казны сукно на новый мундир и некоторые вещи к нему (видимо, эполеты и офицерский шарф. – *А.Б.)* на сумму 178 рублей 12 с половиной копеек и 300 рублей – на проезд до нового места службы.

Этот неожиданный поворот в биографии первой русской женщины-офицера немало занимал исследователей, которые выдвигали разные версии случившегося. Например, А. А. Сакс высказывал в своей книге предположение, что Дуровой пришлось уйти из Мариупольского полка потому, что в корнета Александрова влюбилась старшая дочь подполковника Павлищева. Жениться на ней юный корнет, само собой разумеется, не мог и, чтобы не компрометировать девушку, срочно перевелся в другую воинскую часть. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

Эта версия представляется маловероятной. Скорее всего, офицеры-мариупольцы догадывались о тайне корнета Александрова. Впрочем, Надежда Андреевна сама пишет об этом почти буквально: «Правда, что и мои однополчанки (имеются в виду жены офицеров. – *А.Б.)* не пропускают случая приводить меня в краску, называя в шутку: «ГУСАР-ДЕВКА».

При тех тесных, можно сказать, даже родственных, семейных отношениях, которые были характерны для полкового офицерского сообщества в начале XIX века, это и немудрено. Наиболее полную картину нравов, царивших тогда в кавалерийских полках, нарисовал младший современник Дуровой Фаддей Венедиктович Булгарин (1789–1859 гг.), как и амазонка, служивший в легкой кавалерии (с 1806 по 1809 г.), участвовавший в сражениях при Гутштадте, Гейльсберге и Фридланде.

Ф. В. Булгарин. Гравюра XIX в.

«Офицеры одного полка – одна семья… – пишет он. – Я уже сказывал, что между офицерами все было общее… Честь, дух, время, труды, деньги, развлечения, неприятности, опасности». Булгарин приводит пример проявления такой общности. Весной 1807 года, при походе Уланского Цесаревича полка из Петербурга в Восточную Пруссию, майору Притвицу, раненному в голову в битве при Аустерлице, стало плохо. Рана привела к внезапному умопомешательству, и уланы оставили бедного майора в Риге на руках у жены, не имевшей иных средств к существованию, кроме его офицерского жалованья. При этом свои деньги («порционы» за три месяца похода, всего около 7 тысяч рублей) офицеры отдали

несчастному сослуживцу и далее питались из солдатского котла.

Каждый полк легкой кавалерии представлял собой нечто вроде замкнутой военной общины. Ее скрепляла не только армейская дисциплина, но и общность симпатий и интересов, порой вовсе не материальных. Такое полковое сообщество, как писал военный историк В. В. Крестовский, являлось само по себе «чем-то вроде самостоятельного, живого, одухотворенного организма, представляющего собой как бы отдельное собирательное лицо…». В силу этих обстоятельств человек, надевая полковой мундир, невольно начинал чувствовать себя существом иным, несколько отрешенным от всего остального мира.

Вполне возможно, что тайна корнета Александрова была признана тайной всех офицеров-мариупольцев, тайной их замкнутой военной общины, и они даже гордились тем, что государь, своею волею поместив царскую крестницу именно в их полк, оказал им таким образом особое доверие, особую честь. Поведение на службе и в быту женщины-офицера, по-видимому, также не вызывало у них никаких нареканий. Однако какое-то внезапное событие, полностью изменившее ситуацию, заставило Надежду Андреевну перейти из гусар в уланы, хотя делать это ей очень не хотелось: «С прискорбием рассталась я с моими достойными товарищами! с сожалением скинула блестящий мундир свой и печально надела синий колет с малиновыми отворотами!»

Судя по всему, в книге она не могла раскрыть истинную причину этого перехода и должна была дать читателям любое другое, но достаточно убедительное объяснение. Дурова выбрала простой, по-житейски весомый аргумент: проблемы с финансами – и ввела его в повествование исподволь:

«Не знаю, что мне делать! Деньги исчезают, как дым, и куда, не понимаю. Я не играю в карты, не пью вина, ничего не покупаю; но как только обращу ассигнации в серебро, то эти ЗЛОТЫЕ, ГРОШИ, ДВУДЕСТУВКИ рассыплются, как прах… Мне стыдно было сказать, что гусарский мундир был слишком дорог для меня по неумению распоряжаться деньгами».

Интересно то, что в книге Надежда Андреевна лишь один раз правильно назвала сумму царского вспомоществования и дату ее получения: 500 рублей весной 1808 года. Затем она пишет сначала о тысяче рублей, пожалованной ей государем, но когда это пожалование состоялось, не сообщает, и о 500 рублях, переданных ей Барклаем де Толли при ее приезде в столицу (в каком году это было, не указывает).

Между тем, согласно справке Инспекторского департамента

Военного министерства, подготовленной в январе 1824 года, «кавалерист-девице» в течение ее службы в гусарах были пожалованы следующие суммы: в январе 1808 года на обмундировку и проезд к Мариупольскому полку 1050 руб.

15 марта 1808 года 500 руб.

6 июня 1809 года 300 руб.

19 декабря 1810 года 500 руб.

4 марта 1811 года 500 руб.

Ее должностной оклад достигал 200 рублей в год плюс выдача денег на питание («рационы») 48 рублей в год. Таким образом, Надежда Андреевна могла располагать ежегодно примерно 543–748 рублями и, вероятно, относилась к числу наиболее состоятельных офицеров Мариупольского гусарского полка.

Как пишет Давыдов, «скудное жалованье майорское» вместе с «рационами» составляло годовойдоход в 620 рублей. Оно позволяло командиру гусарского эскадрона Я. П. Кульневу помогать престарелой матери, покупать мундирные и амуничные вещи, а также держать открытый стол для обер-офицеров своего подразделения, ежедневно угощая их щами, гречневой кашей с мясом и рюмкой водки. Правда, современники, знавшие Кульнева, указывали на одну «статью экономии» в бюджете прославленного героя Отечественной войны 1812 года – он шил повседневный мундир из солдатского сукна с отделкой не из серебра, а из гаруса, с пуговицами не серебряными, а оловянными.

Такое, однако, допускалось. Еще в 1803 году командному составу гусарских полков разрешили заменять золото и серебро на мундирах шелковыми шнурами, галунами и бахромой. В 1809 году «для облегчения гг. гусарских офицеров в издержках» император Александр I распорядился мундиры с золотом и серебром надевать только на большие парады и смотры, а для повседневной службы иметь их с гарусным (то есть сделанными из мягкой крученой шерстяной пряжи) прибором.

Конечно, доломан и ментак из солдатского сукна да еще с гарусной отделкой – вещи, не подходящие для армейского франта корнета Александрова. Но, с другой стороны, совсем не похожа Надежда Андреевна на человека, который не умеет «распоряжаться деньгами». Наоборот, ее деятельность на поприще литературы в 1836–1841 гг. говорит о том, что деньгам она счет знала и сумела тогда собрать сумму, достаточную для покупки дома в городе Елабуге.

Однако причина для перехода в другой полк все-таки существовала. Не исключено, что она была связана с ее сыном.

Ведь в начале 1811 года Дурова находилась в Петербурге, там, где в Императорском военно-сиротском Доме учился восьмилетний Ванечка Чернов. Получив 4 марта 1811 года деньги от императора, «кавалерист-девица», видимо, была вынуждена потратить их не на офицерскую униформу, а на что-то другое. Потому уже 11 марта того же года она вновь обращается к царю и просит, во-первых, о продлении отпуска, во-вторых, о новом вспомоществовании. Эту просьбу надо было подкрепить серьезным объяснением, и она говорит о переводе.

Что же задержало корнета Александрова в столице?

Ответа на вопрос нет, и остается только догадываться о причинах. Может быть, это была болезнь сына. Может быть, какое-то неприятное происшествие в учебном заведении, прямо коснувшееся маленького кадета из Сарапула…

В Литовском уланском полку

> Вот я и в Домбровице. Литовским полком, в отсутствие шефа Тутолмина, командует князь Вадбольский, тот самый, которого я знала в Тарнополе. Думаю, что я скоро утешусь о потере гусарского мундира; вид улан, пики, каски, флюгера пробуждают в душе моей воспоминания службы в Коннопольском полку, военные действия, незабвенного Алкида, все происшествия, опасности! Все-все воскресло и живою картиною представилось воображению моему Никогда не изгладится из памяти моей этот первый год поступления моего на военное поприще; этот год счастия, совершенной свободы, полной независимости, тем более драгоценных для меня, что я сама, одна, без пособия постороннего умела приобресть их…
>
> *Н. Дурова. «Кавалерист-девица.*
>
> *Происшествие в России»*

На этот раз Надежда Андреевна могла сама выбирать полк для дальнейшей службы, император подписал бы любое ее прошение. Она решила вновь надеть уланский мундир. О причинах, побудивших ее сделать такой выбор, она написала в книге. Однако последующие события показали, что он был не особенно удачным. Останься «кавалерист-девица» в Мариупольском гусарском полку, в ее военной биографии в 1812–1814 гг. наверняка появились бы яркие боевые эпизоды, новые награды и новые чины. Она повидала бы не только Польшу и Германию, но и Францию, участвовала бы в последних битвах наполеоновской эпохи…

Литовский уланский полк возник в русской армии в марте 1803 года, при разделении на две воинские части по 5 эскадронов каждая прежнего Литовско-Татарского полка. Этот полк был учрежден императором Павлом одновременно с Польским конным полком. Оба полка пополнялись путем вербовки, имели одинаковую организацию, состав и вооружение, но различались между собой по форменной одежде. Кроме того, в Польском полку служили поляки, в Литовско-Татарском литовцы и татары, которых немало было в Великом княжестве Литовском в конце XVIII столетия.

Весной 1811 года, когда Дурова приехала в Литовский

уланский полк, в его штате имелось 10 эскадронов. Предполагалось, что при начале военных действий в поход отправятся восемь эскадронов, а два останутся на месте в качестве запасных частей.

В этот период в русской армии состояло всего пять уланских полков: Польский, Литовский, Татарский, Волынский и Чугуевский. Еще один уланский полк был в гвардии. В начале 1812 года в Военном министерстве всех армейских улан пересчитали самым тщательным образом и составили общую ведомость. В пяти полках по штатам числилось 7400 рядовых, 650 унтер-офицеров, 160 трубачей и 410 офицеров.

Все строевые чины уланских полков носили форменную одежду, заметно выделявшую их среди других частей русской армии. Эта униформа заключалась в темно-синей куртке с короткими фалдами, украшенной цветными лацканами (отворотами) и обшлагами. Каждый полк имел воротники, обшлага, лацканы особого цвета. Например, в Литовском полку воротники были темно-синими с малиновой выпушкой, лацканы, обшлага – малиновые, в Чугуевском полку – воротники полностью красные, красные лацканы, обшлага. Характерной особенностью этих воинских частей также была довольно высокая шапка (до 23 см) с четырехугольным верхом, обшитым цветным сукном, в каждом полку особого цвета. Например, в Литовском – белого.

Офицеры уланских полков отличались от рядовых тем, что имели эполеты, общеармейские шарфы из пряденого серебра с черным и желтым шелком, с длинными кистями на конце и лядунки на 6 патронов с галунной перевязью. В Литовском полку эполеты были серебряными, на малиновом «корешке»…

Шефом Литовского уланского полка в 1811 году являлся полковник 42-х лет от роду Дмитрий Федорович Тутолмин, из дворян Курской губернии Старооскольского уезда, холостой. Тутолмин принадлежал к старинному дворянскому роду и был человеком богатым: он владел более чем 600 душами крепостных крестьян «мужска пола». Военную службу он начинал в гвардии в 1790 году, в Литовский полк прибыл в 1809 году с чином полковника. Вместе с ним здесь служил его младший брат Иван Федорович Тутолмин.

В отличие от шефа Мариупольского гусарского полка генерал-майора барона Егора Ивановича Меллер-Закомельского, который мало общался со своими офицерами вне службы, Тутолмин жил широко и открыто и считал офицеров-литовцев членами своей семьи. Дурова с большой симпатией пишет об этом человеке:

«Тутолмин – красавец; хотя ему уже сорок четыре года, но он

кажется не более двадцати восьми лет; девицы и молодые дамы окружных поместьев все до одной неравнодушны к нему; все до одной имеют против него планы; но он!.. Я не видала никого, кто б холоднее и беспечнее его смотрел бы на все знаки участия, внимания и потаенной любви. Я приписываю это слишком уж высокому мнению о самом себе. О, в сердце, наполненном гордостию, нет места любви!.. Наконец стальное сердце Тутолмина смягчилось! пробил час его покорения!.. Графиня Мануци, красавица двадцати восьми лет, приехала к отцу своему, графу Платеру, в гости и огнем черных глаз своих зажгла весь наш Литовский полк. Все как-то необыкновенно оживились. Все танцуют, импровизируют, закручивают усы, прыскаются духами, умываются молоком, гремят шпорами и перетягивают талию…»

Согласно полковому расписанию на 1 июня 1812 года корнет Александров числился в эскадроне полковника Скорульского, входившего в первый «шефский» батальон. Вместе с ним там служили ротмистр Подъямпольский, штабс-ротмистр Тутолмин 2-й, корнеты Чернявский, Торнезио 1-й и Торнезио 2-й.

Поскольку Скорульский в это время находился под судом и следствием в Виленском ордонанс-гаузе, то эскадроном фактически командовал ротмистр Петр Сидорович Подъямпольский, 35 лет от роду, из дворян Рязанской губернии Пронского уезда села Ухоры, где за ним состояло 22 крепостных крестьянина, холостой.

Подъямпольский начал служить в возрасте 17 лет, юнкером в Сумском гусарском полку. Первый офицерский чин он получил через полтора года. В июле 1803 года Подъямпольский был произведен в поручики и перевелся в Мариупольский гусарский полк. С этим полком он совершил поход в Австрию в 1805 году и сражался с французами у Штемберга, Кремса и Аустерлица, где с отличием командовал полуэскадроном и удостоился награды – ордена Св. Анны 3-й степени. Петр Сидорович познакомился с Дуровой в Мариупольском полку, их знакомство продолжалось два года, затем Подъямпольский перешел в Литовский уланский полк. Здесь в марте 1810 года он стал штабс-ротмистром, а в сентябре 1811-го – ротмистром.

Надежда Андреевна дает ему такую характеристику: «Лучший офицер в полку нашем, храбрый, опытный, строгий к себе столько же, как и к другим». Подъямпольский заботился о юном корнете. «Кавалерист-девица» вкладывает в его уста следующую сентенцию: «У меня сердце обливается кровью при одной мысли видеть тебя убитым. Не знаю, Александров, отчего мне кажется, что если тебя убьют, то это будет убийство противное законам; дай Бог, чтоб я не был этому свидетелем!» Ротмистр

действительно, как мог, оберегал в суровых испытаниях 1812 года русскую амазонку.

Судя по всему, тесные дружеские отношения связывали всех молодых офицеров эскадрона полковника Скорульского, и в книге Дурова живо рисует картины походного армейского быта, трудности которого они преодолевали вместе:

«Мы идем не торопясь, переходы наши невелики, и вот снова велено нам остановиться ВПРЕДЬ ДО ПОВЕЛЕНИЯ, как нарочно, квартиры достались самые невыгодные, деревня эта бедна, дурна и разорена, надобно думать, непомерными требованиями ее помещика. Мы все четверо квартируем в одной большой избе, и разместились – Чернявский со старшим Торнези у окна на лавках; я с младшим Торнези у печи на нарах… Возвратясь из своего путешествия, я застаю моих товарищей всех уже вместе: Чернявский читает Расина, Сезар курит трубку и всегда кладет кусочек алое поверх табаку, говоря, что так делают турки; Торнези Иван представляет иногда балет – АРИАДНА НА ОСТРОВЕ НАКСОСЕ, и всегда самую Ариадну. Это могло б рассмешить и умирающего; я забываю в ту ж минуту затруднительный вояж по грязным улицам…»

В данном случае Дурова неправильно называет имя одного из братьев. Судя по полковым документам, его звали не Иван, а Семен. Оба Торнезио прибыли в Россию из Франции, были эмигрантами. В феврале 1801 года их приняли на службу в лейб-гвардии Гусарский полк рядовыми. Через два года они стали там унтер-офицерами. Вместе с лейб-гусарами братья Цезарь и Семен Яковлевичи Торнезио совершили в 1805 году поход в Австрию, в 1807 году – поход в Пруссию и в рядах русской армии доблестно сражались со своими соотечественниками при Аустерлице, Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде. В декабре 1809 года император Александр I пожаловал им первый офицерский чин и перевел из гвардии в Литовский уланский полк. Никакого «недвижимого имения» и крепостных крестьян братья в России не имели и жили на офицерское жалованье, оба были неженатыми.

Цезарь Торнезио погиб в бою летом 1812 года, командуя взводом фланкеров. О его героической смерти Надежда Андреевна рассказала в своей книге:

«…Он и человек двадцать лучших всадников пустились на неприятеля. Через час они возвратились все, исключая Торнези, которого французы изрубили; говорят, что он в запальчивости занесся в толпу их, и сколько они не кричали “rendez vous! rendezvous!”, он, не слушая, рубил их направо и налево, и наконец они с остервенением кинулись на него, и вмиг его не стало. Когда Подъямпольский спросил фланкеров, как они могли

допустить, чтоб изрубили их офицера? то они в оправдание свое сказали, что Торнези заскакал в толпу неприятелей и, не принимая предложения их сдаться, рубил и бранил их без пощады, и что они все вдруг кинулись на него; множество сабель засверкало над несчастным Торнези, и он упал к ногам своей лошади без жизни и образа…»

Петру Ивановичу Чернявскому, который читал книгу французского драматурга Жана Расина в грязной крестьянской избе, было в то время 25 лет. Он происходил из дворян Витебской губернии. В январе 1808 года Чернявский окончил 2-й Кадетский корпус, где он изучал французский, итальянский, немецкий языки, русскую грамматику, историю, географию, астрономию, математику, фортификацию, и был откомандирован с чином корнета в Литовский уланский полк.

Петр Чернявский впервые назван поручиком в полковых документах 29 августа 1812 года, вместе с Дуровой. В 1813 году он в составе отряда генерал-адъютанта барона Корфа воевал в Саксонии и «за оказанную храбрость в арьергардных делах с 21-го апреля по 7-е число мая был награжден орденом Св. Анны 3-й степени». В Литовский уланский полк поручик Чернявский вернулся в июне 1813 года. Его биография прослеживается и далее. В 1818 году он уже был ротмистром, дружил с младшим братом «кавалерист-девицы» корнетом Василием Дуровым, который прибыл в полк весной 1815 года. Затем Чернявский и Дуров вместе перешли в Ямбургский уланский полк.

В. В. Крестовский, составивший историю этого полка, упомянул в ней и Петра Ивановича Чернявского в числе образованных, храбрых и дельных офицеров, прошедших закалку в горниле Наполеоновских войн. В 1821 году ротмистр Чернявский был тем же чином – что являлось немалым поощрением для армейского офицера – переведен в лейб-гвардии Уланский полк…

Описывая свою службу в уланах перед Отечественной войной 1812 года, Надежда Андреевна почти ничего не говорит об учениях, маневрах, «кампаментах», то есть о формах мирной жизни армии. Совсем другие заботы были у офицеров в полках, расквартированных тогда на территории современных Западной Украины и Белоруссии. Дворянство здесь враждебно относилось к русской армии. Потому наши военные части встречали большие затруднения в обеспечении личного состава провиантом, а строевых лошадей – фуражом. Добывать сено, солому, овес офицеры эскадрона полковника Скорульского ездили по очереди со своими взводами, иногда удаляясь от постоянных квартир на 50–70 верст. Бывало, что эти командировки не приносили

никакого результата.

В таких условиях обычная для кавалерии фуражировка становилась похожей на партизанский рейд в тыл противника. Надежда Андреевна пишет о том, что ездила повсюду в сопровождении отряда из двенадцати улан в полном вооружении и снаряжении, заходила в помещичьи дома, оставив у дверей своих солдат в боевой готовности. Далеко не везде корнета Александрова принимали любезно. Но все же «кавалерист-девице» удалось своей обходительностью и вежливостью расположить к себе владельцев двух селений. Она доставила в эскадрон четыре воза сена и более 30 четвертей овса (четверть – примерно 130 кг).

Этой же весной 1812 года Дурова впервые в своей книге называет себя поручиком. Так, по крайней мере, обращаются к ней хозяин и хозяйка дома, где она находилась на постое около трех недель. Хозяйка полюбила молодого улана, хозяин приревновал ее к офицеру. Дурова разговоры хозяйки определила как «пышные глупости». Тем не менее она не хотела обижать молодую женщину, которая пыталась завязать роман с постояльцем – бравым поручиком в красивом темно-синем мундире с малиновыми лацканами и серебряными эполетами. На прощание «кавалерист-девица» подарила хозяйке пряжку со стразами. Но та попросила еще и ее портрет – силуэт, вырезанный из черной бумаги и наклеенный на паспарту.

Эта история написана психологически достоверно, с легким юмором. Пожалуй, единственным преувеличением в ней является… воинское звание героини. Ведь согласно именным спискам офицеров Литовского уланского полка на 1 июня 1812 года Александр Андреевич Александров имел чин корнета. Но в это время Дурова была уже самым старшим корнетом в полку, то есть состояла в данном чине дольше всех остальных 28 корнетов – с 31 декабря 1807 года, более четырех лет…

Избрав для себя профессию военного, Надежда Андреевна вполне разделяла взгляды и жизненные принципы армейского офицерства Александровской эпохи. Вопрос о чинах, наградах и должностях имел для нее такое же важное значение, как и для любого другого офицера Литовского уланского полка. Видимо, она знала, что весной 1812 года было отправлено представление о ее производстве в чин поручика. Высочайший указ об этом состоялся 5 июня. В документах штаба 4-го кавалерийского корпуса она впервые названа поручиком 9 августа 1812 года, в полковом рапорте – 29 августа 1812 года.

Гроза двенадцатого года

Говорят, Наполеон вступил в границы наши с многочисленным войском. Я теперь что-то стала равнодушнее; нет уже тех превыспренних мечтаний, тех вспышек, порывов. Думаю, что теперь не пойду уже с каждым эскадроном в атаку; верно, я сделалась рассудительнее; опытность взяла свою обычную дань и с моего пламенного воображения, то есть дала ему приличное направление.

Мы стоим в бедной деревушке на берегу Наревы. Каждую ночь лошади наши оседланы, мы одеты и вооружены; с полуночи половина эскадрона садится на лошадей и выезжает за селение содержать пикет и делать разъезды; другая остается в готовности на лошадях. Днем мы спим…

Н. Дурова. «Кавалерист-девица.

Происшествие в России»

Приготовления Наполеона к войне с Россией были, в основном, завершены к сентябрю 1811 года. По свидетельствам ближайших его сотрудников, ни один из своих завоевательных походов французский император не готовил с такой тщательностью.

Ранней весной 1812 года огромная по тем временам армия расположилась в непосредственной близости от наших границ. Корпус маршала Даву (72 тыс. чел.) стоял в Эльбинге и Мариенбурге; корпус маршала Удино (37 тыс. чел.) – в Мариенвердере; корпус маршала Нея (39 тыс. чел.) и императорская гвардия (46 тыс. чел.) – в Торне; итальянский корпус вице-короля Евгения (46 тыс. чел.) – в Плоцке; польский корпус князя Понятовского (37 тыс. чел.), баварский корпус генерала Гувион Сен-Сира (25 тыс. чел.), саксонский корпус генерала Ренье (17 тыс. чел.), вестфальский корпус генерала Вандама (17,5 тыс. чел.) и четыре кавалерийских корпуса генералов Нансути, Монбреня, Груши и Латур-Мобура под общим командованием маршала Мюрата (40 тыс. чел.) – между Варшавой и Модлином; прусский корпус генерала Макдональда (32,5 тыс. чел.) – в окрестностях Кенигсберга (совр. Калининград); австрийский корпус генерала Шварценберга (34 тыс. чел.) – у Лемберга (совр. Львов).

Кого только не собрал Наполеон под свои знамена! Французы, итальянцы, испанцы, австрийцы, пруссаки, вестфальцы, баварцы, поляки – поистине вся Европа приготовилась убивать русских, грабить и жечь их города и деревни, хотя Россия этим «цивилизованным» нациям ничем не угрожала и захватнических планов не лелеяла…

Агрессивные намерения Наполеона не были тайной ни для русского правительства, ни для русского общества. Группа русских генералов (Барклай де Толли, Багратион, Ермолов и другие) разработала и осенью 1811 года передала царю свой план войны с Наполеоном. Он предусматривал превентивный удар по агрессору со вступлением русской армии в Польшу. Но Александр I от него отказался. Однако один из элементов этого плана – выход полков 2-й Западной армии, подчиненной князю П. И. Багратиону, из района зимней дислокации на Волыни к границам герцогства Варшавского – был осуществлен в апреле – мае 1812 года.

Литовский уланский полк в это время входил в состав 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора графа К. К. Сиверса, приписанного ко 2-й Западной армии. Воинские части кавкорпуса как раз и подошли вплотную к границе. Весь май и первую половину июня 1812 года они несли круглосуточное дежурство, которое Надежда Андреевна и описала в своем произведении: «Каждую ночь лошади наши оседланы, мы одеты и вооружены; с полуночи половина эскадрона садится на лошадей и выезжает за селение содержать пикет и делать разъезды…»

Местопребывание полка можно определить по рапортам за май и июнь 1812 года. Он находился в Брест-Литовском уезде Гродненской губернии. Штаб располагался в местечке Каменец-Литовск, совсем рядом с русско-польской границей. Два эскадрона полка (256 строевых лошадей) были в это время в городе Мозыре вместе с другими частями 2-го резервного корпуса. Другие восемь эскадронов квартировали в разных селах и городках на расстоянии 10–25 верст от Каменец-Литовска.

Эскадрон полковника Скорульского, разделенный на взводы, размещался в четырех деревнях: Стопичов, Шишово, Млынович, Линевичи. В нем состояло 5 обер-офицеров, 11 унтер-офицеров, 3 трубача, 55 «товарищей» и 66 «шеренговых», 130 строевых лошадей. Сила взвода доходила до 14 с половиной рядов (29 всадников).

Дурова подробно рассказывает о своих мыслях и чувствах в эти тревожные дни, но ничего не сообщает о боевом духе полка, о настроениях, царивших среди литовских улан. На самом деле ситуация в этой воинской части была очень непростой.

Подавляющее большинство нижних чинов было завербовано в Виленской, Минской и Гродненской губерниях, и теперь среди них ходили прокламации, в которых Наполеон обещал восстановить Великое княжество Литовское именно в таких пределах. Все это стало известно командованию 2-й Западной армии. Князь Багратион, не на шутку встревоженный, обратился с письмом к военному министру и просил его заменить эту воинскую часть, ставшую ненадежной, любым другим полком легкой кавалерии. Замену произвести не успели.

«Неблагонадежность» – очень суровый приговор, особенно – ввиду уже начавшейся кампании с французами. Скорее всего, шеф полка Тутолмин каким-то образом узнал о письме Багратиона. Под благовидным предлогом он поспешил покинуть свою воинскую часть. Дурова с досадой пишет об этом: «Худо остаться без настоящего начальника! Полковой командир (здесь ошибка – шеф полка. – *А.Б.)* Тутолмин отрапортовался больным еще в Бельске и оставил нас на произвол судьбы; нами командует теперь Штакельберг, подполковник Новороссийского драгунского полка…»

Полковник Тутолмин знал, что делал. На имя полка легло темное пятно. Никакие боевые отличия, никакие лишения и трудности, пережитые литовскими уланами вместе со всей русской армией в 1812 году, уже не могли повлиять на мнение о них высшего начальства. Опасаясь измены, Литовский уланский полк держали в резерве при сражении с польской кавалерией под селением Мир 27 июня (в атаку ходил только лейб-эскадрон), в боях под Романовом и Дашковкой 2 июля и 16–17 июля. Лишь в начале августа, когда 2-я Западная армия подошла к Смоленску, литовских улан впервые отправили на передний край, потому что войск катастрофически не хватало, на счету был каждый солдат.

Но подтвердилось ли во время отступления русской армии от Гродно до Смоленска мнение князя Багратиона о нижних чинах Литовского полка («не достанет меня заниматься укрощением побегов и своевольств общих почти всем вербованным полкам»)?

Побеги в полку начались сразу и достигли немалых размеров, пока наши войска шли по дорогам губерний Гродненской и Минской. Дело в том, что Наполеон, торжественно вступив в город Вильно, действительно объявил о воссоздании княжества Литовского на территории Виленской, Гродненской и Минской губерний и Белостокской области. Ясно, что великий завоеватель думал вовсе не о свободе и независимости Литвы. Просто ему требовалось «пушечное мясо». Потому было немедленно объявлено о формировании вооруженных сил княжества. Они должны были состоять из пяти пехотных и четырех уланских

полков – всего около 14 тыс. человек. В эти полки принимали дезертировавших из русской армии литовцев, как солдат, так и офицеров.

Согласно рапорту на 1 июля, когда Литовский уланский полк находился в Минской губернии под местечком Глузск, его потери в нижних чинах составили: 28 человек бежавших, 15 человек пропавших без вести, 13 человек погибших. По рапорту на 1 августа, когда полк находился в деревне Новой Смоленского уезда Смоленской губернии, потери в нижних чинах составили: 66 человек бежавших, 22 человека пропавших без вести, 15 человек погибших. Следовательно, за полтора месяца из полка бежало около ста человек, причем среди них были и унтер-офицеры, и трубачи, и даже мастеровые. Конечно, это много, если учесть, что в мае 1812 года беглых было 10 человек, в апреле – 8. (РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2657, л. 77–78. Месячные рапорты Литовского уланского полка).

Кавалерийский пистолет образца 1809 года. Фонды Государственного Исторического музея. Москва

Такова статистика. Надежда Андреевна едва ли ее знала. Но в своей книге на уровне, так сказать, эмоциональном она это печальное положение отразила. Если гусар-мариупольцев она называла доблестными и отважными, то улан-литовцев – трусами и канальями, а еще – головорезами. При начале кампании с Наполеоном она мечтала о новых подвигах во славу Отечества. Теперь же настроение ее изменилось. «Можно ль пуститься на какое-нибудь славное дело с такими сподвижниками? – пишет она. – При одном виде опасности они убегут, выдадут, остыдят. Зачем я оставила доблестных гусаров моих? Это – сербы, венгры! Они дышат храбростию, и слава с ними неразлучна!.. Все пропало

для меня в будущем…»

Эти мучительные размышления не помешали, однако, «кавалерист-девице» строго исполнять свои должностные обязанности. Наоборот, хорошо зная нравственные и моральные качества подчиненных, она вместе с другими офицерами эскадрона полковника Скорульского делала все возможное, чтобы трусы и канальи не разбежались раньше времени, чтобы они всегда находились под неусыпным надзором своих взводных командиров. Это было очень тяжело. Дурова пишет, что после многоверстных переходов она просто валилась с ног от усталости, но не могла себе позволить даже отойти от лошади и прилечь на землю. Результат был налицо. Беглых солдат в эскадроне Скорульского за июль насчитывалось всего 7 человек, гораздо меньше, чем в других эскадронах.

О командном составе Литовского уланского полка в письме князя Багратиона говорилось как бы вскользь: «…при всем усердии шефа полка и офицеров оно не представляет потребной для начальника уверенности…» Судя по всему, Главнокомандующий 2-й Западной армией не верил, что офицеры смогут справиться с бунтом, с неповиновением солдат, если таковое возникнет. В то же время никаких прямых обвинений против них он не выдвигал.

По национальному составу офицерский корпус Литовского уланского полка представлял собой полную противоположность нижним чинам. Из 47 человек, вступивших в кампанию в июне 1812 года, 28 были выходцами из русского дворянства, 17 – из мелкопоместной польско-литовской шляхты, крепостных не имевшей, и 2 – из французских эмигрантов. В отличие от солдат поляки и литовцы, носившие эполеты Литовского уланского полка, на создание Наполеоном княжества Литовского никак не откликнулись. Все они сохранили верность присяге, данной русскому царю, все доблестно воевали с французами…

Двухдневное сражение за Смоленск было первым, где «кавалерист-девица» вместе со своими солдатами встретилась с противником, непосредственно участвовала в атаках и рукопашной схватке, чуть было не попала в плен. Описание всех этих событий занимает в ее книге несколько страниц. Но и для истории Отечественной войны 1812 года битва за Смоленск очень важна. Именно под Смоленском после долгого отступления смогли наконец соединиться обе наши армии: 1-я и 2-я Западные, – и замысел Наполеона, рассчитывавшего разбить их по отдельности, рухнул.

Первоначально планировалось у стен Смоленска дать генеральное сражение, чтобы остановить продвижение

захватчиков в глубь России. Но французский император провел ряд маневров и создал выгодные условия для своих войск. В этой ситуации русское командование приняло решение отводить объединенные армии дальше, к Москве, а у Смоленска дать лишь оборонительный бой, задержать противника.

Около 6 часов утра 4 августа три вражеских корпуса, которыми командовали маршалы Ней, Даву и Мюрат, начали наступление. После сильнейшего артиллерийского обстрела города в атаку была брошена французская кавалерия генерала Груши, устремившаяся на стоявшую в районе Рачевки русскую конницу. Произошло несколько быстротечных кавалерийских сшибок на поле перед деревней.

«Смоленск. Я опять слышу грозный, величественный гул пушек! – вспоминала об этом Надежда Андреевна. – Опять вижу блеск штыков! Первый год моей воинственной жизни воскресает в памяти моей!.. Два часа дожидались мы приказания под стенами крепости Смоленской; наконец велено нам идти на неприятеля. Жители города, видя нас проходящих в устройстве, порядке, с геройскою осанкою и уверенностью в своих силах, провожали нас радостными восклицаниями… Полк наш помещен по обеим сторонам дороги; эскадрон Подъямпольского на левой; еще левее кирпичные сараи…

Мы все смотрели очень внимательно на правую сторону дороги, где происходило уже сражение и некоторые из наших эскадронов отлично дрались; дорого заплатили бы мы за это зевание по сторонам, если бы наш священник Вартминский, самый неустрашимый человек из всего полка, не подъехал к нам и не указал в левую сторону…

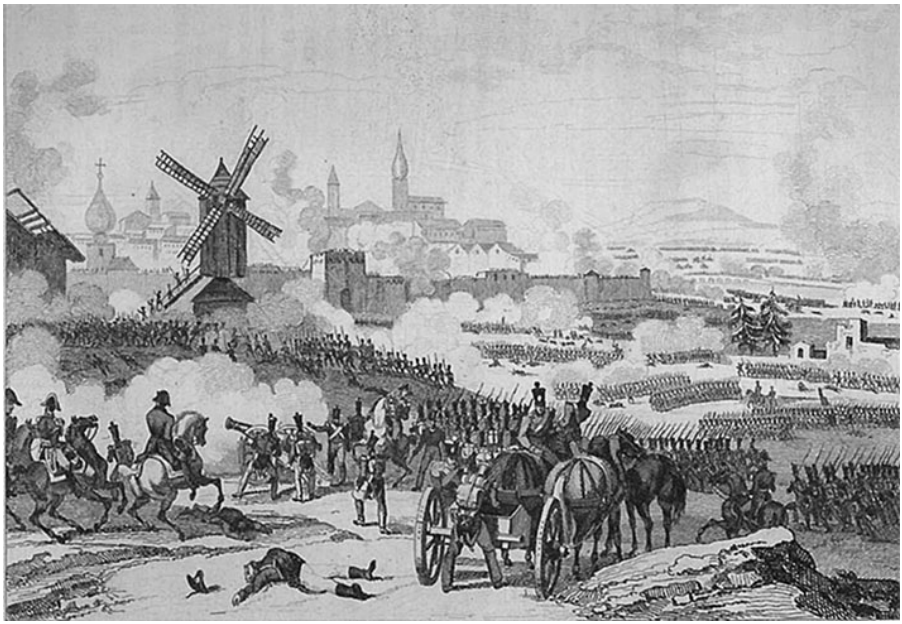
Взглянув, куда он указывал, мы увидели скачущую нам во фланг неприятельскую кавалерию; в одно мгновение Подъямпольский скомандовал: “Второму полуэскадрону правое плечо вперед!” – и, поставив его лицом к неприятелю, приказал мне взять начальство и в ту ж минуту ударить на несущуюся к нам конницу. Восхитительная минута для меня!.. Но вдруг команда моя “с места, марш-марш!” слилась с громовым голосом нашего начальника, раздавшимся позади нашего фронта: “назад! назад!” В одну секунду мой полуэскадрон повернул назад и поскакал сломя голову на большую дорогу; я осталась позади всех. Без порядка скакал эскадрон густой толпою по кустам, буграм и рытвинам; Зелант, горячий, заносчивый конь мой, рвался из-под меня, но я не смела дать ему воли; он имел дурную привычку, разгорячась, драть голову… итак, удерживая коня своего, неслась я большим галопом вслед скачущего эскадрона но, слыша близко за собою топот лошадей и увлекаясь невольным

любопытством, не могла не оглянуться; любопытство мое было вполне награждено: я увидела скачущих за мною на аршин только от моей лошади трех или четырех неприятельских драгун, старавшихся достать меня палашами в спину…

Миновав бугры и ямы, Зелант, как бурный вихрь, унес меня от толпы неприятельской. Выбравшись на ровное место, мы отплатили неприятелю за свое беспорядочное бегство и, повинуясь голосу офицеров, эскадрон в минуту пришел в порядок, построился и грозною тучею понесся навстречу неприятелю. Земля застонала под копытами ретивых коней, ветер свистал в флюгерах пик наших; казалось, смерть со всеми ее ужасами неслась впереди фронта храбрых улан. Неприятель не вынес этого вида и, желая уйти, был догнат, разбит, рассеян и прогнан несравненно с большим уроном, нежели наш…»

Упорные бои у Смоленска продолжались весь день 4 августа 1812 года. Французы прорваться к нему не смогли. Ранним утром 5 августа войска захватчиков подковой окружили город. Наполеон все еще надеялся, что сможет навязать русским генеральное сражение. Но вскоре он увидел, что основные силы русских покидают городские укрепления. Он отдал приказ начать штурм города, который сопровождался безжалостной бомбардировкой. Более 300 орудий вели огонь по жилым кварталам Смоленска. Главный удар был направлен на Молоховские ворота, куда наступал корпус Даву. С запада шел корпус Нея, с востока – корпус князя Понятовского.

За этот день в городе произошли страшные разрушения. Из 2500 домов уцелело менее 350. Свидетель сражения Ф. Н. Глинка писал в своих «Письмах русского офицера»: «Я видел ужаснейшую картину, я был свидетелем гибели Смоленска. Неприятель устремился к Смоленску и встречен был под стенами его горстью неустрашимых россиян… Наконец, утомленный противоборством нашим, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью… Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви, и все, что может гореть, запылало! Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь…»



Битва за Смоленск в 1812 г. Неизвестный художник

Во время боев 4 и 5 августа 1812 года потери «Великой Армии» убитыми и ранеными составили свыше 16,5 тыс. человек, русской – свыше 10 тыс. человек.

Кавалерия 4-го кавкорпуса ушла из Смоленска в ночь на 6 августа. Литовские уланы находились в арьергарде конной колонны и видели, как горит город. Потери полка в этом сражении были следующими: убиты юнкер Тарасевич, 2 унтер офицера, 4 трубача, 21 «товарищ» и 28 «шеренговых», без вести пропали 12 нижних чинов.

Начальство сочло, что литовцы сражались храбро и заслужили поощрение. В штабе 4 го кавкорпуса было подготовлено представление на офицеров, особенно отличившихся, которые при атаках на неприятельскую кавалерию вели свои части в порядке и содействовали поражению неприятеля. В этом списке фигурирует и фамилия поручика Александрова. Он, как и все другие офицеы Литовского уланского полка (всего 15 человек), должен был получить «Монаршее благоволение» с записью об этом в своем формулярном списке. Но никакого поощрения литовцы не получили. Император список не утвердил.

10 августа 1812 года в полковом рапорте датирована одна примечательная фраза: «Запасной десятидневный провиант в сухарях употреблен в пищу». Долго везли его в полковых фурах и сохраняли до последней возможности. Но трудности в обеспечении продуктами заставили командование полка раздать

сухари солдатам. Дурова тоже пишет об этом: «Солнце уже закатилось, когда мы стали на лагерь… только что успела сойти с лошади, как должна была опять сесть на нее. Подъямпольский сказал, что мне очередь ехать за сеном для целого полка. “Вот тебе десять человек от эскадрона; сейчас прибудут остальные, отправляйся с Богом! Нельзя ли, – прибавил он вполголоса, – достать что-нибудь съесть: гуся, курицу; сколько уж дней все один хлеб: до смерти наскучило!..”»

После Смоленска перебои с поставками продовольствия в войска приобрели постоянный характер. Голод, а затем и отсутствие воды, которую при отступлении армии искали повсюду, сделались спутниками солдат и офицеров в этом походе. В августе резко изменилась погода. Если в июле полки, отступая от Минска к Смоленску, изнемогали от 50-градусной жары, то теперь часто шли дожди, дули холодные ветры, температура воздуха все больше понижалась.

Но не эти обстоятельства сильнее всего угнетали русских, а отсрочка генерального сражения, за которую они открыто ругали Главнокомандующего Барклая де Толли. Первым вслух это сделал младший брат царя великий князь Константин Павлович, и был тут же под благовидным предлогом удален из армии. Но остановить подобного рода разговоры было уже невозможно.

«Мы все отступаем! – пишет с горечью Дурова. – Для чего же было читать нам, что государь не удерживает более нашего мужества. Кажется, не слишком большому опыту подвергли нашу храбрость, как вижу, мы отступаем в глубь России… Неужели нельзя было встретить и разбить неприятеля еще при границах государства нашего? К чему такие опасные маневры? Для чего вести врага так далеко в средину земли своей?..»

Генерал от инфантерии князь М. И. Голенищев-Кутузов, назначенный Главнокомандующим 1, 2 и 3 Западных и Молдавской армий, прибыл к войскам 17 августа 1812-го когда 1-я и 2-я Западные армии находились в селе Царево-Займище. Затем русские двинулись по большой Смоленско-Московской дороге дальше. Через пять дней, 22 августа, основные силы нашей армии начали сосредоточение в района села Бородино. Кутузов, осмотрев местность, нашел ее походящей для генерального сражения и приказал приступить к строительству фортификационных сооружений. Впереди в двух километрах от них, в верховьях ручья Чубаровского, располагалась деревня Шевардино. Здесь, на одном из холмов, также начали строить укрепление, которое могло препятствовать наступлению неприятеля на левый фланг русских позиций. Оно получило название «Шевардинский редут».

Для его защиты из состава 2-й Западной армии выделили отряд численностью до 12 тыс. человек (примерно 8 тысяч пехоты и 4 тысячи кавалерии) при 36 орудиях под командованием генерал-лейтенанта А. И. Горчакова. Он должен был прикрыть отход арьергарда Коновницына и задержать наполеоновские войска у редута для того, чтобы было завершено строительство укреплений на основной позиции и определено направление главного удара противника.

Войска Горчакова подходили к редуту под гул артиллерийской канонады, который раздавался со стороны Колоцкого монастыря. Здесь конница и пехота арьергарда вела упорный бой с авангардом «Великой Армии». Французская артиллерия громила русские колонны. «Бой ужасный! – вспоминал впоследствии его участник Д. В. Давыдов, командовавший тогда батальоном в Ахтырском гусарском полку. – Нас обдавало градом пуль и картечей, ядра рыли колонны наши по всем направлениям…»

Литовские уланы шли вместе с другими полками 4-го кавкорпуса: Ахтырским гусарским, драгунскими Киевским, Новороссийским, Харьковским и Черниговским. На пути из Ельни к Шевардино они также попали под обстрел вражеских орудий, отбивались от нападений вражеской кавалерии.

Согласно полковому рапорту в бою при селе Шевардино было убито 11 «товарищей» и 10 «шеренговых», 30 строевых лошадей, ранено 2 унтер-офицера, 11 рядовых и 18 строевых лошадей. Также пострадал один обер-офицер – поручик Александров из эскадрона полковника Скорульского. Он получил контузию от ядра и легкое ранение левой ноги.

Документы неопровержимо свидетельствуют: «кавалерист-девица» была ранена 24 августа 1812 года. Но сама она в своем произведении отнесла это ранение к другому дню – к 26 августа, к боевым действиям на поле знаменитой Бородинской битвы:

«26-го августа. Адский день! Я едва не оглохла от такого, неумолчного рева обеих артиллерий. Ружейные пули которые свистали, визжали, шикали и, как град, осыпали нас, не обращая на себя ничьего внимания; даже и тех, кого ранили, и они не слыхали их: до них ли было нам!.. Эскадрон наш ходил несколько раз в атаку, чем я была очень не довольна: у меня нет перчаток, и руки мои так окоченели от холодного ветра, что пальцы едва сгибаются; когда мы стоим на месте, я кладу саблю в ножны и прячу руки в рукав шинели; но когда велят идти в атаку, надобно вынуть саблю и держать ее голою рукою на ветру и холоде. Я всегда была очень чувствительна к холоду и вообще ко всякой телесной боли; теперь, перенося днем и ночью жестокость

северного ветра, которому подвержена беззащитно, чувствую, что мужество мое уже не то, что было с начала кампании. Хотя нет робости в душе моей и цвет лица моего ни разу не менялся, я покойна, но обрадовалась бы, однако ж, если б перестали сражаться. Ах, если бы я могла согреться и опять почувствовать, что у меня есть руки и ноги! Теперь я их не слышу.

Желание мое исполнилось; нужды нет, каким образом, но только исполнилось; я не сражаюсь, согрелась и чувствую, что у меня есть руки и ноги, а особливо левая нога очень ощутительно дает мне знать, что я имею ее; она распухла, почернела и ломит нестерпимо: я получила контузию от ядра. Вахмистр не допустил меня упасть с лошади, поддержал и отвел за фронт. Несмотря на столько битв, в которых была, я не имела никакого понятия о контузии; мне казалось, что получить ее не значит быть ранену, и потому, не видя крови на колене своем, воротилась я к своему месту. Подъямпольский, оглянувшись и видя, что я стою перед фронтом, спросил с удивлением: “Зачем ты воротился?” – “Я не ранен”, – отвечала я. Ротмистр, полагая, что меня ударила пуля на излете, успокоился, и мы продолжали стоять и выдерживать огонь до самой ночи. Тогда неприятель начал освещать нас светлыми ядрами, живописно скачущими мимо нашего фронта; наконец и эта забава кончилась, все затихло. Полк наш отступил назад и спешился; но эскадрон Подъямпольского остался на лошадях. Я не в силах была выдерживать долее мучений, претерпеваемых мною от лома в ноге, от холода, оледенявшего кровь мою, и от жестокой боли всех членов (думаю, оттого, что весь день ни на минуту не сходила с лошади)…»

Ранение Надежды Андреевны, которому она поначалу не придала большого значения, впоследствии оказалось достаточно серьезным. Контузия левой ноги мучила ее потом очень долго. Об этом говорится в рапорте сарапульского лекаря Вишневского. Он осматривал раненого поручика Литовского уланского полка Александрова в феврале 1813 года и написал: «…на левой ноге на два перста повыше колена имеется большая опухоль, распространяющаяся вверх бедренной кости, впоперек оной ноги, где сия опухоль, имеется приметный рубец шириною четыре геометрических линии, длиною до одного вершка. Кость не была повреждена… На вопрошание его Александров… ответил ему, Вишневскому, что рубец сей причинен ему, будучи в сражении против неприятеля, от коснувшейся картечи с причинением в кости боли, от которой с тех пор и по сие время на самом том месте не сходит опухоль…»

Дурова, считая себя легкораненой, вместе с однополчанами отправилась ранним утром 26 августа на боевые позиции,

назначенные литовским уланам приказом Главнокомандующего. Так поступили многие легкораненые русские офицеры и солдаты, оставшиеся в своих воинских частях после боя за Шевардинский редут. Они понимали огромное значение будущей битвы для судьбы своей родины и хотели участвовать в ней.

Перед сражением, 25 августа вечером, по расположению наших полков прошел крестный ход с иконой Смоленской Богородицы.

Диспозиция для 1-й и 2-й Западных армий была подписана Голенищевым-Кутузовым 24 августа 1812 года. Главнокомандующий считал местность у Бородина одной «из наилучших, которую только на плоских местах найти можно: По его мнению, слабым участком был левый фланг, но этот недостаток он рассчитывал «исправить искусством».

В донесении императору Александру I он писал: «Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе».

На кроках (набросках к плану. – *А.Б.)* боевых позиций у Бородина, которые Голенищев-Кутузов подписал 25 августа и которые сохранились до наших дней, хорошо видно расположение Литовского уланского полка. Он стоял левее деревни Семеновское. Справа от него находились полки 27-й пехотной дивизии, слева – Ахтырский гусарский полк, позади – полки 2-й кирасирской дивизии генерал-майора Дуки. Основным опорным пунктом являлись укрепления, прикрывавшие левый берег Семеновского оврага и получившие название «Багратионовы флеши».

Честь почина кавалерийских схваток на поле Бородина принадлежала гусарам Ахтырского полка и драгунам Новороссийского полка. Защищая укрепления, они яростно врубились в колонны вражеской пехоты во время второй атаки французов, которая началась в 6 часов 30 минут утра и продолжалась около получаса. Тем не менее противнику удалось прорваться на южную флешь. Выбила его оттуда доблестная русская пехота – полки 27-й дивизии генерал-майора Д. П. Неверовского.

Командующий 4-м кавкорпусом генерал-майор граф Сиверс, видя, что напряжение боя нарастает, отрядил на помощь пехоте Литовский уланский, Ахтырский гусарский, Киевский драгунский полки. Обскакав Семеновское справа, наши конники примчались к укреплениям и встретились здесь с легкой кавалерией генералов Бермана и Брюйера. Уланы, гусары и драгуны легко оттеснили французов с поля перед укреплениями. К 9 часам утра неприятель откатился на свои исходные позиции.

Теперь Наполеон отправил к Мюрату и Нею одну из лучших пехотных дивизий в корпусе Даву – дивизию генерала Фриана. В 9 часов 20 минут утра французы вновь построились в боевой порядок и пошли в атаку на флеши. На флангах и во второй линии за пехотой следовала кавалерия. Вот что увидел на поле перед укреплениями офицер 2-го кирасирского полка дивизии генерала Сен-Жермена: «Вся местность перед флешами была завалена телами французов, а сами флеши и местность позади них – телами русских. На этом пункте русские переходили несколько раз в наступление. Тела убитых затрудняли движение сражающихся, они ходили по крови, которую насыщенная земля отказывалась поглощать. Этот редут (флеши) – ключ для поля сражения – был блистательно атакован и столь же мужественно обороняем…»

В ходе четвертой атаки пять французских дивизий захватили полуразрушенные укрепления. Два их полка даже прорвались вглубь и заняли часть деревни Семеновское. В этот решительный час князь Багратион послал в бой кавалерийский отряд под общим командованием генерал-майора И. С. Дорохова. Это были прежние сослуживцы Дуровой, мариупольские гусары, а также – сумские гусары, драгуны Курляндского и Оренбургского полков. Кроме того, к Багратионовым флешам подошли две пехотные дивизии под командованием генерал-лейтенанта М. М. Бороздина и 2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Карла Меленбургского. Русские солдаты заставили противника отступить. В преследовании бегущих принимали участие полки Литовский уланский, Киевский, Новороссийский, Черниговский драгунские…

Вечером 26 августа 1812 года командующий 4-м кав-корпусом Сиверс представил Главнокомандующему князю М. И. Голенищеву-Кутузову рапорт об участии в битве вверенных ему воинских частей на левом фланге. В нем рассказывалось о действиях литовских улан после 12 часов дня 26 августа, когда на флешах был ранен князь Багратион и французы захватили эти укрепления:

«Вашей светлости имею честь донести, что по взятии армиею сего месяца 25-го числа по утру позиции, неприятель по утру 26-го атаковал левый фланг армии; по приказанию его сиятельства г-на Главнокомандующего 2-ю армиею отрядил я несколько кавалерии в подкрепление пехоты, расположенной в двух флангах впереди позиции…

Батареи, выстрелив последние заряды, тщетно старались откуда-нибудь истребовать снарядов. Один ящик усердием и расторопностью Литовского уланского полка полковым писарем,

который при полку во всех действиях находился, весьма вовремя приведен был, когда неприятель сделал новое покушение на батарею; орудия действовали вторично столь хорошо, что неприятель принужден был поспешно отступить в совершенном беспорядке. Невзирая на недостаток снарядов оныя 5 орудий мною удержаны были под прикрытием егерей и пехоты под командою г-на генерал-майора князя Шаховского и Литовского уланского полка до самого вечера.

Когда неприятель в третий раз покусился атаковать батарею из 5 орудий под лесом находящуюся, за неимением при орудиях зарядов нечем было неприятеля встретить, тогда приказал я и сии 5 орудий свезти, что и учинено было под прикрытием атаки Литовского уланского полка на неприятельскую пехотную колонну, но другая колонна по опушке леса следующая за лощиною, понудила уланский полк к отступлению, который пройдя кустарники пристроился опять к батареям на левом фланге кирасирской дивизии…»

Литовский уланский полк перед Бородинским сражением имел в восьми эскадронах около 450 всадников. Атаки под огнем артиллерии, рукопашные схватки с вражеской пехотой и кавалерией большой урон нанесли конскому составу: картечными и ружейными пулями было убито 78 строевых лошадей, при скачке через овраги и перелески у деревни Семеновское без вести пропало 24 строевых лошади. Потери в людях были несколько меньше: убито 25 нижних чинов, ранено – 31, без вести пропал 21 человек.

Об офицерах документы говорят подробнее. Так, 26 августа 1812 года во время атаки на французскую пехоту осколком гранаты был убит ротмистр Михаил Андреевич Слепушкин; командир эскадрона ротмистр Федор Григорьевич Залога ранен ружейной пулей; штабс-ротмистр Игнатий Осипович Бернацкий 2-й получил 7 легких ран от ружейных пуль; поручик Андрей Рафаилович Ямялковский был контужен ядром в левое плечо, но остался в строю; поручик Филат Андреевич Ржонсницкий 2-й был контужен ядром в ногу, но остался в строю; корнет Карл Иванович Либерт ранен ружейной пулей в ногу; корнет Всеволод Петрович Степанов 3-й тяжело ранен ружейной пулей в правый бок; корнет Гаврила Петрович Назимов 2-й, который находился «на ординарцах» при генерал-адъютанте И. В. Васильчикове, ранен ружейной пулей.

Князь Голенищев-Кутузов в своем рапорте императору Александру I дал высокую оценку действиям русской армии у Бородина: «Сей день пребудет вечным памятником мужества и отличной храбрости российских воинов, где вся пехота кавалерия

и артиллерия дрались отчаянно. Желание всякого было умереть на месте и не уступить неприятелю. Французская армия под предводительством самого Наполеона, будучи в превосходнейших силах, не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростию жизни за свое отечество». Эти слова Главнокомандующего в полной мере можно отнести и к литовским уланам…

Судя по всему, 27 и 28 августа Надежда Андреевна провела в каком-то селе недалеко от Можайска, где находила обоз Литовского уланского полка, а 29 сентября отправилась к полку, ведя отряд из 24 нижних чинов для пополнения своего эскадрона. Армия в это время уже двигалась к Москве.

У Москвы Голенищев-Кутузов еще надеялся дать противнику сражение, в котором тот получил бы «конечный удар». Однако позиция, найденная генералом от кавалерии бароном Л. Л. Бенигсеном в четырех километрах от древней столицы, не отвечала возможностям сильно поредевших войск, а подкрепления, о которых просил Главнокомандующий, так и не прибыли. В деревне Фили, в избе крестьянина А. Фролова 1 сентября 1812 года состоялся военный совет. В нем приняли участие девять генералов. Главнокомандующий, выслушав всех, огласил свое решение: боя не давать, армии оставить Москву.

В ночь с 1 на 2 сентября войска начали отход через Москву. Они двигались двумя колоннами через Дорогомиловский мост и Замоскворечье к Рязанской дороге. С чувством великого смятения наблюдали москвичи за полками пехоты и кавалерии, покидающими город. Теперь уже никто не хотел оставаться в Москве. К утру 2 сентября нескончаемый поток карет, повозок, телег потянулся по улицам. Жители уходили вместе с армией. Дурова в эти дни была в городе. Она отпросилась из полка для того, чтобы заказать себе теплый мундир на вате для будущей зимней кампании. Одежду ей сшили очень быстро, но выбралась она из Москвы с трудом.

Вероятно, в полк Надежда Андреевна вернулась 4 или 5 сентября. Литовские уланы были отправлены в состав арьергарда армии, командовать которым стал генерал от инфантерии М. А. Милорадович. Арьергард прикрывал знаменитый кутузовский марш-маневр, когда русским войскам удалось оторваться от противника и уйти к селу Тарутино. У Подольска они находились с 6 по 8 сентября, затем пошли дальше, к Красной Пахре, где и пробыли до 16 сентября 1812 года.

Поручик Александров в действиях арьергарда не участвовал. Дурова поссорилась с подполковником Отто Отто вичем Штакельбергом, который исполнял должность полкового

командира у улан, и самовольно уехала на Главную квартиру армии. Здесь произошла ее встреча с М. И. Голенищевым-Кутузовым. Он разрешил ей остаться при его штабе ординарцем. Вообще в этой истории много неясного, но в советское время она изрядно занимала исследователей. Ей придавали слишком большое значение, хотя сама Надежда Андреевна службу в штабах не любила и называла себя «простым фрунтовым офицером», то есть строевиком. Тем не менее слова «Ординарец Кутузова» высечены на мраморной стеле, установленной на том месте, где находился дом семьи Дуровых в городе Сарапуле.

Видимо, ни трудные обязанности взводного командира при летнем отступлении армии от Гродно к Москве, ни участие в двух кровопролитных сражениях под Смоленском и у села Бородино не придали первой русской женщине-офицеру в глазах ее земляков такой славы, как краткое пребывание возле великого полководца.

В действительности оно не могло занимать более десяти дней.

Появление поручика Александрова на Главной квартире можно отнести к 7–9 сентября, а его отъезд оттуда к 17–18 числу того же месяца. Косвенное подтверждение этому есть в книге: «Теперь мы живем в Красной Пахре, в доме Салтыкова, – пишет Дурова. – Нам дали какой-то дощатый шалаш, в котором все мы (то есть ординарцы) жмемся и дрожим от холода…». Другие места постоя в книге не указаны. Армия же находилась в Красной Пахре с 8 до 16 сентября 1812 года.

В Журнале исходящих бумаг собственной канцелярии Главнокомандующего имеется запись под № 306 о том, что старший адъютант Голенищева-Кутузова майор Скобелев по приказу своего шефа 16 сентября 1812 года выдал поручику Литовского уланского полка Александрову из экстраординарной суммы, которой фельдмаршал распоряжался по своему усмотрению, 150 рублей «для поездки по делам службы в город Сарапул и обратно». Кроме денег, «кавалерист-девица» получила курьерскую подорожную, что значительно ускоряло ее путешествие домой.

Однако в рапортах Литовского уланского полка перевод Дуровой в штаб армии не отмечен. Это странно, потому что подобного рода командировки офицеров должны были обязательно находить отражение в приказах. О поручике Александрове в этих документах лишь сказано, что он «с 24 августа от контузии болен» и числится в эскадроне полковника Скорульского. Такая запись фигурирует в рапортах за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1812 года. Похоже, командование полка ничего не знало о самостоятельном определении Надежды

Андреевны в ординарцы к Главнокомандующему. Хотя в книге Дурова сообщает, что фельдмаршал ей сказал: «Теперь подите к дежурному генералу Коновницыну и скажите ему, что вы у меня бессменным ординарцем», но, вероятно, никаких официальных распоряжений им на этот счет сделано не было. Во всяком случае, ни в бумагах собственной канцелярии Главнокомандующего, ни в документах Литовского уланского полка соответствующего приказа не найдено. На каких основаниях «кавалерист-девица» находилась при Главной квартире, какие именно служебные обязанности она там исполняла, – об этом говорить сегодня со всей определенностью невозможно…

Жизнь свела Надежду Андреевну с крупнейшими военными деятелями этой эпохи. Первое место среди них, без сомнения, занимал император Александр I, к которому она относилась с чувством глубокой верноподданнической любви и восторга. Ей также удалось завоевать симпатии графа Буксгевдена, военного министра графа Аракчеева. Надолго запомнились ей встречи и беседы с генералом Ермоловым в Киеве летом 1810 года. Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову она отвела в своем произведении особое место. Дурова пишет: «…я вошла и не только с должным уважением, но даже с чувством благоговения поклонилась седому герою маститому старцу, великому полководцу…»

Современники относились к Голенищеву-Кутузову по-разному. Император Александр I не мог простить ему поражения русских при Аустерлице, в котором сам был виноват. Генерал от кавалерии граф Л. Л. Бенигсен, назначенный начальником Главного штаба армии в августе 1812 года, фактически саботировал распоряжения Главнокомандующего и писал на него доносы царю в Петербуг. Некоторые молодые генералы не считали его способным к выполнению той высокой миссии, которая на него была возложена после вторжения французов в Россию. Например, среди ненавистников великого полководца был и генерал Н. Н. Раевский, который в сентябре 1812 года писал своему родственнику: «…поверите ли, что переменив Барклая, который не великой полководец, мы и тут потеряли. 26-го было Генеральное сражение, нами никто не командовал, а оное было столь жестокое, какого примера не было. Уговорили все Кутузова на рассвете атаковать…»

Но, как говорится, глас народа был другим. «Приехал Кутузов бить французов!» – шутили солдаты в августе 1812 года. Надежда Андреевна, находясь бок о бок с нижними чинами, конечно, лучше знала их мысли, настроения, суждения. В их среде авторитет Голенищева-Кутузова был непререкаемо высоким. Они

свято верили ему, в правильности его приказов не сомневались, готовы были идти за ним в огонь и воду.

М. И. Кутузов. Художник Дж. Доу

Познакомившись с «кавалерист-девицей» лично, фельдмаршал без колебаний взял ее под свое покровительство. Молодая женщина, которая посвятила себя военной службе, сумела быть на равных с мужчинами на этой трудной стезе и на поле боя доказала свою храбрость, вызвала у полководца уважение и симпатию. Оставив героиню при Главной квартире, он не озаботился мелочами: составление приказов и письменных распоряжений, – зато дважды беседовал с ней. Затем, когда Дурова уехала в Сарапул, он написал ей письмо, в котором

разрешил быть дома до весны 1813 года, пообещал выхлопотать ей награду за прошедшую кампанию с французами и устроить ее и ее младшего брата Василия на службу в свой штаб. Но еще раз увидеться им было не суждено. Генерал-фельдмаршал светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский скончался 13 апреля 1813 года в городе Бунцлау в Силезии.

Отставной штабс-ротмистр Александров

> Сегодня я уезжаю. Батюшка, прощаясь со мною, сказал: «Не пора ли оставить меч? я стар, мне нужен покой и замена в хозяйстве, подумай об этом». Я испугалась такого предложения!.. Мне казалось, что вовсе не надобно никогда оставлять меча; а особливо в мои лета, – что я буду делать дома! Так рано осудить себя на монотонные занятия хозяйства! Но отец хочет этого!.. Его старость!.. Ах! нечего делать. Надобно сказать всему прости!., и светлому мечу, и доброму коню… друзьям!.. веселой жизни!.. ученью, парадам, конному строю!.. скачке, рубке… всему, всему конец!..
>
> *Н. Дурова. «Кавалерист-девица.*
>
> *Происшествие в России»*

Дату своего отъезда из отцовского дома Надежда Андреевна указывает в книге: 1 мая 1813 года, понедельник. Согласно рапорту городничего города Сарапула А. В. Дурова Вятскому гражданскому губернатору, поручик Литовского уланского полка Александров отбыл в свою воинскую часть почти на две недели позже: 12 мая 1813 года. Однако сразу в полк героиня не попала. Кавалерийских офицеров, возвращающихся из отпусков, собирали в городе Слониме, где находился штаб генерала от кавалерии А. С. Кологривова.

С октября 1812 года по Высочайшему приказу в России начали формировать кавалерийские резервы. Эта работа была поручена Кологривову. Поначалу центром формирования был избран город Муром. Туда направляли отставших от полков, излечившихся в госпиталях солдат, унтер-офицерев и офицеров регулярной конницы, а также рекрутов 83-го и 84-го наборов, признанных годными к этой службе.

Штаб кавалерийских резервов перемещался вслед за армией, гнавшей врага на запад: из Мурома – в Могилев, из Могилева – в Слоним, из Слонима – в Брест-Литовск, где в июне 1814 года и прекратил свое существование.

Примерно полтора месяца: с конца июня до первых чисел августа 1813 года офицером кавалерийских резервов являлась и Дурова. Она получила в командование эскадрон в 150 голов

лошадей и 40 нижних чинов, расположенный около города Лаишина Гродненской губернии. Надежда Андреевна весьма подробно рассказала об этом в книге: «Теперь июль; в течение длинного летнего дня я ни на минуту не соскучиваюсь, встаю на заре в три часа, то есть просыпаюсь, и тогда же улан приносит мне кофе, которого выпиваю стакан с черным хлебом и сливками. Позавтракав таким образом, иду осматривать свою паству, размещенную по конюшням; при мне их ведут на водопой; по веселым бодрым прыжкам их вижу я, что уланы мои следуют примеру своего начальника: овса не крадут, не продают, но отдают весь этим прекрасным и послушным животным; вижу, как формы их, прежде искаженные худобой, принимают свою красивость, полнеют, шерсть прилегает, лоснится, глаза горят, уши, едва было не повисшие, начинают быстро двигаться и уставляться вперед; погладив и поласкав красивейших из них, приказываю оседлать ту, которая веселее прыгает, я еду гулять…»

Судя по этому отрывку, Надежда Андреевна занималась не подготовкой личного состава, а строевыми лошадьми. Дело в том, что в начале 1813 года правительство России столкнулось с большими трудностями при пополнении регулярной конницы верховыми лошадьми. Это было следствием Отечественной войны 1812 года, когда разорению подверглись западные губернии империи: Гродненская, Минская, Витебская, Литовская, Смоленская, традиционно поставлявшие в армию конский состав. Императору Александру I пришлось даже разрешить жителям Подольской и Волынской губерний вместо рекрут сдавать в армию лошадей.

Кроме того, по распоряжению Военного министерства специально откомандированные офицеры-ремонтеры ездили по российским деревням и городам, пострадавшим от французского нашествия, и собирали там строевых лошадей, брошенных во время отступления армии и при боевых действиях: раненых, больных, изнуренных длительными переходами. Их объединяли в резервные эскадроны численностью от 100 до 150 голов и отправляли на откорм и лечение под присмотром опытных офицеров-кавалеристов…

В свой полк Дурова прибыла в августе 1813 года, перед походом в Польшу. Она узнала, что в воинской части произошли большие изменения. Теперь в каждом полку кавалерии насчитывалось 6 действующих эскадронов и 1 резервный. Из старых сослуживцев по эскадрону Скорульского «кавалерист-девица» нашла в полку лишь корнета Семена Торнезио. Ее любимый командир ротмистр Петр Подъямпольский тяжело заболел в феврале 1813 года и остался на излечении в местечке

Лович. Поручик Петр Чернявский находился в отряде генерала Корфа, действовавшем в Пруссии. Да и самого эскадрона не существовало: при переформировании полка всех офицеров, унтер-офицеров и рядовых, уцелевших после летних боев с французами, перемешали с вновь прибывшим пополнением.

Зато уже не было в Литовском уланского полку и главного обидчика «кавалерист-девицы» – подполковника О. О. Штакельберга. В арьергардном бою он получил огнестрельную рану и уехал на лечение. Полком стал командовать подполковник Григорий Михайлович Лопатин, 32-х лет от роду, из дворян Белорусской губернии Полоцкого уезда, где «за отцом его 75 душ крестьян мужска пола», холостой. Военную службу Лопатин начал в 1800 году. Он поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, через два года стал там офицером. В 1805 году вместе с однополчанами Григорий Михайлович совершил поход в Австрию и отличился в сражении при Аустерлице. В 1807 го ду за сражение у Фридланда поручик Лопатин получил Золотую шпагу с надписью: «За храбрость». В марте 1810 года он, произведенный в подполковники, перевелся из гвардии в Литовский уланский полк.

Поручик Александров по новому полковому расписанию в 1813 году попал в эскадрон полкового командира подполковника Лопатина. Судя по воспоминаниям Надежды Андреевны, Лопатин относился к ней очень хорошо. Он вообще был человеком мягким, бесконфликтным и в то же время деятельным. В отличие от Тутолмина, Лопатин не побоялся взять на себя командование воинской частью, расположением высшего начальства не пользующейся и как бы неблагонадежной.

Более того, он старался переломить это негативное отношение к литовским уланам, которые в Заграничном походе русской армии верой и правдой служили своему Государю. Они отлично действовали при осаде крепости Модлин в Польше в августе – октябре 1813 года, затем походом прошли по Силезии и Богемии и с декабря 1813 года находились у города Гамбурга.

Боевые действия здесь отличались большим ожесточением. Оборону держал корпус маршала Даву в количестве 36 тысяч человек с артиллерией в 300 пушек. Город был превосходно подготовлен к осаде и имел более двадцати хорошо оборудованных бастионов. Первую попытку овладеть крепостью союзные войска – русские и немецкие – предприняли 4 января 1814 года и были повсюду отбиты. Еще раз они пошли на приступ 20 января и хотели овладеть укреплениями Гаарбурга, находящегося на левом берегу Эльбы, напротив Гамбурга, однако

потеряли 400 человек убитыми и вернулись на свои позиции ни с чем. В феврале опять было два штурма, окончившихся безрезультатно.

Даву капитулировал лишь 5 мая, узнав об отречении Наполеона. После снятия осады с города Гамбурга подполковник Лопатин подал вышестоящему начальству рапорт на 20 листах. Он подробно описал в нем действия солдат и офицеров Литовского уланского полка при четырех штурмах города, указал число убитых, раненых, пропавших без вести, особо подчеркнув, что за период с декабря 1813 года по май 1814 года побегов в полку не было. Также Лопатин сообщил, что в 1812–1813 г. нижние чины не получили НИ ОДНОГО знака отличия Военного ордена, и дал список офицеров, «в кампании 1812 года достойные подвиги оказавших, но за оные вовсе не награжденных».

В этом списке было 18 человек.

Оказалось, что в полку, принимавшем активное участие в боевых действиях Отечественной войны 1812 года, строевые офицеры получили всего десять наград. Лопатин выражал надежду, что его представление теперь будет «рассмотрено надлежащим образом» и несправедливость, допущенная по отношению к храбрым литовским уланам, устранена.

Подполковник Лопатин был прав. Награждения за 1812–1814 гг., полученные в других кавалерийских частях, свидетельствуют, что несправедливость тут и впрямь имела место. Например, в Мариупольском гусарском полку за данный период времени нижним чинам было роздано около 180 знаков отличия Военного ордена, 28 обер-офицеров получили награды (в основном ордена Св. Анны 3-йстепени и Золотые сабли с надписью: «За храбрость») все штаб-офицеры имели по 2–3 ордена, в том числе 3 человека – орден Св. Георгия 4-й степени.

Однако можно сказать, что рапорт Лопатина остался без должного рассмотрения. Из всего списка офицеров, им представленного, ордена за кампанию 1813–1814 гг. получили двое: штабс-ротмистр Ржонсницкий 1-й (орден Св. Владимира 4-й степени) и корнет Назимов 1-й (орден Св. Анны 3-й степени). Сам Лопатин был награжден прусским орденом «Pour le Merite», его также произвели в полковники и откомандировали в другую дивизию.

В первых числах января 1816 года состоялся Высочайший приказ о назначении командиром литовских улан полковника лейб-гвардии Гусарского полка Чеченского. Вскоре он прибыл в Литовский уланский полк, находившийся тогда в городе Великие Луки Псковской губернии. Появление этого человека имело для полкового офицерского общества далеко идущие последствия.

О прежней, дружеской, почти семейной атмосфере, царившей здесь при Лопатине, пришлось забыть. Ведь Чеченский действительно был чеченцем, мальчиком, подобранным в горном ауле офицерами Нижегородского драгунского полка во время одной из карательных экспедиций на Кавказе. Его крестили, дали русское имя и отчество – Александр Николаевич, – воспитали как сына полка, помогли дослужиться до чина офицера. Но дикий нрав этого племени, злобный, вздорный характер остался при нем. Получив почти неограниченную власть на должности командира полка, чеченец показал себя во всей красе. Правда, продолжалось это недолго. Но изгнать из воинской части заслуженных боевых офицеров – участников Отечественной войны 1812 года он успел.

В течение 1816 года из полка в отставку «за ранами и болезнями» ушло 19 обер-офицеров. Первым из них был поручик Александров. Высочайший приказ об этом датируется 9 марта 1816 года. «Кавалерист-девица» была уволена от службы штабс-ротмистром с правом ношения мундира. Кроме того, император, стараясь загладить обиду, нанесенную бешеным кавказцем, пожаловал ей 2 тысячи рублей в награду «за усердную службу в минувшую кампанию с французами».

Скорее всего, Надежда Андреевна решила уйти из родного полка, подчинившись какому-то сильному эмоциональному порыву. Служить ей вместе с полковником Чеченским, видимо, было уж совсем невозможно. Но потом она пожалела о своем поступке. В декабре 1816 года, находясь в Санкт-Петербурге, Дурова подала прошение в канцелярию Главного штаба, ее директору генерал-майору князю А. С. Меншикову:

«Ваше сиятельство милостивый государь! Сего года в марте месяце я вышел в отставку. Это было величайшее безрассудство. Природа, дав мне непреодолимую склонность и вместе способность к военной службе, сделала ее моею стихиею. Скоро будет год, как тщетно стараюсь привыкнуть к странности видеть себя в бездействии. Я решился наконец не теряя времени в бесполезных сожалениях, вступить опять в службу и никогда уже ее не оставлять…»

Судя по тексту прошения, «кавалерист-девица» была совершенно уверена в том, что ее венценосный покровитель немедленно примет отставного штабс-ротмистра Александрова в ряды своей армии и будет, как прежде, добр и милостив к нему. Однако этого не случилось. Император Александр I не разрешил женщине-офицеру поступить на военную службу вновь.

Многие соратники Александра Павловича отмечали, что при окончании войны с Наполеоном в поведении и настроении

русского царя произошел какой-то загадочный перелом. Он охладел к своим подданным, охладел к своему войску и утратил духовную связь с ним, которая, несомненно, существовала в первый период его царствования. Императора теперь интересовала не его собственная армия, а дипломатическая борьба, развернувшаяся на Венском конгрессе, где в присутствии коронованных особ, министров и многочисленных сотрудников дипломатических миссий (всего до 216 делегаций) решалась судьба послевоенной Европы. Когда же в июне 1815 года Венский конгресс завершился, он всей душой отдался работе по созданию Священного союза государей России, Австрии и Пруссии (договор был подписан в сентябре 1815 года).

О переменчивом, даже двойственном характере российского самодержца первым из знаменитых европейцев заговорил Наполеон, встретившись с Александром Павловичем в Тильзите в июне 1807 года: «Царь Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять, он не искренен; это истинный византиец… тонкий, притворный, хитрый…». Однако, это – отзыв нашего непримиримого врага, питавшего ненависть ко всем русским.

Вряд ли интерес Александра Павловича к «кавалерист-девице», познакомившейся с ним в декабре 1807 года, был фальшивым, притворным. Государю не было никакой нужды разыгрывать спектакль перед одной из миллионов подданных его огромной империи. Но годы шли. Целая эпоха канула в вечность, а вместе с ней – его романтические представления о мире, людях, их отношениях. После 1814 года переговоры с бывшими недругами России вел уже ИНОЙ человек: расчетливый, осторожный, жесткий. Может быть он, как никто другой, понимал, что в этой новой действительности прежним героям нет места…

Брат Василий

> Наконец пришел и маленький брат мой в горном мундире; он долго совещался с нянькою, как ему обойтись со мною: поклониться только или поцеловать у меня руку; и когда нянька сказала, чтоб он сделал так, как ему самому хочется, то он в ту минуту побежал броситься в мои объятия, целуя его, я говорила батюшке, что жаль было бы оставить такого прекрасного мальчика в горной службе и что года через три батюшка позволит мне взять его с собою в гусарский полк. «Нет, нет. Боже сохрани! – сказал батюшка. – Сама будь, чем хочешь, когда уже вышла на эту дорогу, но утеха старости моей, мой ВАСЕНЬКА, останется со мною!..
>
> *Н. Дурова.*
>
> *«Кавалерист-девица. Происшествие в России»*

Василий Андреевич Дуров родился в январе 1799 года и был седьмым ребенком в семье градоначальника города Сарапула А. В. Дурова. К этому времени в живых оставались только две его старшие сестры: Надежда и Клеопатра. Долгожданный наследник, веселый, подвижный и смышленый мальчик, Василий рос, будучи любимцем всей семьи. Андрей Васильевич души в нем не чаял и баловал. Надежда Андреевна тоже очень его любила. Из-за разницы в возрасте, достигавшей 16 лет, он казался ей не братом, но и сыном, ведь он был всего на четыре года старше ее собственного ребенка, своего племянника Ивана Чернова.

Она всегда по-матерински заботилась о Василии и первую попытку устроить его судьбу сделала в декабре 1807 года. Однако Александр I согласился принять в Императорский военно-сиротский Дом только Ивана Чернова и ее младшую сестру Евгению Дурову – в женское отделение этого Дома. В мае 1813 года, выехав в действующую армию из Сарапула, «кавалерист-девица» взяла с собой и четырнадцатилетнего брата. Дуров-младший в это время был определен юнкером в лейб-гвардии Уланский полк, что, конечно, не могло произойти без санкции государя и без вмешательства таких могущественных знакомых Надежды Андреевны, как граф Аракчеев или генерал от инфантерии Барклай де Толли.

Явно не без протекции сановных особ произошел следующий поворот в его карьере. Через год с небольшим из юнкеров

Василий был произведен в первый офицерский чин и направлен в Литовский уланский полк. Шестнадцатилетний корнет Дуров явился в свою воинскую часть лишь в апреле 1815 года и стал служить вместе с сестрой в эскадроне майора Станкевича. Но совместная их служба продолжалась недолго.

Как уже говорилось ранее, в марте 1816 года Надежда Андреевна вышла в отставку. Василий Андреевич остался в полку и в феврале 1817 года был произведен в поручики. В августе 1818 года он перевелся в Ямбургский уланский полк. Кавалерийскую службу Дуров знал и любил, был на хорошем счету у начальства. В феврале 1820 года он стал штабс-ротмистром, в июле 1824 года – ротмистром. Ему уже обещали дать в командование эскадрон, что являлось заветной мечтой каждого молодого обер-офицера. Но семья решила иначе, и бравый ротмистр Дуров, проведя десять лет на службе в легкой кавалерии, с великим сожалением расстался с темно-синим уланским мундиром для того, чтобы надеть форменный фрак статского чиновника.

Еще в сентябре 1824 года коллежский советник А. В. Дуров, около 36 лет занимавший пост городничего в Сарапуле, подал прошение начальству о том, чтобы при его отставке «за старостью и болезням» эта должность была передана его сыну Василию, ротмистру Ямбургского уланского полка. Прошение поддержал вятский гражданский губернатор, и оно довольно легко прошло через Сенат. Переписка по этому вопросу тянулась почти год, и 7 июля 1825 года решение состоялось с тем условием, что 26-летний Василий Дуров, получив сейчас назначение, становится как бы стажером при своем отце, который еще будет являться на службу. Но это стажерство продолжалось всего год, так как Андрей Васильевич Дуров умер 10 июня 1826 года, будучи в возрасте 69 лет.

Дурову-младшему досталось непростое наследство.

С 20-х г. XIX столетия Сарапул бурно развивался, стал крупным промышленным и торговым центром на водной дороге к Уралу. Купцы, лесоторговцы, владельцы деревообрабатывающих и нефтяных предприятий, мыловаренных и пивоваренных заводов богатели на выгодных подрядах, крестьяне – на сбыте зерна и скота. Василий Андреевич был слишком молод и неопытен, чтобы ладить с хитрыми толстосумами, соблюдая в то же время интересы государства и других, менее обеспеченных слоев населения.

Кроме того, новый городничий шокировал чинное и благообразное купеческое сообщество своими неизжитыми еще замашками лихого кавалерийского офицера – кутежами, попойками с женщинами легкого поведения, любовными

приключениями с местными жительницами, которые он не считал нужным скрывать. У него также произошел конфликт с городским протоиереем Петром Онисимовым, который начал публично обличать его легкомысленные поступки.

В начале 1829 года Василий Дуров подал прошение о длительном отпуске для лечения на Кавказских минеральных водах, и губернатор, надеясь на исправление молодого фата, отпустил его на четыре месяца: с 14 мая по 14 сентября того же года. В августе – сентябре 1829 года Дурова уже видели в Кисловодске разные люди и оставили свои воспоминания о встречах с ним. Одним из таких знакомых стал великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, с которым Дуров подружился. Они оба были сверстниками (по 30 лет каждому), оба любили игру в карты, оба обладали неуемной творческой фантазией. У Пушкина она проявлялась в сочинении гениальных стихов, у Дурова – в придумывании фантастических историй, якобы случавшихся в его жизни. Он был веселый и остроумный собеседник. Александр Сергеевич с удовольствием проводил время в его компании. Из Кисловодска в Москву они поехали вместе, и Пушкин подарил даже Дурову свой автограф: забавный рисунок с надписью. В июне 1835 года поэт написал брату «кавалерист-девицы»: «Милостивый государь Василий Андреевич! Искренне обрадовался я, получа письмо ваше, напомнивше мне старое, любезное знакомство, и спешу вам отвечать…»

Речь шла об издании записок Надежды Андреевны. Пушкин согласился помогать Дуровым в этом деле.

Литературный дебют

> Прежде, нежели решилась я везти в столицу огромную тетрадь своих записок на суд и распоряжение Александра Сергеевича Пушкина, в семье моей много было планов и толкований о том, как это покажется публике, как примут, что скажут?.. Брат мой приходил в восторг от одной мысли, какое действие произведет на публику раскрытие тайны столь необычайного происшествия, но, видя, что я не разделяю его уверенности, старался ободрить меня и вразумить…
>
> Долго было бы описывать все доводы брата моего, которыми он старался передать мне свои надежды на успех, и хотя я иногда увлекалась его красноречивыми описаниями, но чаще недоверие к себе брало верх над всем, что он ни представлял мне. Я думала, что буду очень смешна, появившись в Петербурге с ничтожными записками, для того, чтоб их напечатать…
>
> *Н. Дурова. «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения»*

Переписка с Пушкиным по поводу издания мемуаров «кавалерист-девицы» относится к 1835–1836 гг. Однако первый вариант повести «Игра Судьбы, или Противозаконная любовь» (другое название «Елена, Т-ская красавица»), как уже говорилось ранее, был у нее готов где-то в 1814–1815 гг. Кроме того, она вела дневниковые записи в течение Отечественной войны 1812 года и Заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. Ее также интересовало устное творчество народов Поволжья и Прикамья (татары, вотяки, черемисы). Видимо, в 20-е гг. XIX века Надежда Андреевна собирала народные сказы и легенды, а потом обработала их, создав повести «Нурмека» и «Серный ключ», рассказ «Черемиска».

Поначалу она не придавала большого значения этим занятиям. Как и другие культурные люди того времени, Дурова видела в писательстве лишь возможность излить на бумагу свои мысли и чувства, запечатлеть какое-то яркое и событие для памяти, для чтения и обсуждения в кругу близких людей. О том, чтобы обратиться к более широкой аудитории и даже – получить за это деньги, она никогда не думала.

Василий Андреевич, тесно общаясь с Пушкиным в Кисловодске, вероятно, узнал много нового о литературных

гонорарах, о книгоиздании, о периодической печати. Судя по всему, он рассказал Пушкину о том, что его знаменитая сестра еще и пишет, что у нее есть не только дневники 1812–1814 гг., но и мемуары, повести, рассказы. Пушкин мог посоветовать Дурову все это издать.

Однако Надежда Андреевна не сразу решилась на такой шаг. Прошло почти шесть лет, прежде чем она (сначала через брата) обратилась к великому поэту. Первое письмо Дурова к Пушкину не сохранилось, но ответ на него известен. Пушкин подтвердил, что помнит «старое, любезное знакомство», и постарался вселить уверенность в начинающего литератора:

«Если автор “Записок” согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное, общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему…

Прощайте – с нетерпением ожидаю ответа…»

Нетерпение поэта понятно. Он в это время – середина июня 1835 года – уже думал об издании собственного литературного журнала «Современник» (разрешение было получено в январе 1836 года). Журнал надо было чем-то наполнять, чтобы заинтересовать подписчиков. Собственноручно написанные воспоминания первой русской женщины-офицера, крестницы императора Александра Благословенного, необычная судьба которой так занимала общество в эпоху Наполеоновских войн, без сомнения, являлись сенсационным материалом для любого периодического издания. Как следует из этого письма, Пушкин был готов купить их в рукописи, то есть не обращая внимания на литературное качество текста, с тем чтобы в дальнейшем самому отредактировать его или даже переписать, если он не будет отвечать высокому уровню задуманного им журнала.

А. С. Пушкин. Художник О. А. Кипренский

Вероятно, в начале июля 1835 года Дуровы получили послание Пушкина. Письмо поэта несколько озадачило Надежду Андреевну. Он говорил в нем, что «главное: истина, искренность». Она же помнила клятву, данную царю, и считала, что и сейчас не имеет права разглашать информацию, признанную государем конфиденциальной: о ее муже и сыне, о том имени (Александр Андреевич Соколов), под которым она служила в Польском конном полку. Потому «кавалерист-девица» решила отправить в Петербург лишь несколько фрагментов рукописи, чтобы узнать предварительное мнение поэта. Она также написала ему письмо:

«Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый сударь

Александр Сергеевич! Титулы кажутся мне смешны в сравнении с славным именем вашим. Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимани вашего, спешу сказать, что заставило меня писать вам: у меня есть несколько листов моих записок; я желал бы продать их и предпочтительно вам.

Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественников, тем более что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления. Цену назначьте сами, я в этом деле ничего не разумею и считаю за лучшее довериться вам самим, вашей честности и опытности…»

Пушкин получил пакет в начале марта 1836 года. Прочитав рукопись, он понял, что в руках у него находится, так сказать, «гвоздь» следующего номера журнала «Современник», который может сильно повлиять на распространение этого издания. Еще более порадовало поэта то обстоятельство, что произведение Дуровой ни в какой дополнительной обработке не нуждалось. Это была совершенно законченная, с точки зрения профессионала, вещь, привлекающая не только фактами, изложенными в ней, но и прекрасным своим стилем, языком, фабулой, характерами. Пушкин сообщил об этом Василию Андреевичу Дурову, назвав будущую публикацию их «общим делом»:

«Милостивый государь мой Василий Андреевич,

Очень благодарю Вас за присылку записок и за доверенность, Вами мне оказанную. Вот мои предложения:

I) Я издаю журнал: во второй книжке оного (т. е. в июле месяце) напечатаю я “Записки о 12-м годе” (все или часть их) и тотчас перешлю Вам деньги по 200 р. за лист печатный.

II) Дождавшись других записок брата Вашего, я думаю соединить с ними и “Записки о 12-м годе”; таким образом книжка будет толще и, следственно, дороже.

ПОЛНЫЕ «Записки», вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора – как ему будет угодно и выгоднее. Во всяком случае, будьте уверены, что приложу все возможное старание об успехе общего дела.

Братец Ваш пишет, что летом будет в Петербурге. Ожидаю его с нетерпением. Прощайте, будьте счастливы и дай Бог Вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александрова, которую ручку и прошу за меня поцеловать.

Весь Ваш А. Пушкин.

17 марта

1836.

СПб.

Сейчас прочел переписанные “Записки”: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен. 27 марта».

Журнал «Современник» был последней надеждой Пушкина поправить тяжелое финансовое положение его семьи. «Денежные мои обстоятельства плохи, – писал он в феврале 1836 года своему другу П. В. Нащокину в Москву. – Я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как пойдет…»

Первый номер «Современника» вышел в свет 11 апреля 1836 года.

В нем Пушкин опубликовал впервые несколько своих произведений: «Пир Петра Первого», «Из А. Шенье», «Скупой рыцарь», «Путешествие в Арзрум». Были здесь произведения и других литераторов пушкинского круга: Н. Гоголя, А. Тургенева, князя П. Козловского, барона Е. Розена. Были и дебютанты: корнет лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Султан Казы-Гирей написал для журнала статью «Долина Ажитугай», которая очень понравилась великому поэту.

Отзывы на первый номер журнала оказались вполне благожелательными.

Поэт занялся подготовкой второго номера. В 20-х числах апреля он отослал цензору А. Л. Крылову свои статьи «Российская академия» и «Французская академия», а также мемуары «кавалерист-девицы», к которым сам написал предисловие:

«ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ, ИЗДАВАЕМЫЕ А. ПУШКИНЫМ

Modo vir, modo foemina. Ov.*

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, дступил рядовым в Конно-польский уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский Георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский гусарский полк, впоследствии перешел он в Литовский уланский полк и продолжал свою службу столь же ревностно как и начал.

По-видимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений – и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время

сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы “Современника” отрывками из журнала, веденного ею в 1812—13 году. С глубочайшей благодарностью спешим воспользоваться ее позволением.

Издатель».

В этом предисловии, впоследствии неоднократно воспроизводившемся в разных изданиях, посвященных «кавалерист-девице», поэт сделал две фактографические ошибки, поскольку был незнаком с формулярным списком отставного штабс-ротмистра Александрова. Он неправильно указал дату вступления Дуровой на службу: «1808 год» вместо 1807-го, ее псевдоним «Александров» вместо Соколова. Но все это были пустяки по сравнению с главным: в предисловии Пушкин полностью раскрыл инкогнито автора мемуаров! Не спрашивая разрешения у героини, даже не поставив ее в известность, он назвал ее настоящее имя, отчество и фамилию, да еще присоединил к ним слово «девица», которое, конечно, не соответствовало реальному положению Дуровой. В это время она уже была вдовой.

Более того, не дожидаясь разрешения цензуры, Пушкин отправил рукопись в типографию, где на станках уже отливали в свинце буквы и набирали строчки материлов для второго номера «Современника». Поправить этот набор, что-либо изменить в нем было не только трудно, но и дорого. Таким образом гениальный поэт как бы ставил своего знаменитого автора перед свершившимся фактом, заставлял подчиниться его решению и ничего не оспаривать.

Поручив своим помощникам по изданию журнала князю В. Ф. Одоевскому и П. А. Плетневу следить за ходом типографских работ, Пушкин 29 апреля 1836 года уехал в Москву. Спустя несколько дней управляющий Гуттенберговой типографией И. И. Граффа прислал князю Одоевскому корректуру 5, 6 и 7 печатных листов, где помещались мемуары Дуровой, для вычитки, и сообщил, что цензор Крылов требует заменить в них имена офицеров Литовского уланского полка инициалами и точками, что и было сделано Одоевским. Обо всех издательских

проблемах Пушкину в Москву писала его жена, помогавшая ему в работе по выпуску журнала. Поэт в своем ответном послании от 11 мая 1836 года спрашивал Наталью Николаевну:

«Что записки Дуровой? пропущены ли Цензурою? Они мне необходимы – без них я пропал…». Однако цензор отнесся к произведению «кавалерист-девицы» благосклонно. Никаких других изменений или сокращений в тексте он не сделал. К концу мая, когда поэт вернулся в Петербург, типография в основном завершила набор и отпечатала около 250 страниц из запланированных 320 (в том числе и воспоминания Дуровой) для второго номера «Современника». В присутствии Пушкина работы пошли быстрее. В первых числах июня он подписал с типографией договор о выпуске журнала тиражом в 2400 экземпляров.

Надежда Андреевна почти весь май провела в дороге. Около двух тысяч верст проехала она в своей коляске, называемой в Прикамье «карандас», меняя на почтовых станциях только лошадей, вместе с ней это путешествие совершили ее любимая белая комнатная собачка по кличке Амур и слуга Тихон – мальчик двенадцати лет от роду. Она точно называет сумму, которую издержала на дорогу, – 600 рублей, более половины своей годовой пенсии. «Наконец, двадцать четвертого мая тридцать шестого года кончилось все… Я в Петербурге, я опять вижу тебя, великолепное жилище царей наших!»

Дурова поселилась в гостинице Демута, расположенной на набережной реки Мойки. Она сняла один из самых дешевых номеров на четвертом этаже и послала по городской почте короткое письмо Пушкину с сообщением, что она находится в столице. Великий поэт нанес «кавалерист-девице» визит, по-видимому, между 25 и 28 мая 1836 года. Она очень волновалась перед встречей с ним. Можно предположить, что и Пушкин с немалым интересом ждал знакомства с «женщиной, столь необыкновенной».

Дуровой в это время шел 53-й год. Но Надежда Андреевна сохраняла юношескую стройность и особую выправку кавалерийского офицера. В Елабуге она держала верховую лошадь, каждый день ездила верхом, совершала многоверстные пешие прогулки, легко переплывала Каму. Она тщательно следила за своей внешностью и органично чувствовала себя в штатском мужском костюме того времени: в казимировых обтягивающих ноги панталонах на штрипках, коротком шелковом жилете и темно-коричневом фраке, украшенном георгиевской ленточкой в петлице.

Похоже, что Александр Сергеевич не сразу нашел верный тон

в разговоре с отставным штабс-ротмистром. Сначала он пытался вести обычную великосветскую беседу, при которой даме нужно оказывать преувеличенное внимание. Надежда Андреевна отвечала ему спокойно и сдержанно. Она давно привыкла быть в мужском обществе, быть «на равных» с представителями сильного пола.

«Я не буду повторять тех похвал, которыми вежливый писатель и поэт осыпал слог моих записок…

Наконец Пушкин поспешил кончить и посещение, и разговор, начинавший делаться для него до крайности трудным. Он взял мою рукопись, говоря, что отдаст ее сейчас переписывать, поблагодарил меня за честь, которую, говорил он, я делаю ему, избирая его издателем моих записок, и, оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку. Я поспешно выхватила ее, покраснела и уже вовсе не знаю для чего сказала: “Ах, Боже мой! Я так давно отвык от этого!” На лице Александра Сергеевича не показалось и тени усмешки…».

На этом анекдоте Надежда Андреевна останавливавает свой рассказ о встрече с поэтом в повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». Но, к счастью, сохранилась переписка, свидетельствующая о том, что отношения автора и издателя чуть было не прервались из-за скандала, который закатила «кавалерист-девица», возмущенная самоуправством великого поэта. Ее возмущение было справедливым, ведь Пушкин покусился на самую главную тайну ее жизни. Об этом она узнала, когда прочла корректуру второго номера «Современника».

«Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! нет ли средства помочь этому горю? – спрашивала она. – “Записки” хоть и напечатаны, но в свет еще не вы шли, публика ничего об них не знает, итак, нельзя ли сделать таким образом: присоедините их к тем, что сегодня взяли у меня, издайте все вместе от себя и назовите: “Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова”. Что получите за эту книгу, разделите со мною пополам, за вычетом того, что употребите на печатание. Таким образом, вы не потерпите ничего чрез уничтожение тех листов, где вы называете меня именем, от которого я вздрагиваю, как только подумаю, что 20 тысяч уст его прочитают и назовут. Угодно ли вам мое предложение? не опечаливайте меня отказом…»

Надежда Андреевна была готова пойти даже на отказ от половины авторского гонорара, лишь бы Пушкин убрал из журнала свое предисловие. Она не хотела никакой славы. Ее устраивала прежняя анонимность, она все еще надеялась остаться

«русской амазонкой, известной под именем Александрова». Но это намерение совершенно не устраивало Пушкина. В журнале должна была быть сенсация, без нее «Записки о 12-м годе» теряли во многом свою притягательность для читателей.

Вид на Каму от Елабужского городища

Получив письмо «кавалерист-девицы», поэт тотчас ответил ей: «Вот начало Ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искренное и бескорыстное, – оставить как есть. “Записки амазонки” как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. “Записки Н. А. Дуровой” – просто, искренне, благородно. Будьте смелы – вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся». После этого он впервые подписался так, как обычно делал в переписке с близкими людьи и друзьями: «Весь Ваш А. П.»

При последущих встречах поэт сумел доказать Надежде Андреевне, что публикация в «Современнике» станет для нее не разовой акцией, а именно началом нового поприща, когда она сможет писать и издавать свои произведения, получая за этот труд денежное вознаграждение. Но писатель – человек публичный, он должен быть известным, так как его имя является своеобразной гарантией качества для читателей. Чем больше

интересного знают читатели о нем, тем быстрее раскупают его книги.

В конце концов Дурова согласилась с этим.

Впоследствии она в полной мере воспользовалась советами Пушкина и вела настоящую рекламную кампанию, продвигая на книжный рынок, довольно узкий в то время, свою продукцию. Не считаясь со временем, она посещала литературные и великосветские салоны для того, чтобы встречаться с потенциальными читателями. По их просьбам она рассказывала там свою легенду, читала наизусть целые страницы из мемуаров, терпеливо отвечала на вопросы, весьма бестактные и глупые, иногда дарила свои книги, но чаще – продавала их. Собственно говоря, рассказу об отношениях писателя и общества в середине XIX века Надежда Андреевна и посвятила повесть «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения»…

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» напечатала объявление о выходе в свет второго номера журнала «Современник» 7 июля 1836 года. «Записки Н. А. Дуровой» занимали в нем значительное место: от 53-й до 123-й страницы.

Хотя недруги великого поэта редакторы журналов «Библиотека для чтения» и «Северная пчела» Сенковский и Булгарин распространили слухи о том, будто божественный дар Пушкина угасает и публика уже не интересуется его творчеством, на самом деле второй номер «Современника» ждали. Письма, дневники и воспоминания людей пушкинской эпохи говорят об этом со всей определенностью. Так, князь Л. И. Голенищев-Кутузов, большой любитель поэзии, с сожалением отметил, что стихов Пушкина в журнале нет, но зато имеется превосходная проза – «Записки Н. А. Дуровой». «Стиль этого произведения настолько совершенен, – писал он, – что оно скорее всего является литературной мистификацией, выполненной самим Пушкиным…»

В наиболее законченной форме подобного рода толки передал в своем разборе второго номера «Современника» молодой московский критик Виссарион Белинский в журнале «Молва» (№ 13 за август 1836 года). В целом он отозвался о пушкинском детище весьма скептически. На его взгляд, единственным литературным произведением, заслуживающим внимания в этом номере, являлись мемуары «кавалерист-девицы»: «Здесь замечательна статья “Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным”. Если это мистификация, то, признаемся, очень мастерская; если подлинные записки, то занимательные, увлекательные до невероятности. Странно только, что в 1812 году могли писать таким хорошим языком и кто же еще? женщина;

впрочем, может быть они поправлены автором и в настоящее время. Как бы то ни было, мы желаем, чтоб эти интересные записки продолжали печататься…»

Следовательно, Пушкин, обещая Дуровой настоящую литературную славу, был абсолютно прав. После выхода в свет второго номера журнала «Современник» она стала знаменитостью в Санкт-Петербурге, которую напребой приглашали в свои дома столичные чиновники, аристократы, литераторы, журналисты.

Отношения между издателем – Пушкиным – и его автором – Дуровой – сделались теплыми, доверительными. Надежда Андреевна даже побывала на домашнем вечере у Пушкиных на даче, занимаемой его семьей на Каменном острове. Здесь речь шла об издании произведения героини, но уже в полном объеме и отдельной книгой. Рукопись до сих пор находилась у Пушкина, однако ее подготовку к печати (переписка текста, правка, цензура, договор с типографией) он не завершил.

В конечном счете издателем книги «Кавалерист-девица. Происшествие в России» выступил Иван Григорьевич Бутовский, двоюродный брат Дуровой по материнской линии. С героиней его объединяли не только родственные узы, но и сходная военная биография. Бутовский тоже был участником Наполеоновских войн. Как и его знаменитая кузина, Иван Григорьевич тоже интересовался литературой. Известность Бутовскому принес перевод весьма популярной в то время в Европе книги Ж–Ф. Мишо «История крестовых походов», «общеполезное значение» которого было отмечено рецензентами в журналах «Сын Отечества» и «Отечественные записки».

Бутовский входил в круг литераторов, близких к Пушкину, хорошо знал А. И. Тургенева и князя П. А. Вя земского. Он хотел стать сотрудником журнала «Современник». Но Вяземский в письме от 27 июля 1836 года охарактеризовал его как «набитого дурака, сотрудничество которого было бы бесполезно или даже вредно…» В конце концов Пушкин отказался привлечь Бутовского к работе над журналом, хотя опытные и квалифицированные переводчики ему были нужны.

Вероятно, и Дурова отдавала себе отчет в том, кто есть ее двоюродный брат, но выхода у нее не имелось. Книгу следовало издавать как можно быстрее, пока читатели не забыли публикации в «Современнике». Эта книга вышла в свет в ноябре 1836 года. Тираж ее составлял 900 экземпляров. Надежда Андреевна забрала его из типографии и перевезла на свою квартиру, которую снимала в районе Таврического сада. К этому времени она уже поссорилась с Бутовским, который требовал изменения условий договора и претендовал на часть тиража,

обещая взамен помочь с его продажей. Но «кавалерист-девица» не испугалась трудностей и стала продавать книгу сама. За полтора месяца у нее разошлось больше двухсот экземпляров. Правда, для этого ей пришлось ездить по приглашениям петербургской знати на их домашние вечера.

Пушкину все эти хлопоты были знакомы. Он поддержал коллегу по перу, опубликовав в «Современнике» (№ 4 за 1836 год, с. 303) краткую, но очень благожелательную рецензию. Московский поклонник таланта русской амазонки критик Виссарион Белинский откликнулся совсем уж восторженно: «Боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок, с ее юношеской проказливостью, рыцарским духом, с отвращением к женскому платью и женским занятиям. С ее глубоким поэтическим чувством. С ее грустным, тоскливым порыванием на раздолье вольной жизни из-под тяжелой опеки доброй, но не понимающей ее матери!.. И что за язык, что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостию и силою, этою яркою выразительностью своего слога. Этою живописною завлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию…»

Вскоре книгами Дуровой, как проверенным и ходовым на книжном рынке товаром, заинтересовался Александр Филиппович Смирдин (1795–1857), крупный петербургский книготорговец, владелец большого книжного магазина на Невском проспекте (ныне дом № 22) и частной библиотеки, издатель журнала «Библиотека для чтения», комиссионер пушкинского «Современника», также издававший произведения Пушкина отдельными книгами. Он посетил писательницу на ее квартире, убедился в том, что тираж еще не распродан, и предложил ей 7,5 рубля за один экземпляр при том, что забирал у нее 400 штук и сам вывозил их. Книги у Надежды Андреевны брал еще один петербургский книготорговец и издатель – Глазунов Илья Иванович (1786–1849). Он держал книжную лавку в Гостином дворе. Глазунов предложил Дуровой более высокую цену – 10 рублей, но книг взял гораздо меньше.

Совсем уверившись в том, что новая страница в ее жизни перевернута и вступление на литературное поприще прошло удачно, Надежда Андреевна обратилась к младшему брату своего прежнего венценосного покровителя – императору Николаю I. Она знала, что государь интересуется российской словесностью, что он – цензор Пушкина, и потому рассчитывала на особое внимание с его стороны к своему произведению. Через

военного министра графа Чернышева Дурова передала Его Величеству два экземпляра книги.

Книга царю понравилась, и Дурова получила стандартный царский подарок – бриллиантовый перстень ценою в тысячу рублей. Видимо, Надежда Андреевна ожидала чего-то большего, чем эта награда. Может быть, она думала, что Николай I, как и его старший брат, захочет увидеться с героиней книги и как-то повлиять на ее дальнейшую жизнь, например, увеличить ей пенсию.

Не дождавшись никакой «существенной пользы» от монарха, Надежда Андреевна сама занялась своими делами. Теперь эти дела лежали в сфере литературной. Ведь она привезла в столицу целый саквояж с толстыми тетрадями в кожаных переплетах, где находились ее произведения. Пришло время дать им жизнь, выпустить в свет. Тем более что первый опыт в издании книги Дурова получила, с книгоиздателями, редакторами журналов и писателями познакомилась, да и они уже хорошо знали «кавалерист-девицу», так как постоянно встречались с ней в литературных салонах Санкт-Петербурга.

После своего успешного дебюта в «Современнике» Надежда Анреевна, естественно, вошла в пушкинский круг литераторов. Но она была далека от борьбы литературных партий. Потому, нисколько не задумываясь о том, будет это приятно Пушкину или нет, она отдала рукопись «Игра Судьбы, или Противозаконная любовь» его конкуренту, в журнал «Библиотека для чтения». Его редактор Сенковский согласился купить произведение на выгодных для автора условиях: заплатил сразу, еще до публикации, и по самой высшей ставке. Повесть вышла в журнале в 1837 году (т. 23, кн. 1) под названием «Елена, Т-ская красавица». На этом сотрудничество Дуровой с «Библиотекой для чтения» не кончилось. Редакция приобрела еще одну ее рукопись – повесть «Граф Маврицкий», которая тоже появилась в журнале, но уже в конце 1857 года (т. 27, кн. 1).

Надежда Андреевна находилась в Петербурге, когда произошла дуэль Пушкина с поручиком Кавалергардского полка Дантесом. Некоторые исследователи задавались вопросом: почему Дурова, столь подробно описав свое знакомство и встречи с великим поэтом в книге «Год жизни в Петербурге…», ни словом не обмолвилась о его дуэли в этой книге. Сегодня мало кто знает о том, что правительство запретило тогда сообщать в печати о причинах смерти великого поэта и публиковатьть некрологи. Даже Жуковский в своей короткой заметке «Последние минуты Пушкина», помещенной в пятом номере «Современника» (1837 год), был вынужден изъять слова «дуэль» и «рана», отчего смерть

поэта воспринималась как следствие какой-то таинственной болезни.

Само собой разумеется, что Дурова знала об этом. И она придумала свой способ почтить память человека, благословившего ее на литературное поприще, оказавшего ей неоценимую помощь и поддержку в начале этого пути. К годовщине смерти Пушкина она написала повесть «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». И, заключив договор с типографией, самостоятельно издала ее. Эта книга вышла в начале 1838 года и стала ПЕРВЫМ В РОССИИ большим произведением, в котором рассказывалось о Пушкине, его журнальной деятельности и творчестве.

Фактически, кроме самого автора, главным персонажем повествования выступал именно великий поэт. Только он и был назван здесь по имени, отчеству, фамилии. Все остальные петербургские жители, с которыми сталкивалась героиня, обозначались лишь инициалами. Такое малое значение они имели для Дуровой рядом с гением русской литературы. Каким-то образом она сумела обойти все рогатки строгой цензуры и выпустила книгу, в которой не было лишь упоминания о смерти поэта.

Возможно, немалую роль в этом сыграло ее личное знакомство с председателем Цензурного комитета князем Михаилом Александровичем Дондуковым-Корсаковым (1794–1869). В его доме «кавалерист-девицу» все принимали как свою. Бывало, она по нескольку дней гостила в семье Дондуковых-Корсаковых и в книге «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» сердечно отозвалась об этих людях, противопоставив их холодному расчетливому «высшему свету».

Забрав экземпляры новой книги из типографии, Надежда Андреевна, как и ранее, сама занялась ее распространением и развозила по знакомым, которых у нее с лета 1836 года в столице было немало. Книга шла нарасхват. Никто не забыл Пушкина, а молчание его друзей, издателей журналов, признанных литераторов, публике казалось странным. Дурова вернула его в свет персонажем книги, и любой, знавший его, мог прибавить к этому портрету собственные воспоминания.

Следующие три года стали для Надежды Андреевны периодом напряженной литературной работы. Она писала неустанно, печаталась в журналах, выпускала отдельные книги и подготовила собрание собственных сочинений в четырех томах.

В 1840 году Надежда Андреевна издала в Петербурге, в типографии штаба Отдельного корпуса внутренней стражи три новых повести: «Клад» (225 с), «Угол» (268 с.) и «Ярчук – собака

духовидец» (в двух частях: 142 с. и 161 с). В журнале «Отечественные записки» она поместила рассказ «Два слова из житейского словаря: 1. Бал. 2. Воспоминание» (1840, т. 7, отд. 8, с. 38–62), а в журнале «Пантеон русского и всех европейских театров» – рассказ «Оборотень» (1840, с. 41–61). Белинский даже удивился такой ее плодовитости: «г. Александров, видимо, решился дарить нам каждый месяц по большой повести». Далее он разобрал все три сочинения, указав на то, что они, как это обычно у Дуровой, написаны хорошим слогом и представляют собой увлекательное чтение, но гораздо слабее предыдущих ее произведений.

В 60-е гг. XX столетия в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге были найдены ранее неизвестные ее письма, адресованные в 1838–1839 гг. Андрею Александровичу Краевскому (1810–1889), выпускнику Московского университета, журналисту и издателю. В них «кавалерист-девица» выступает уже как человек весьма опытный в издательском деле, как писатель, озабоченный финансовыми отношениями с издателями. Многое изменилось в ее жизни по сравнению с 1836 годом, когда Пушкин давал ей первые уроки ремесла, а она была никому не известным дебютантом. Теперь ее имя, поставленное в оглавлении журнала или на обложке книги, гарантировало владельцам типографий и периодических изданий прибыль. Она хорошо знала об этом и потому жестко требовала от них достойной оплаты своего труда.

В начале 1839 года Краевский приобрел журнал «Отечественные записки». Но еще в ноябре 1838-го он предложил Дуровой стать сотрудником этого издания. Она согласилась, сообщив, что материалов есть на целый год и добавила: «… но только я не похож на других сотрудников, и об этом-то надобно бы нам с Вами несколько потолковать…» Встречи героини с Краевским происходили не только у нее дома, но и в редакции журнала, где обсуждалось содержание текущих и будущих номеров журнала.

Через год, в ноябре 1839-го, она уведомила Краевского, что выбывает из числа сотрудников. Однако расстались они, по-видимому, вполне дружески. Краевский не забыл отставного штабс-ротмистра Александрова даже спустя много лет. В 1860 году, став казначеем «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», он добился назначения ей особой пенсии, которую «кавалерист-девица» получала в течение четырех лет.

В тихом городе Елабуге

> Наконец «Записки» напечатались. Насилу мог я взять их от издателя и долго пролежали бы они на столе моем, если б к счастью благородный Смирдин не взял их у меня все, то есть 700-т экземпляров, оставшиеся от первоначальной продажи. Это обстоятельство дало мне возможность уехать домой. В 41-м году я сказал вечное прости Петербургу и с того времени живу безвыездно в своей пещере – Елабуге.
>
> Вот все, что я мог припомнить и написать. Посылаю как есть, со всеми недостатками, то есть помарками и бесчисленными орфографическими ошибками. Было у меня много писем и записок Пушкина и два письма Жуковского, но я имел глупость раздарить их…
>
> *Александров (Дурова). «Автобиография»*

К 1840 году саквояж с тетрадями в кожаных переплетах опустел. Черновые варианты, наброски, записи сказок и легенд, которые Надежда Андреевна делала в течение предыдущих двадцати лет, – все это пошло в дело, превратилось в мемуары, повести, рассказы и было опубликовано. Томики с двойной фамилией на обложке «Александров/Дурова» охотно покупали, охотно читали, охотно рецензировали.

Других литературных замыслов у «кавалерист-девицы» не имелось. Она поведала современникам все, что хранила в памяти, в душе и на сердце, встретила у них живой отклик и осталась довольна. Бесчисленные страницы тетрадей, исписанные неразборчивым, как бы летяшим почерком, превратились в ее капитал. По словам Дуровой, она заработала литературным трудом шесть тысяч рублей золотом.

Василий Дуров, в марте 1839 года вновь назначенный городничим в Сарапул, звал старшую сестру вернуться в родные края, жить под одной крышей с его разросшейся семьей. Но Надежда Андреевна все медлила. Она дождалась выхода в свет последних повестей. Ничто теперь ее не удерживало в столице, и героиня покинула «славное жилище русских царей». Но поехала не в Сарапул к брату, а в Елабугу: доживать дни в тишине и покое, в стенах собственного дома…

В XVII веке на реке Тойме стояло село Трехсвятское. Являлось оно царской вотчиной, имело 104 двора. Места вокруг него были замечательные. «…Пашни тут добрые, мягкие; заливные луга от

Тоймы до Камы травяные, хорошие; в лесу сосны корабельные…» – гласила грамота царя Михаила Федоровича Романова.

В 1780 году, при учреждении Вятской губернии, село Трехсвятское переименовали в город Елабугу, сделав его центром уезда, который состоял из «одного села, тринадцати деревень и одного починка». В новом городе имелось 3 церкви (1 – каменная, 2 – деревянные), 376 частных домов и 966 жителей, «поставленных на тягло» (то есть мужчин, плативших подати и налоги. – *А.Б.*). Все они были дворцовыми крестьянами. Магистрат в городе учредить не смогли, так как в нем не было ни мещан, ни купцов.

В начале 40-х годов XIX столетия, когда Дурова навсегда поселилась в Елабуге, здесь уже насчитывалось 6 церквей, в том числе великолепный каменный Спасский собор о пяти главах, с высокой колокольней и двухэтажной пристройкой для духовного правления, 703 частных каменных и деревянных дома. Жителей было более 4,5 тысячи человек.

Центр города составляли улицы Набережная и Казанская. Здесь высилось много каменных двухэтажных домов, крытых железными крышами. Жили в них очень богатые горожане: купцы Стахеевы, Шишкины, Ушковы, Гирбасовы. На Московской улице обитали купцы победнее (третьей гильдии), мелкие торговцы, владельцы постоялых дворов и трактиров, чиновники городской управы и магистрата. Именно на Московской улице купила себе дом и «кавалерист-девица» (купчая утрачена, так как весь архив сгорел при пожаре в 1850 году).

Дом сохранился до нашего времени. В 1993 году он был восстановлен по старым чертежам, в нем открыт музей Н. А. Дуровой. Это типичная городская усадьба середины XIX века. Дом имеет довольно высокий цокольный этаж из камня и первый этаж из бревен, крыша у него двускатная, с большим чердаком. Цокольный этаж считался нежилым. В нем располагались кухня и кладовые, но могла жить и прислуга. На первом этаже имелось 5 комнат, стояла русская печь.

Этот уютный особнячок окружал сплошной высокий забор из бревен. Во дворе находились каретный сарай, конюшня, амбар с погребом и ледником, баня и другие хозяйственные постройки. К дому примыкал обширный сад с яблоневыми и вишневыми деревьями и ягодником (малина, смородина, калина). Общая площадь усадьбы достигала половины гектара.

В доме на Московской улице Дурова прожила последние 25 лет. Она ничего не писала. Только летом 1860 года по просьбе редактора «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» М. Л. Михайлова «кавалерист-девица»

отослала в Санкт-Петербург «Автобиографию» в несколько страниц. В ней она изложила ту версию, которая потом попала во все справочные издания: отец – гусарский ротмистр, о муже и сыне – ни слова, год рождения 1790, а не 1783, как в действительности, много о встрече с царем и военной службе, ничего о пребывании в Елабуге и своих занятиях здесь.

Однако этот период жизни героини получил достаточно полное освещение в статье ее земляка Н. А. Кутше, опубликованной в журнале «Исторический вестник» в 1894 году.

Кутше рисует образ доброй и кроткой старушки, вполне обеспеченной (пенсия – 1000 руб. в год), поддерживавшей знакомство с городничим Эрличем, отставным майором пехоты, и с городским головой, купцом второй гильдии И. В. Шишкиным, на домашних праздниках у которого она любила бывать. Еще у Дуровой был слуга по имени Степан, на все руки мастер: и дворник, и повар, и камердинер.

До последних дней своей жизни она носила синий уланский офицерский сюртук без эполет, но с Георгиевским крестом в петлице, требовала, чтобы к ней обращались: «ваше благородие господин штабс-ротмистр Александров», сердилась, если от этого правила отступали, и тогда делала довольно резкие замечания. Но при этом вспоминать боевое прошлое не любила, на вопросы о нем отвечала крайне неохотно. Так же равнодушно относилась Надежда Андреевна к своей литературной славе. Рукописей не хранила, книги не перечитывала.

Главным ее развлечением и отрадой в старости стали домашние животные. Она любила собак и держала целую свору: до пяти-семи голов комнатных, дворовых, охотничьих. Каждый день утром и вечером «кавалерист-девица» выходила с ними на прогулку и двигалась по улице, опираясь на трость, шагая твердо, с прежней армейской выправкой. Иногда Дурова заходила к соседям по делам своего незатейливого хозяйства. Она была веселой собеседницей и шутницей, держала себя просто…

В 1863 году в Елабуге открылось фотоателье, и Надежда Андреевна сфотографировалась там. Эта фотография была воспроизведена в журнале «Русская старина» в 1890 году, оригинал ее хранился в полковом музее 5-го уланского Литовского полка и пропал после 1917 года. Это – последний прижизненный и самый достоверный портрет героини, ей здесь 80 лет. Фотография изображает худощавую, небольшого роста старушку, одетую в однобортный сюртук с высоким наглухо застегнутым воротником, волосы у нее подстрижены в кружок, взгляд – острый, насмешливый…

Дурова скончалась 21 марта 1866 года. Она завещала

похоронить себя под именем Александрова, но священник К. Спасский, протоиерей Николаевской церкви и старый друг «кавалерист-девицы», не решился на это. В метрической книге Николаевской церкви была сделана запись следующего содержания: «21-го марта 1866 года умерла, а 24-го марта погребена, штабс-ротмистр, по выданному билету на отставку из военной службы от 24-го апреля 1817 года № 2362, дворянка по рождению и крещению Надежда Андреевна Дурова».

Похоронена Дурова была на кладбище Троицкой церкви. В последний путь ее провожали строевые чины местного кадрового батальона, знак отличия Военного ордена нес офицер, над могилой был произведен троекратный салют из ружей. Первый памятник ей был скромным: каменная плита с надписью: «Здесь покоится прах рабы Божьей Надежды Андреевны Дуровой-Александрова. Сконч. 21 марта 1866 года, 78 лет от роду».

В начале XX века солдаты и офицеры Литовского полка собрали по подписке более 300 рублей, кроме того, из полковых сумм было выделено еще 200 рублей. На эти деньги в Нижнем Новгороде был заказан памятник из тверского темно-зеленого гранита, изготовлена железная решетка, украшенная венками из искусственных цветов. На медной доске с лицевой стороны памятника поместили рисунок полкового знака и надпись: «Надежда Андреевна ДУРОВА, по велению императора Александра – корнет АЛЕКСАНДРОВ кавалер Военного ордена. Движимая любовью к родине, поступила в ряды Литовского уланского полка, спасла офицера, награждена Георгиевским крестом. Прослужив 10 лет в полку, произведена в поручики и удостоена чина штабс-ротмистра. Родилась в 1783 году, скончалась в 1866 году. Мир праху ее! Вечная память в назидание потомству ее доблестной душе!» Этот памятник был торжественно открыт в Елабуге в октябре 1901 года.

В 1917 году революционные солдаты и рабочие, бесчинствовавшие в городе, добрались и до кладбища Троицкой церкви. Памятник они разломали, медная доска при сборе цветных металлов, нужных для промышленности, попала в переплавку. Место захоронения героини было с трудом найдено в начале 90-х годов прошлого века. Теперь здесь установлен памятник из красного гранита.